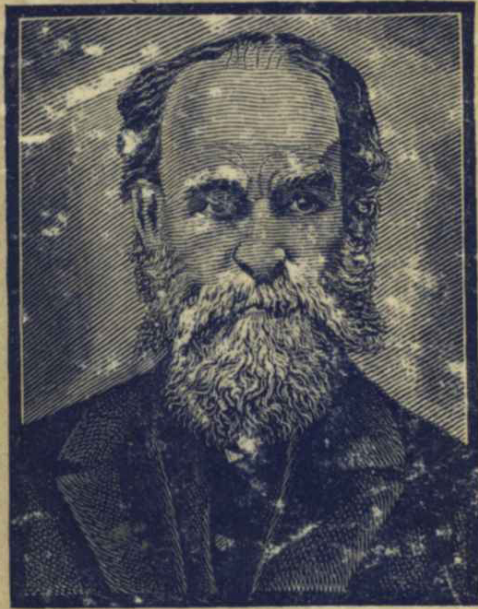

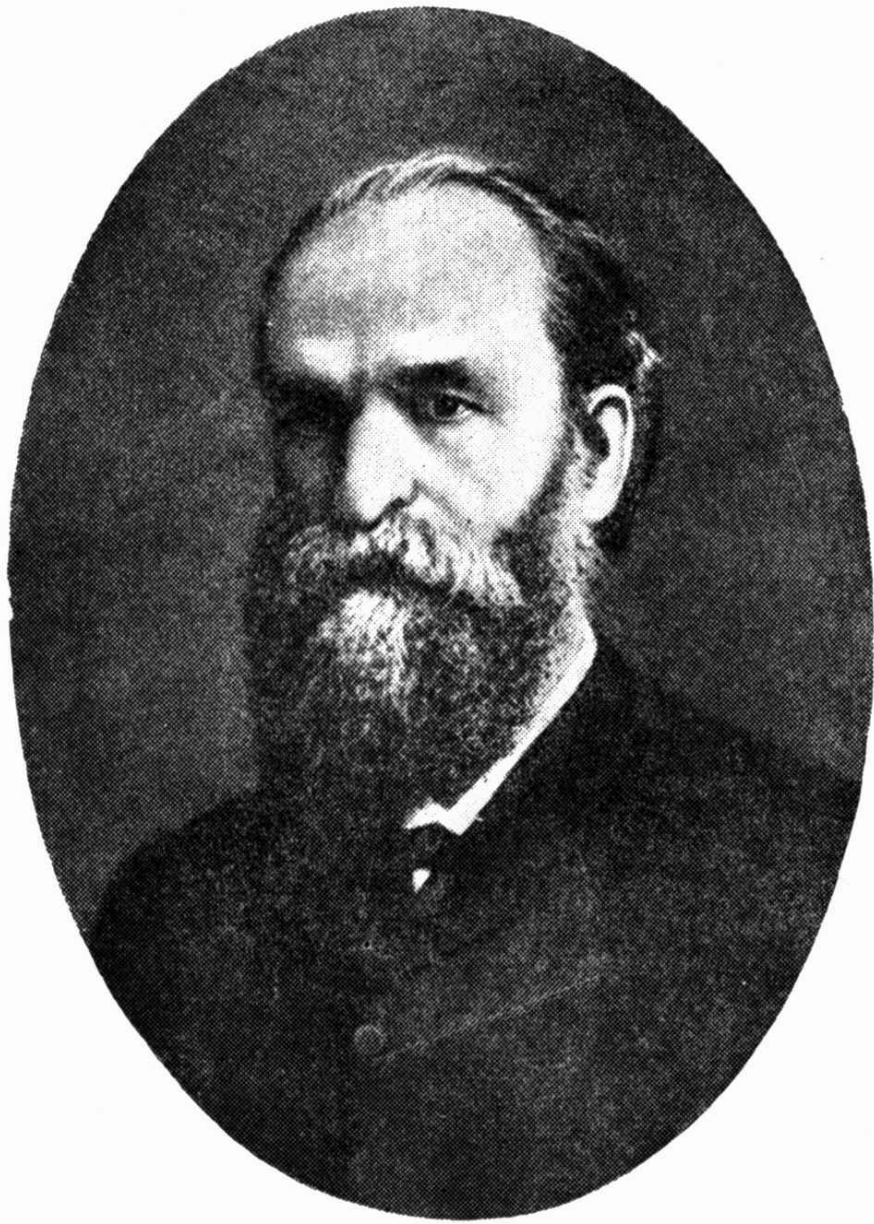
ПАМЯТИ

П.Ф. ЛЕСГАФТА

„ФИЗКУЛЬТУРА и СПОРТ“

1947

П. Ф. ЛЕСГАФТ

ПАМЯТИ
П. Ф. ЛЕСГАФТА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Е. Н. МЕДЫНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“

Москва 1947

ПАМЯТИ П. Ф. ЛЕСГАФТА

УМАНИСТ и демократ, крупный общественный деятель, разносторонний ученый — анатом, врач и педагог, Петр Францевич Лесгафт своими теоретическими трудами и своей практической деятельностью внес большой вклад в «золотой фонд» русской педагогики.

Характерными чертами прогрессивной русской педагогики являются гуманизм, демократизм и патриотизм, высокая оценка науки, просвещения и общего образования, стремление развить активность и творчество ребенка, чуткий подход к детям, уважение к личности ребенка и понимание психологических особенностей детей. Критически используя все лучшее, что было в педагогике других стран, русская прогрессивная педагогика развивалась как оригинальная и самобытная педагогика.

Все эти черты мы находим в педагогических трудах и общественно-педагогической деятельности Петра Францевича Лесгафта.

Как общественный деятель и ученый-новатор, Лесгафт сложился под влиянием демократического общественного движения 60-х годов XIX в., когда он был еще студентом и начал (с 1861 г.) свою научную работу. Стремление отдать все свои силы на служение народу, мужественная борьба с полицейским произволом, стремление к научной истине и требование свободы научного творчества, материалистические элементы его научных теорий, поддержка молодежи в ее революционной борьбе и стремлениях овладеть передовой наукой — характерные черты, которыми отличался Петр Францевич Лесгафт в течение всей своей жизни.

Едва началась его профессорская деятельность, он за смелый протест против произвола попечителя Казанского учебного округа и против нарушения нормальной учебной работы в Казанском университете был уволен из числа профессоров этого университета с запрещением заниматься учебной деятельностью и отдан под надзор полиции, который с небольшим перерывом тяготел над ним почти в течение всей его жизни.

Публичные лекции, которые он организует по вопросам анатомии и биологии, запрещаются как способствующие распростра-

нению материалистических учений. Он не допускается полицией к руководству учительскими курсами в Саратове в 1900 г. и в Одессе в том же году. Многочисленные учебные заведения и курсы нового типа, которые с поразительной энергией организует П. Ф. Лесгафт (Курсы гимнастики, открытые им в 1875 г., Курсы воспитательниц и руководительниц физического воспитания, Биологическая лаборатория, Вольная высшая школа и др.), привлекают прогрессивную молодежь, но, просуществовав недолго, закрываются царской администрацией по обвинению в «неблагонадежности». Лесгафта увольняют в 1897 г. из числа преподавателей Петербургского университета.

Эти репрессии, однако, не сломили духа и энергии П. Ф. Лесгафта. Он подписал протест против «Временных Правил» 29 июля 1899 г. об отдаче студентов, участников студенческих волнений, в солдаты и требование отдать под суд виновников избиения студентов, участвовавших в демонстрации 4 марта 1901 г. За противоправительственную деятельность Лесгафт в 1901 г. был выслан из Петербурга с запрещением жительства в столичных губерниях и университетских городах.

В справке, составленной департаментом полиции в мае 1902 г., говорилось: «Вообще личность Лесгафта высоко ценится молодежью известного направления, и он обладает особым талантом влиять на нее в противоправительственном направлении. После назначения генерал-адъютанта Ванновского на пост министра народного просвещения он, Лесгафт, при всяком удобном случае убеждал молодежь не верить заманчивым обещаниям и не идти ни на какие уступки, пока все их требования не будут удовлетворены».¹

Лесгафт сочувствовал революционному движению, не примыкая ни к одной из политических партий. В 1905 г. он предоставил помещение открытой и возглавляемой им Вольной высшей школы для заседания первого Совета рабочих депутатов. Таковы далеко не полные факты, свидетельствующие о демократизме Лесгафта.

В течение всей своей жизни он как ученый и педагог-демократ стремился нести науку народным массам: читал публичные лекции по биологии и анатомии, организовал курсы для рабочих, открыл Вольную высшую школу, в слушатели которой принимались лица, не имеющие официального свидетельства о полученном ими среднем образовании, и т. д.

Лесгафт был педагогом-гуманистом, горячо призывавшим к уважению личности ребенка. В предисловии к своему труду «Семейное воспитание ребенка и его значение» Лесгафт писал: «Если эта книга хотя несколько будет содействовать уменьшению произвола при обращении с ребенком и укажет на крайнюю необ-

---

¹ Больше количество архивных документов (из Центрального архива революции) о П. Ф. Лесгафте опубликовано в журнале «Красный Архив», 1940, № 3. Эти документы показывают, как преследовала полиция Лесгафта и следила за ним в течение всей его жизни.

ходимость признавать его личность при его воспитании, то цель ее будет вполне достигнута».

Целью воспитания он, так же как и другие передовые русские мыслители в области педагогики — Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Пирогов, Ушинский, Л. Н. Толстой, признавал подготовку человека, высоконравственной личности: «Гармоническое, всестороннее развитие деятельности человеческого организма должно составлять общую цель воспитания». Он горячо протестовал против телесных наказаний детей и призывал к бережному, любовному обращению с ребенком.

В 1946 г. исполняется 10 лет со дня постановления ЦК ВКП(б) о педологических извращениях в системе Наркомпросов, которое осудило псевдонауку — педологию. Педологи в своих «трудах» и в своей наносившей школе, детям и учителям большой вред практике считали детей обреченными плохой «наследственностью», понижали уверенность детей в своих силах, снижали роль учителя и значение воспитания.

Полной противоположностью этим антинаучным взглядам педологов были высказанные полвека тому назад Лесгафтом полные гуманизма мысли о детях и воспитании. Он писал: «Большинство воспитателей, в случае неудачи своих педагогических мероприятий, охотно сваливают все на пресловутую «наследственность», «прирожденную испорченность» детской природы или же, в утешение себе и другим, ссылаются на какие-то неуловимые влияния, которых будто бы нельзя ни предусмотреть, ни избежать... Вследствие недостатка внимания, а главное вследствие незнания, обыкновенно спешат допустить существование врожденных дурных наклонностей, красноречиво толкуют о «неисправимо испорченных» детях, что эта испорченность явилась сама по себе и за нее ответственен сам ребенок! Влияние руководства взрослых как-то всегда остается в тени; и верить не хотят, что эта «испорченность» ребенка школьного и дошкольного возраста есть результат системы воспитания, за которую расплачивается все-таки один воспитанник. В громадном большинстве случаев не природная тупость (нравственная или умственная) ребенка, а педагогические ошибки готовят ребенку горькую будущность, оставляя на его личных проявлениях и привычках неизгладимые следы нравственной порчи и умственного бессилия».¹

Большим оптимизмом, верой в творческие силы ребенка и глубоким уважением к ребенку как к человеку дышат слова Лесгафта, протестующие против пессимистического, унылого взгляда на природу ребенка, как на какую-то изначально испорченную: «Весьма распространенное мнение, что ребенок врожденно зол, ленив, капризен и вообще дурен, пока не коснулось его воспитание, совершенно неверно и несправедливо».² Отвергая мысль о природной

¹ «Семейное воспитание ребенка и его значение», ч. I, 1910, стр. 1—2.

² Там же, стр. 176.

испорченности ребенка, Лесгафт вместе с тем не впадал и в другую крайность: не идеализировал природы ребенка, как какой-то благодатной и совершенной. Он подходил к детям трезво, реально, как гуманист и ученый.

Лесгафт считал, что правильное семейное воспитание детей возможно лишь в семьях, где царит разумная и деятельная жизнь взрослых и детей и взаимное уважение членов семьи друг к другу.

Всесторонне развитый, высоконравственный человек может, по мнению Лесгафта, получиться в результате воспитания лишь тогда, если с раннего детства приучать его к самостоятельному мышлению, к сознательному отношению к своим поступкам, к умению работать и преодолевать трудности, к самоконтролю и самообладанию.

Сам — глубокий ученый, Лесгафт, продолжая прекрасные традиции русской педагогической мысли 60-х годов (Пирогова, Чернышевского, Добролюбова, Ушинского), высоко ставит науку, просвещение, общее образование.

Лесгафт протестует против схоластического обучения, против перегрузки учащихся большим количеством фактов, воспринимаемых главным образом памятью, и требует, чтобы обучение развивало в учащихся способность мыслить.

Задача школы, по Лесгафту, это создать условия для развития свободной самостоятельности личности, отдающей свои силы на достижение общечеловеческих идеалов.

Особо большое место в системе общего образования Лесгафт отводил естествознанию, правильное преподавание которого вооружает детей объективными знаниями и приучает их наблюдать, проверять свои наблюдения, стремиться к достоверности.

В педагогической системе Лесгафта умственное образование тесно связано с нравственным, эстетическим и физическим воспитанием.

Проблемы умственного и нравственного воспитания были подробно и глубоко разработаны русской педагогикой 60-х годов: Пироговым, Толстым и особенно Ушинским. Вопросы же физического воспитания оставались в нашей педагогике 60-х годов мало разработанными. Лесгафт восполнил этот пробел.

Можно с полным правом сказать, что Лесгафт завершил своей теорией физического образования и разработкой теории семейного воспитания стройное здание прогрессивной русской педагогики XIX в., фундамент которого заложили Герцен и Белинский, а корпус и детали построили Чернышевский, Добролюбов, Пирогов, Толстой и Ушинский.

Педагогическая теория Лесгафта не является изолированной; она органически связана своим гуманизмом и демократизмом, своей высокой оценкой общего образования, своим требованием всестороннего развития человека с идеями упомянутых выше русских

педагогов. И в то же время Лесгафт внес в сокровищницу русской педагогики XIX в. много своего, оригинального.

Он прекрасно дополнил русскую педагогику XIX в. учением о физическом воспитании, которого не могли дать сколько-нибудь глубоко и научно обоснованно Ушинский, Толстой, так как для разработки этой проблемы нужен был педагог, являющийся в то же время крупным ученым в области анатомии и медицины. Эту проблему мог разработать еще Н. И. Пирогов, крупнейший анатом и хирург. Однако, выступив как педагог на заре 60-х годов, когда необходимо было бороться с крепостническим воспитанием, он сосредоточил, как и другие педагоги 60-х годов, все свое внимание на вопросах нравственного и умственного воспитания, на проблемах идеологического мировоззренческого характера, как наиболее актуальных в тот период, и вопросы физического воспитания остались, таким образом, до Лесгафта неразработанными.

Указать эту тесную связь педагогических воззрений Лесгафта с гуманистической и демократической русской педагогикой 60-х годов, думается нам, это значит, дать новое освещение роли Лесгафта в общем развитии русской педагогики, так как обычно он трактовался как-то изолированно, вне связи с другими великими русскими педагогами; это значит, включить его в славную плеяду основоположников русской педагогической науки второй половины XIX в. Задача истории педагогики заключается ведь не в том, чтобы изложить педагогическое учение каждого отдельно взятого педагога той или иной эпохи и даже не в том, чтобы проанализировать это учение изолированно от общего развития педагогической мысли в эту эпоху, но в том, чтобы вскрыть закономерности всего процесса этого развития, рассмотреть каждого из крупнейших педагогов в связи с другими как одну из сторон многогранного явления, увидеть особенное в общем.

При таком подходе педагогические воззрения Лесгафта представляются в новом свете, как одно из звеньев всей цепи русской педагогики, которая выступает полнее, как стройное многогранное целое, без каких бы то ни было пробелов.

В предисловии к первому тому «Педагогической антропологии» («Человек как предмет воспитания») К. Д. Ушинский писал: «...мы, не обладая специальными сведениями в медицине, вовсе удержались в нашей книге от подачи советов по физическому воспитанию, кроме тех общих, для которых мы имели достаточные основания. В этом отношении педагогика должна ожидать еще важных услуг от педагогов-специалистов в медицине...». И далее Ушинский указывал, что медики, анатомы, физиологи, историки, филологи могут принести непосредственную пользу делу воспитания, если они не только специалисты в своих областях, но и педагоги.

Эту задачу — дополнить педагогику научно построенной тео-

рией физического воспитания, которую К. Д. Ушинский поручал ученому анатому и медику, являющемуся в то же время и педагогом-теоретиком,— блестяще выполнил П. Ф. Лесгафт.

На связь отдельных высказываний Лесгафта с Белинским, Чернышевским, Ушинским и Пироговым в историко-педагогической литературе уже указывалось¹, но эти указания и сопоставления были лишь отдельными штрихами, попутно сделанными замечаниями. Вопрос же должен быть поставлен гораздо глубже: Лесгафт — продолжатель педагогических исканий великих русских педагогов 60-х годов, их соратник, товарищ их в общем деле (сохраняющий, конечно, как и каждый из этих педагогов, свои специфические особенности, свою оригинальность).

С Ушинским Лесгафта роднит призыв всесторонне изучать ребенка, требование воспитывать всесторонне развитого человека, анализ связи различных сторон воспитания, стремление развить активность и самостоятельное мышление ребенка, подчеркивание огромной роли воспитателя, признание труда как основы всего развития человека.

Так, Ушинский в статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» считает, что труд составляет необходимое условие физического, нравственного и умственного развития человека; он указывал, что воспитание должно развить в человеке любовь к труду, привычку и умение трудиться. Лесгафт полагает, что лишь то воспитание правильно, которое воспитывает в человеке естественное стремление к труду. Можно указать еще много мыслей, общих Ушинскому и Лесгафту, Пирогову и Лесгафту и т. д., которые с несомненностью показывают, что оба действовали в одном направлении, но это отнюдь не значит, что Лесгафт лишь повторял Ушинского или Пирогова.

Многому он дает свое освещение, во многом дополняет других педагогов. Так, Ушинский лишь поставил задачу разработки вопросов физического воспитания специалистами в области анатомии, физиологии и патологии детства, Лесгафт блестяще выполнил эту задачу. Ушинский подробно разработал вопросы психологии ребенка, Лесгафт дополнил изучение детей выяснением закономерностей их физического развития, изменения в различном возрасте их анатомических и физиологических особенностей. Ушинский главным образом имеет в виду ребенка школьного возраста, преимущественно разрабатывает вопросы обучения детей (конечно, в тесной связи с нравственным воспитанием). Лесгафт сосредоточивает всё свое внимание на оставшейся после 60-х годов сравнительно мало разработанной проблеме семейного воспитания и на вовсе не разработанной теории физического воспитания.

В результате такой кооперации, преемственности и особенно-

---

¹ Например, в статьях: И. В. Чувашев. «П. Ф. Лесгафт о воспитании детей в семье и детском саду»; М. Горбин. «Педагогические воззрения П. Ф. Лесгафта». «Советская педагогика», 1940, № 7.

стей каждого из педагогов-теоретиков получается симфония русской педагогики второй половины XIX в., в которой каждый педагог ведет свою партию.

Теория семейного воспитания и теория физического образования, которыми Лесгафт обогатил русскую педагогику, представляют собой необходимые, неотъемлемые части последней. Обе эти теории блещут оригинальностью и самобытностью не только взятые сами по себе как теории Лесгафта, но и повышают оригинальность и самобытность русской педагогики в целом.

В самом деле: русская педагогика XIX в. значительно превосходит пресловутую немецкую педагогику XIX в. не только своим демократизмом, гуманизмом, пониманием личности ребенка и уважением к этой личности, не только богатством материалистических основ (особенно у Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и в значительной мере у Ушинского); она превосходит эту немецкую педагогику (равно как и педагогику ряда других стран) своей цельностью, многогранностью и всесторонностью.

В частности, следует отметить, что хотя в Германии сложилась система так называемой тяжелой немецкой гимнастики Яна, хотя существует система шведской гимнастики, сокольской гимнастики и др., но все эти системы стоят изолированно от общего развития педагогической мысли, не связаны с наиболее известными педагогическими системами этих стран, а иногда (как, например, система немецкой гимнастики) являются и вовсе антипедагогическими.

Теория физического образования Лесгафта, как никакая иная до него, обоснована научно анатомией и физиологией человека и в то же время и в такой же мере психологией и педагогикой. Можно с полным правом утверждать, что из всех существующих теорий физического воспитания она является наиболее педагогической.

Поскольку в настоящем сборнике подробному анализу этой теории посвящены статьи проф. И. М. Саркизова-Серазини и доц. К. Х. Грантынь, нет необходимости говорить о характерных ее особенностях во вводной статье.

Доц. К. Х. Грантынь совершенно правильно указывает: «Главное достоинство системы физического образования Лесгафта заключается в том, что она разработана как органическая составная часть гармонического, всестороннего развития, образования и воспитания человека». Мы со своей стороны лишь хотим подчеркнуть, что эта теория является оригинальным, ценным вкладом в мировую педагогику.

Таким же оригинальным и ценным вкладом Лесгафта в нашу русскую и вместе с нею в мировую педагогику является его теория семейного воспитания. Обе его теории не являются изолированными, параллельно данными, но теснейшим образом связаны друг с другом: как там, так и здесь он ставит одну цель — гармониче-

ское развитие человека, рассматривает все стороны воспитания в их связи, стремится развить активность ребенка и (с учетом возрастных особенностей) сознательное отношение его к своим поступкам и к окружающему. Характерная для Лесгафта теория отрицания прибавочных раздражителей красной нитью проходит как через его учение о физическом воспитании, так и через теорию воспитания семейного. Не нужно укачивать детей, брать их часто на руки, наряжать ребенка, как куклу, давать ему много сладкого, давать детям деньги и т. д.: «сначала конфетка, потом конфетка с ромом, потом ром с конфеткой и, наконец, чистый ром», образно говорит Лесгафт, протестуя против применения в процессе семейного воспитания прибавочных раздражителей.

Подробно и глубоко на огромном опытном материале Лесгафт изучил особенности физического развития детей «семейного периода» их жизни.

Лесгафт подчеркивает большое значение матери как воспитательницы: «При первоначальном воспитании всего нагляднее можно видеть всё значение серьезно образованной матери. В самом деле, что может быть выше и ценнее умной матери! ...Естественной руководительницей ребенка является прежде всего мать. Разумность и высокое образование женщины всего сильнее будет влиять на развитие и образование нравственного характера ребенка. Только такая женщина, никогда не допуская произвола, лжи или оскорбления ребенка, будет в состоянии содействовать умственному его развитию и установлению его нравственного характера. Она не будет ограничиваться внешностью, а во-время сказанным словом и разъяснением сумеет поддержать активную деятельность ребенка, а также будет содействовать усвоению им понятия о правде. Она не будет поддерживать его чувственных проявлений, а будет непременно содействовать развитию сознательной его деятельности».¹

В полном соответствии с таким взглядом на роль матери Лесгафт выдвигает демократическое требование о полном равноправии женщины с мужчиной и борется за женское образование. Мы видели уже, что он был организатором женских курсов воспитательниц и руководительниц физического образования. В Вольной высшей школе Лесгафта учились как мужчины, так и женщины.

В заключение надо отметить глубокую и острую критику Лесгафтом немецкой педагогики, что являлось органической частью борьбы Лесгафта за оригинальность и самобытность русской педагогики.

Подобно Ушинскому и Толстому Лесгафт критикует Фребеля, характеризуя как фантастические и беспочвенные рассуждения Фребеля о возможности для ребенка в первые годы его жизни познать математические законы и отмечая формализм и «сверх-

¹ «Семейное воспитание ребенка и его значение», ч. II, 1910, стр. 225—226.

систематичность» фребелевских занятий. Лесгафт указывает, что в Германии «педагоги стремятся только учить ребенка и увеличить количество его знаний, они охотно всё сводят на усвоение частных случаев, правил, приемов». Сам Лесгафт стремится, наоборот, развивать у детей сознательное отношение к окружающему, развить их мышление. Допуская, что система Фребеля в его собственных руках, может быть, могла иметь некоторое значение для детей его нации и среды, Лесгафт, так же как и Ушинский, указывает, что у последователей Фребеля, педагогов детских садов, эта система превратилась в «бездушный шаблон», убивающий индивидуальность ребенка, вызывающий у детей апатию, скуку и утомление. Он отмечает шаблонность, мелочность фребелевских занятий, а также национализм фребелевской системы, и иронически говорит, что слишком педантичные фребелевские занятия, «приводящие в восторг маленькое немецкое человечество, на наших детей легко могут нагнать скуку».

В результате своего анализа детских игр и занятий по системе Фребеля Лесгафт приходит к выводу, что система в том виде, в каком она применяется теперь в детских садах, «должна быть признана положительно вредной для детей дошкольного возраста».¹

Отвергая фребелевские игры и занятия, Лесгафт разработал свою оригинальную теорию игры, изложение и анализ которой читатель найдет в этом сборнике в статье М. В. Лейкиной.

Еще более уничтожающей критике Лесгафт подверг систему немецкой тяжелой гимнастики. Подробно обосновав свое заключение научными доводами, развитыми в 9 пунктах, Лесгафт приходит к выводу: «применяемые в немецкой гимнастике аппараты, как и вся вообще система гимнастики, выработанная Яном, совершенно непригодна в школе».² Равным образом отвергает Лесгафт и немецкую школьную гимнастику по системе Шписса, характеризуя эту систему как «случайное собрание различных упражнений, без связи и цели».³

Советская педагогика, критически используя все наиболее ценное в теории и практике воспитательной работы всех стран, гордится большими достижениями прогрессивной русской педагогической мысли.

Многие достижения крупнейших русских педагогов не могли быть осуществлены ими в дореволюционной России, многие тормозились реакционным царским правительством.

И только теперь, в условиях завоеваний, достигнутых Великой Октябрьской революцией, могут быть полностью осуществлены лучшие достижения прогрессивной русской педагогики.

Советский народ высоко чтит память борцов за гуманистиче-

---

¹ «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста», ч. I, 1912, стр. 214.

² Там же, стр. 190.

³ Там же, стр. 220.

скую, демократическую, построенную на действительно научных основаниях, педагогику.

Одним из таких борцов был П. Ф. Лесгафт, педагогическое наследство которого усиленно изучается советскими педагогами, имя которого присвоено Государственному ордену Ленина и ордену Красного Знамени институту физической культуры.

Настоящий сборник, большинство статей в котором принадлежит научным работникам этого Института, — дань глубокого уважения и любви советских ученых в области физической культуры к создателю русской оригинальной системы физического образования, теоретику семейного воспитания, достойному соратнику Добролюбова, Ушинского — Петру Францевичу Лесгафту.

ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА ФРАНЦЕВИЧА ЛЕСГАФТА

СРЕДИ выдающихся русских педагогов, ориентирующих нас в сложной области воспитания юношества, ярко выделяется славное имя Петра Францевича Лесгафта.

Педагогическая система Лесгафта, выражая собой исторически определившиеся черты передовой русской педагогики — ее гуманизм и демократизм, стремление к всестороннему развитию творческих сил ребенка, двигала вперед русскую педагогику как в теории, так и на практике, и до настоящего времени во многом сохраняет актуальное значение.

Педагогическая система Лесгафта построена на научных принципах и в значительной мере оформлялась в процессе борьбы с недостатками и извращениями семейного воспитания и школьного обучения того времени.

В разоблачении казенной немецкой педагогики, которую старательно насаждали в России реакционные деятели министерства народного просвещения, в борьбе с ее бездушным формализмом, схоластикой и ограниченностью немалую заслугу мы должны, наряду с К. Д. Ушинским, Л. Н. Толстым и другими педагогическими деятелями, признать и за П. Ф. Лесгафтом.

Партия, правительство и вся советская общественность глубоко чтут память Лесгафта как одного из крупнейших педагогов и выдающегося анатома и биолога.

I

В лице П. Ф. Лесгафта мы имеем разностороннего ученого с европейской известностью.

Лесгафт был передовым общественным деятелем, организатором различных курсов и Вольной высшей школы. Прогрессивные идеи того времени были и его идеями. Независимая наука, автономия высшей школы, проведение в жизнь передовых научных идей; новая школа, дающая научное и связанное с жизнью образование; уважение к личности ребенка, охрана материнства и мла-

денчества; женское образование; распространение научных знаний среди широких народных масс — вот проблемы, за которые он энергично боролся в жестоких условиях царского самодержавия и за что постоянно, до самой смерти, подвергался преследованиям и гонениям.

Со всех концов необъятной России тянулась молодежь к П. Ф. Лесгафту как к великому воспитателю, источнику научных знаний, учителю жизни и борьбы за лучшее будущее.

Педагог-энтузиаст, он стремился прежде всего будить мысль своих учеников. Своим мастерским изложением курса анатомии человека он, можно сказать, оживлял мертвые кости и мышцы и показывал своим слушателям подлинную жизнь в ее разнообразных противоречиях и движении. Он увлекал слушателей разносторонней содержательностью своих замечательных лекций и вместе с тем относился к студентам с отеческой заботливостью и строгостью.

Лесгафт стремился поднять выше педагогику как науку, глубже обосновать ее данными анатомии, физиологии и психологии. Он разработал научные основы семейного воспитания и дал свою типологию детства.

Исходя из развитых им основ теоретической анатомии и из законов морфологии, физиологии и психологии, Лесгафт создал оригинальную во всей мировой педагогике теорию физического образования, которая занимает в его педагогической системе выдающееся положение и является «во многих отношениях созвучной задачам физического воспитания в настоящий момент», как о том писала в 1941 г. «Учительская газета» (№ 27).

Лесгафт был человеком твердых принципов, высокой активности и исключительной настойчивости в осуществлении своих идей: его слова не расходились с его делами, и в том же духе воспитывал он своих слушателей.

Каждое явление Лесгафт объяснял с естественно-научной точки зрения, избегая всяких мистических толкований. Его мировоззрение — естественно-исторический материализм.

Таков в немногих словах незабвенный образ великого педагога.

II

Лесгафт начал свою деятельность в 60-х годах XIX в. Он находился под сильным влиянием передовых идей, порожденных общественно-педагогическим движением того времени. Для него не прошли бесследно требования политических реформ, волнения крестьян, умиряемые военной силой, студенческие беспорядки, деятельность Пирогова (1810—1881), Ушинского (1824—1870) и других передовых общественных деятелей 60-х годов, энергично бичевавших прогнившие устои самодержавно-крепостнического строя.

Лесгафт глубоко впитал в себя передовые революционно-демократические идеи бурной эпохи 60-х годов и оставался верным

защитником этих идей в последующие десятилетия сильной политической реакции (80—90-е гг.), в период деятельности таких реакционеров, как министры народного просвещения граф Д. А. Толстой и Делянов, как публицисты Катков, Леонтьев и другие душиители науки, школы и печати.

Об этом свидетельствует вся последующая деятельность П. Ф. Лесгафта. Он развивал и обосновывал передовые общественно-педагогические взгляды 60-х годов, боролся за них и по возможности претворял их в жизнь. Неуклонно и бесстрашно выступал он против несправедливости, произвола и насилия царских чиновников. Так поступал он всю жизнь.

В 1909 г., в последний год жизни Лесгафта, вышли в свет «Записки педагога» А. Вельского с кратким вступительным письмом Лесгафта. В этой книге автор дает резко отрицательную характеристику состояния школы того времени. Книга целиком направлена против самовластной бюрократии, стремящейся «заглушить в молодом поколении всякую способность к критическому мышлению». Автор на заданный им вопрос, возможна ли при настоящих условиях русской действительности прочно поставленная, хотя бы относительно нормальная школа, которая была бы в силах отчасти удовлетворить запросы и требования, существующие в массах, дает отрицательный ответ. Он считает, что «свободную школу может создать только свободный народ».

Про такую «крамольную» по тому времени книгу Лесгафт за 9 месяцев до своей смерти пишет: «...нахожу, что в ней непосредственно, ярко и правдиво передается состояние нашей школы в настоящее время; необходимо прямо указать, что школы у нас нет, а существуют только одни пенитенциарные учреждения».

Так до конца своей жизни Лесгафт оставался в резкой оппозиции против существовавшего строя и против казенной школы, отражавшей глубоко ненавистный Лесгафту самодержавно-бюрократический режим.

III

Приведем краткие сведения о жизни Лесгафта и о его педагогической деятельности.

Лесгафт родился в 1837 г. Окончив петербургскую гимназию (Annenschule), он поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию.

Нелегко жилось студенту Лесгафту. Он занимал маленькую комнату недалеко от Академии и зарабатывал себе на пропитание частными уроками. Заработки студента Лесгафта бывали так ничтожны, что ему нередко приходилось голодать. С утра и до позднего вечера бегал он по урокам, слушал лекции, работал в лабораториях.

Лесгафт сначала увлекался химией под руководством профессора Зинина, а потом с таким же увлечением отдался занятиям анатомией у профессора Грубера.

После окончания Академии (1861) Лесгафт был оставлен Грубером в качестве прозектора и преподавателя анатомии при анатомическом кабинете.

Через четыре года после окончания Академии Лесгафт защитил (1865) первую диссертацию («Об окончании продольных мышечных волокон прямой кишки у человека и некоторых животных») на степень доктора медицины, а спустя три года после защиты первой диссертации он защитил (1868) вторую («Колотомия в левой поясничной области с анатомической точки зрения») — на степень доктора хирургии.

В том же 1868 г. Лесгафт был приглашен в Казанский университет заведывать кафедрой физиологической анатомии. Лесгафт примкнул здесь к передовой части профессуры и вскоре решительно ополчился против беззаконий профессор-реакционеров, вводивших полный произвол в организацию и проведение экзаменов в университете.

Дело дошло до того, что в этот период, когда особенно были усилены правительственный надзор над школой и преследование инакомыслящих профессоров и студентов, Лесгафт осмеливается выступить в печати против властей Казанского университета.

14 сентября 1871 г. в «С.-Петербургских Ведомостях» появилась статья Лесгафта под заглавием «Что творится в Казанском университете». В этой статье Лесгафта читаем следующие строки:

«От произвола и незаконных действий нет защиты, если отказываются не только разбирать, но и слушать о том, что делается; остается одно — прибегнуть к гласности». «Я полагаю, — говорит в конце статьи Лесгафт, — что приведенные факты ясно убеждают, что и в коллегиальном учреждении могут быть ослаблены нравственные отношения между членами его, как скоро нет гласности (ибо протоколы не печатаются, протесты отвергаются, отдельных мнений не принимают и т. д.)».

За это смелое выступление Лесгафта увольняют из Казанского университета и лишают даже права преподавательской деятельности.

Лесгафт вновь возвращается в Петербург к профессору Груберу, который устраивает его у себя в качестве внештатного сотрудника и поручает ему вести занятия с женским кружком, изучавшим анатомию.

Нужно заметить, что Грубер был одним из первых профессоров в России, допустивших женщин в свои лаборатории для занятий по анатомии. В числе участниц кружка, который образовался у Грубера и руководство которым он передал Лесгафту, были Сулова и Кашеварова — первые женщины-врачи в России. Лесгафт с увлечением отдался руководству кружком, число членов которого стало быстро расти и в 1874 г. доходило уже до 100 человек.

Позднее, приказом от 5 марта 1878 г. по военному министерству, возглавлявшемуся профессором Милютиним, человеком по

тому времени весьма либеральным, Лесгафт был восстановлен в прежней своей должности прозектора при профессоре Грубере.

В этом приказе сказано:

«Переводится по ведомству военно-медицинскому сверхштатный Младший Медицинский Чиновник при Медицинском Департаменте Министерства Внутренних Дел, Доктор Медицины и Хирургии, Коллежский Советник Лесгафт — в Императорскую Медико-Хирургическую Академию прозектором».

**
*

Изучение строения и деятельности человеческого организма привело Лесгафта к вопросам физического воспитания. Об этом свидетельствуют первые же две работы Лесгафта в этой области: «Основы естественной гимнастики» (1874) и «Отношение анатомии к физическому воспитанию и главные задачи физического образования в школе» (1876).

В это время Лесгафт уже разрабатывал свой метод преподавания гимнастики. Исходя из строения человеческого организма, он основывает подбор физических упражнений на анатомо-физиологическом основании и стремится достигнуть упражнениями правильного развития человеческого организма и отдельных его органов, а также увеличения физической силы человека.

Через год после появления «Основ естественной гимнастики» военное министерство, возглавляемое Милютинным, предложило Лесгафту командировку за границу для ознакомления с постановкой гимнастики за рубежом, с тем чтобы затем открыть курсы преподавания гимнастики для офицеров и продвинуть гимнастику в русские войсковые части.

Лесгафт охотно принял это предложение и два лета (1875 и 1876 гг.) посвятил изучению вопроса в Германии, Франции, Англии, Швейцарии и других государствах Западной Европы. Результаты этих поездок выразились в обстоятельном отчете под заглавием «Приготовление учителей гимнастики в государствах Западной Европы», напечатанном в Педагогических сборниках Главного управления военно-учебными заведениями за 1877—1879 гг.¹ и в других работах Лесгафта. Мы имеем в виду его книжку под длинным заглавием: «Краткий курс общей анатомии человека, разбор простых физических упражнений и описание школ для приготовления учителей гимнастики для армии в государствах Западной Европы» (1886) и небольшую работу «Значение физических упражнений для войска» (1888).

**
*

Педагогическая деятельность Лесгафта в военном ведомстве никем еще не освещена; она просто забыта. А между тем эта сторона его деятельности заслуживает особого внимания. Лесгафт

¹ В 1880 г. этот отчет был издан еще отдельно.— Г. Ш.

стал развертывать свою работу по физическому воспитанию и разрабатывать свою теорию физического образования прежде всего в учебных заведениях военного ведомства. Мы приведем данные о его работе в этом ведомстве на основании еще не опубликованных архивных материалов.¹

Педагогическая деятельность Лесгафта в военном ведомстве началась с 1874 г. и продолжалась по меньшей мере 12 лет — до 1886 г.

Из 18 столичных и губернских военных гимназий, переименованных затем в кадетские корпуса, Лесгафт был тесно связан с 12 военными гимназиями, с пригготовительными классами Пажеского корпуса и с учительской семинарией военного ведомства.

Занятия гимнастикой в указанных военно-учебных заведениях проводились под педагогическим руководством Лесгафта, по разработанной им типовой программе для различных возрастных групп (от 10 до 18 лет), опубликованной им в 1877 г. в «Приготовлении учителей гимнастики» (стр. 243—253 по изд. 1880 г.), и по Инструкции для преподавателей гимнастики в военно-учебных заведениях (1879 г.), утвержденной Главным управлением военно-учебными заведениями.

Согласно п. 8 упомянутой инструкции, к Лесгафту с различных концов России систематически поступали из военно-учебных заведений отчеты, журналы, программы, результаты измерений и испытаний. Лесгафт добросовестно изучал эти материалы и давал свои указания, как общепедагогические, так и частно-методические. Он составлял целые «своды указаний», объем которых достигал 54 листов. Эти указания Лесгафта Главное управление военно-учебными заведениями доводило до соответствующих учебных заведений для сведения и руководства.

Лесгафт глубоко интересовался процессом физического воспитания в военно-учебных заведениях. Он лично посещал уроки гимнастики, наблюдал за ходом занятий, периодически производил антропометрические измерения, считая, что «система, которая желает основаться на научных данных, непременно должна убедиться в верности своих выводов точными измерениями».²

Главное управление военно-учебными заведениями 10 февраля 1881 г. предложило Лесгафту представить «Руководство к преподаванию рациональной гимнастики» и «составить такое наставление для воспитателей, которое... могло бы заменить для них предполагаемый теоретический курс». Этот заказ, очевидно, был принят Лесгафтом, и в феврале 1888 г. был закончен первый том «Руководства по физическому образованию детей школьного возраста».

По возвращении из заграничной командировки Лесгафт от-

¹ Эти материалы впервые были оглашены мною в моем докладе «П. Ф. Лесгафт о значении физических упражнений для войск» на научной конференции ГОЛИФК им. Лесгафта, посвященной XXVII годовщине Красной Армии, 24 февраля 1945 г. в Ленинграде. — Г. Ш.

² «Приготовление учителей гимнастики», стр. 295—296.

крыл учебно-гимнастические курсы для офицеров русской армии, которыми он руководил и которые функционировали по его планам и программам. Когда эти курсы в 1882 г. были закрыты, то по инициативе Лесгафта в 1885 г. были открыты другие курсы — курсы усовершенствования преподавателей гимнастики и фехтования в войсковых частях под названием «Фехтовально-гимнастический кадр», на которых Лесгафт сам три раза в неделю от 9½ до 11 час. утра проводил занятия по составленной им «Программе теоретического и практического преподавания курса гимнастики для военных».¹

Таково в самом сжатом виде содержание педагогической деятельности Лесгафта в военном ведомстве, как это можно установить на основании новых архивных материалов.

Можно без преувеличения сказать, что никто из представителей педагогической науки в России — ни до Лесгафта, ни после него — не сделал так много для внедрения физических упражнений в русскую армию, как Лесгафт.

Касаясь трех упомянутых выше научных трудов Лесгафта в этой области, следует заметить, что ныне забытое многими «Приготовление учителей гимнастики» является основным, исходным для его последующих трудов: «Краткий курс» в части описания школ почти целиком воспроизводит отдельные главы из «Приготовления учителей гимнастики»; «Значение физических упражнений для войска» дает краткое изложение теории физического образования Лесгафта, распространенной им и на физическую подготовку солдата.

Эта теория физического образования, в основных чертах уже намеченная в «Приготовлении учителей гимнастики», легла в основу и знаменитого «Руководства по физическому образованию детей школьного возраста».

В «Приготовлении учителей гимнастики» уже намечено лесгафтовское понимание цели и метода физических упражнений, элементарных и сложных движений, принципа сознательности и постепенности в их проведении; отмечено значение игр; высказывается отношение к аппаратам; дана оценка ходьбы, бега, метания, борьбы, плавания и, в частности, оценка упражнений, имеющих специальное значение для военных занятий. Этот труд Лесгафта является вместе с тем блестящим показателем того, каким колоссальным материалом располагал Лесгафт для своих научно-педагогических построений и практической педагогической деятельности в области физического воспитания.

В этом труде Лесгафт дает подробнейшее описание различных учебных заведений, в которых велась подготовка учителей гимнастики для армии и гражданских школ и с которыми он знакомился,

---

¹ Эта программа, представляющая для нас большой интерес, приложена к «Приказу по войскам гвардии Петербургского военного округа» от 12 октября 1885 г. за № 48.

разъезжая по государствам Западной Европы в 1875—1876 гг. Для характеристики учебных заведений Лесгафт обычно привлекает различные официальные положения, уставы; описывает расположение здания и различных его помещений, оборудование; знакомит с порядком поступления в учебное заведение, с количеством и составом учащихся, сроками обучения, режимом; приводит учебные планы, программы, описывает испытания и т. д., словом, дает целую энциклопедию по подготовке учителей гимнастики для армии и школ в государствах Западной Европы того времени.

Лесгафт сопровождает свои описания критическими замечаниями и выдвигает свою теорию с обстоятельной программой физических упражнений по возрастам от 10 до 18 лет.

Общее заключение, к которому приходит Лесгафт в результате критического изучения различных систем подготовки учителей гимнастики в государствах Западной Европы, выражено у него в следующем положении:

«Вообще при преподавании гимнастики руководствуются... во многих странах только кажущимися основаниями и сознательными действиями, на самом же деле здесь нет ничего другого, кроме подражания и повторения случайно собранных упражнений».¹

Особенно нападает Лесгафт на прусскую систему физических упражнений, или немецкую гимнастику.

«Все, что там (в Германии.—Г. Ш.) говорят о психологии, знании человека, анализе и так далее,— читаем у Лесгафта,— все это — только внешние украшения, без всякого внутреннего содержания. Точно так же и с гимнастикой в Германии: говорят там об анатомии, физике, педагогике и науке-гимнастике и... придерживаются при этом самого грубого и первичного способа гимнастики. Проверять полученные результаты, задумываться над своим делом, основывать свои действия действительно на серьезных научных основаниях — этого в Северной Германии — в отношении гимнастики — мы теперь не находим».²

«Зачем для такого преподавания педагогическое образование? К чему анатомия? Все это внешние украшения грубого эмпирического способа, при применении которого производятся упражнения без всякой связи, последовательности, смысла и употребляется огромное количество аппаратов ...вводимых в физические упражнения не в силу их целесообразности, а «из благоговения к предкам».³

«Результат всех этих упражнений остается все равно темным, так как здесь нет определенных требований, нет, следовательно, и проверки...».⁴

В предисловии к «Краткому курсу», коснувшись зарубежных

¹ «Приготовление учителей гимнастики», стр. 229.

² Там же, стр. 115—116.

³ Там же, стр. 191—192; 115.

⁴ Там же, стр. 191—192. См. еще стр. 79—80.

школ, готовящих учителей гимнастики для армии, Лесгафт отзывается о них следующим образом: «Из них имеет значение школа в Дании, как самая древняя, школа во Франции, именно в Жуанвилье-де-Понт, по строгости и устойчивости организации, школы в Стокгольме и в Англии по своеобразному методу; школа же в Берлине может быть рассматриваема, как сборная или компиляционная».

В своем сообщении о «Значении физических упражнений для войска» Лесгафт говорит: «При всех этих методах нет теории, выясняющей цель занятий и значение производимых упражнений, вследствие этого все применяемое здесь носит совершенно случайный характер и не связано общою мыслью и определенной задачей».

«Всякий систематический метод должен состоять в разъединении получаемых впечатлений и производимых действий и сравнении их между собою».

«Цель физических упражнений всегда должна состоять в умении владеть своими силами и применять их так, чтобы быстро и без траты лишних сил справляться с каждою физическою работою, иначе говоря, чтобы уметь действовать просто и энергично». «Физические упражнения не должны иметь характера каких-либо специальных занятий, а только общих подготовительных упражнений, «развязывающих руки» человека и делающих его более способным к исполнению той работы, которая от него требуется или к которой он намерен приступить. Следовательно, — заключает Лесгафт, — новобранца физические упражнения готовят к более целесообразному и быстрому усвоению военных приемов и эволюций».

Какую же систему физических упражнений для войск предлагает в этих целях Лесгафт военному ведомству? Эта система упражнений имеет для нас в настоящее время немаловажное значение и сводится вкратце к следующему:

1. Элементарные движения (сгибание и разгибание, отведение и приведение, поворот наружу и внутрь, круговые движения).

2. Метание и бег: метание тел различных видов, форм и различного веса; бег с препятствиями или с отягощением. Метание и бег, по мнению Лесгафта, «составляют очень существенные элементы большинства военных упражнений» и представляют собою «выгодную подготовительную школу к стрельбе и к передвижениям с различной быстротою».

3. Движения, производимые с тяжестями (гириями, палками).

4. Плавание.

5. Прыжки разных видов (на месте, вперед, в одну и другую сторону, назад, приведенными и разведенными конечностями, также прыжки через препятствия, пространство и глубину); при упражнении в прыгании можно применять самые простые аппараты — стойку с веревкою, наклонную плоскость.

6. Борьба, приучающая: а) твердо укреплять свое тело от почвы до места, где происходит движение, б) постепенно усиливать

свою деятельность сообразно с увеличивающимся сопротивлением со стороны противника, в) зорко наблюдать за всеми действиями противника и во-время предупреждать их. Упражнение в борьбе очень выгодно подготавливает занимающихся к фехтованию.

7. Игры, особенно атлетические: игры с бегом (лапта всех видов и др.), игры с метанием (бабки, городки и др.).

Лесгафт согласен с англичанами, считающими, что настоящий мужественный и сильный характер скорее приобретается в играх на лужайке, чем в классной комнате.

8. Кроме всех приведенных упражнений, Лесгафт допускает применение в войсках упражнений на аппаратах, например: передвижение на балансовой мачте, лазание по шесту, канату, стене, лестнице (в особенности для пехотинцев); элементарные упражнения в вольтижерстве для кавалеристов, фехтование, упражнения в виде так называемой полевой гимнастики (хождение по бревну, по неровной местности, восхождение по узким деревянным брускам, преодоление различных местных препятствий и т. д.). Но и в отношении физических упражнений в войсках Лесгафт предостерегает от излишнего применения сложных аппаратов, без которых можно обойтись.

С усилением реакции связи Лесгафта с военным ведомством стали ослабевать, а общественно-политические взгляды и настроения Лесгафта приобретали все более революционный характер, что подтверждается всей его последующей общественной и научно-педагогической деятельностью.

**
*

В 1880—1885 гг. Лесгафт публикует ряд других своих трудов большого педагогического значения.

Две свои работы, опубликованные в этот период, а именно «Об играх и физическом воспитании в школе» (1883) и «О наказаниях в семье и их влиянии на развитие типа ребенка» (1884), Лесгафт посвящает памяти высоко чтимого им Н. И. Пирогова.

В 1884 г. появляется в свет его известный труд «Школьные типы», ч. I, где даются глубоко жизненные характеристики шести типов школьников: 1) лицемерный тип, 2) честолюбивый, 3) добродушный, 4) мягко-забитый (заласканный), 5) злостно-забитый и 6) угнетенный. Каждый из этих типов детей рассматривается как результат прежде всего семейного воспитания.

В 1885 г. начали печататься его знаменитые «Основы теоретической анатомии», обозначившие собою новый этап в развитии отечественной анатомической науки.

1884 г. принес Лесгафту немало огорчений.

Из-за интриг со стороны помощника Грубера д-ра Таренецкого, которым на короткое время поддался Грубер (о чем он впоследствии очень жалел), Лесгафт вынужден был покинуть своего учителя и подать в отставку.

В 1886 г. Петербургский университет пригласил Лесгафта чи-

тать анатомию на естественном факультете. Лесгафт согласился читать лекции в качестве приват-доцента. Наладил занятия, глубоко заинтересовал ими студентов. В продолжение 12 лет все шло хорошо. Но однажды (это было в 1897 г.) Лесгафт столкнулся с произволом одного профессора, назначившего свою лекцию в аудитории как раз в те часы, когда читал там Лесгафт. Как приват-доцент Лесгафт должен был уступить профессору. Но он был так глубоко оскорблен, что категорически решил покинуть университет.

Замечательно то, как студенчество реагировало на уход Лесгафта: ему был поднесен прощальный адрес, из которого мы приведем несколько строк:

«Петр Францевич! — сказано в адресе: — Ряд мелких происков всюду преследует Вас почти с самого начала Вашей педагогической деятельности. Не раз Вы были принуждены благодаря им оставлять учебные заведения, не желая уступать насилию. Так и теперь поступили Вы. Но где бы Вы ни явились, Ваши сердечные, чисто дружеские отношения к ученикам, Ваша полная готовность прийти каждому на помощь, Ваши взгляды и оценка существующего всегда привлекали к Вам самые горячие симпатии слушателей, глубоко уважающих своего учителя...».

«В наше тяжелое время бесправия насилие совершается на каждом шагу, проникая даже в те учреждения, где оно по своему существу должно бы было встретить отпор, а протеста почти не слышно. Вся Ваша жизнь и деятельность является протестом против насилия в какой бы то ни было форме. И чем реже такие люди, тем они дороже. Мы видим в Вас не только нашего учителя, но и человека, всюду проводящего непосредственно в жизнь свои лучшие идеалы, бескорыстного и благородного общественного деятеля».

Таков был моральный и общественно-политический облик Лесгафта в представлении его учеников — студентов университета.

Петр Францевич был действительно другом своих учеников, поборником идей правды и справедливости, защитником прав человека.

**
*

В 1888 г. Лесгафт издает первую часть своего известного труда «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста» (вторая часть издана в 1901 г.). Этот труд в области физического воспитания явился продолжением «Педагогической антропологии» Ушинского и, по словам Лесгафта, представляет собой «первый опыт постановки этого отдела педагогики на почву антропологии».

В 1890 г. появляется на ту же тему большая статья Лесгафта «Антропология и педагогика» и выходит в свет вторая часть «Школьных типов» и др.

**
*

В 1893 г. Лесгафт открывает на средства, пожертвованные одним из его учеников (Сибиряковым), богато оборудованную «С.-Петербургскую биологическую лабораторию» со своим специальным печатным органом «Известия С.-Петербургской биологи-

ческой лаборатории» под редакцией Лесгафта. С 1896 по 1910 г. вышло в свет десять томов, по четыре выпуска в каждом томе. Эти сорок проредактированных Лесгафтом выпусков представляют собой весьма ценный материал для характеристики глубины и размаха научно-исследовательской работы, организованной Лесгафтом.

В 1908 г. исполнилось 15-летие С.-Петербургской биологической лаборатории. Один из профессоров по этому случаю писал Лесгафту:

«Позвольте выразить Вам чувство искреннего и глубокого уважения по поводу исполнившегося пятнадцатилетия Вашей Лаборатории. В наше время безграничной беспринципности и хищения особенно дорого вспомнить бескорыстную и самоотверженную деятельность людей, всецело преданных науке и служению общественному благу.

От всего сердца желаю, чтобы еще много лет живой образ Петра Францевича бодрил ленивых, вдохновлял слабых и стыдил корыстных».

**
*

Физическое воспитание в русских школах в период деятельности Лесгафта представляло собой убогую картину, а чаще отсутствовало вовсе. И Лесгафт был глубоко прав, когда в первой части своего «Руководства» писал, что «в России до сих пор ничего не сделано для выяснения и установления этого дела (т. е. физического образования.— Г. Ш.) в наших семьях и школах. Здесь нет ни узаконений, ни центральных учреждений для приготовления лиц, понимающих это дело, нет оригинальных методов и руководств. Как открытые, так и закрытые школы у нас оставляют физическое образование детей почти без внимания, предоставляя заведывание этим делом... совершенно невежественным лицам..., оставляют без всякого внимания физическое развитие ребенка»...¹

Лесгафт отлично понимал, что без хорошо подготовленных специалистов нельзя поднять физическое образование, нельзя его внедрять ни в семью, ни в школу. И перед ним встает величайшей важности задача — подготовка кадров для организации физического образования. Сначала он открывает курсы у себя на дому, но одновременно возбуждает ходатайство о разрешении открыть высшие курсы для подготовки специалистов по физическому образованию.

После долгих хлопот ему разрешают в 1896 г. открыть такие высшие курсы под названием «Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования». К этим курсам восходит генеалогия Ленинградского дважды орденосного института физической культуры им. Лесгафта.

Наплыв слушателей на курсы Лесгафта был огромный, и они пользовались большой популярностью среди революционно-демократически настроенной молодежи. Правительство же относилось

¹ «Руководство», ч. I, изд. 3-е, стр. 255—256.

к курсам и к самому Лесгафту очень недоверчиво: на курсах и в квартире Лесгафта неоднократно бывали обыски.

Царское правительство имело, конечно, достаточное основание относиться к Лесгафту недоверчиво и враждебно. Противоправительственная деятельность Лесгафта была очевидна. Например, правительство всячески внедряло в школы классицизм на немецкий лад, с зубрежкой, словесной схоластикой, с физическим наказанием, а Лесгафт выступал решительно против классицизма, книжности, против телесных наказаний в семье и школе. Приведем следующую убийственную характеристику, которую дал Лесгафт господствовавшему тогда в России воспитанию:

«Существовали немецкие хирурги,— говорит Лесгафт,— которые проповедывали, что знание анатомии вредит хирургу, делая его боязливым». «Мягкие части режь, твердые пили, а где брызжет кровь — перевязывай». Вот основания, которыми они руководствовались. Я напоминаю об этом,— продолжает Лесгафт,— потому что мы имеем таких же воспитателей. Как немецкие хирурги упрощали и упрощают анатомию, многие воспитатели делают то же с вопросом воспитания, который они безапелляционно решают двумя словами: «бди и жарь».¹

Царское правительство стремилось в 70—80-х годах всячески затормозить и ущемить движение женщин к высшему образованию, а Лесгафт всегда выступал ярым его защитником.

Такой антиправительственный образ мыслей Лесгафта, естественно, вооружал против него царских чиновников всех рангов, считавших его опасным для себя деятелем.

**

Разыгрались бурные события 1899—1901 гг.— студенческие волнения и как следствие их — отдача в солдаты за университетские беспорядки киевских, а затем и петербургских студентов. Эти правительственные репрессии вызвали студенческую демонстрацию на Казанской площади 4 марта 1901 г.; это повлекло за собою избивание студентов, чему очевидцем был Петр Францевич.

Будучи глубоко возмущен насилием над студентами, Петр Францевич организует письменный протест 99 лиц и для собрания предоставляет свою квартиру, рискуя очень многим — и личной свободой, и своими курсами, и Биологической лабораторией.

Подписавшие протест подверглись репрессиям: многие из них были высланы из Петербурга. Выслали из Петербурга и Лесгафта.

Лесгафт поселился в Териоках, откуда управлял делами курсов и Биологической лабораторией. Через год Лесгафту было разрешено вернуться обратно в Петербург.

Но преследования Лесгафта не прекращались. После кровавых событий 9 января 1905 г., в которых принимали активное участие и слушатели Лесгафта, курсы Лесгафта были закрыты.

---

¹ Труды общества русских врачей за 1889 г., стр. 102.

23 января 1905 г. один из учеников Лесгафта писал ему в связи с событиями 9 января: ¹

«Многоуважаемый Петр Францевич! Собрав среди своих ближайших знакомых 232 рубля, я препроводил их Вам и обращаюсь к Вам с просьбой передать эти деньги жертвам бесчеловечного избиения 9 января. Нельзя без содрогания даже читать или слушать рассказы очевидцев о происшествиях в Петербурге. Приходится только утешать себя, что, пожалуй, эта смерть будет причиной дальнейшей жизни.

Примите уверения в глубоком уважении и любви к Вам.

Ваш благодарный ученик В. Бельский.

Р. С. В настоящее время почти на всех заводах юга России началась сгачка; вчера началось то же и на Петровских заводах, где я служу. До сих пор все идет спокойно, так как рабочие действуют с достоинством и не пьянствуют, полиция и казаки до сих пор держатся не вызывающе».

В 1906 г. Лесгафту удастся открыть в помещении Биологической лаборатории Вольную высшую школу и при ней Коломенские вечерние курсы для рабочих. Революционная молодежь потянулась туда в огромном количестве. Вновь закипела жизнь на курсах Лесгафта. На различных собраниях, проводимых в помещении этих курсов, не раз выступал и Владимир Ильич Ленин. В 1907 г. Вольную высшую школу закрыли.

Приведем ниже пять нигде еще не опубликованных архивных документов, характеризующих политический облик и деятельность Лесгафта в эти годы.

ДОКУМЕНТ ПЕРВЫЙ ²

К о п и я

СЕКРЕТНО

6 ноября 1906 г.

Министр Внутренних дел, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству Петру Михайловичу, имеет честь препроводить при сем для сведения копию записки о состоявшейся 21 октября на курсах проф. Лесгафта лекции и сходке студентов, бывшей 23 того же октября в С.-Петербургском Университете.

На курсах Лесгафта 21 октября читалась лекция исключительно на тему о возможности добыть свободу в России лишь революционным путем, подобно народам в Западной Европе. На назначенной в тот же день вечеринке взималась со всех входная плата по 30 коп. на цели, пока неизвестные.

Верно: пом. делопроизвод. (подпись)

А. В. П. К. В. Деп. Н. П. № 30 год 1906.

(Дело о беспорядках в высших учебных заведениях в Санкт-Петербурге)

¹ Письмо это публикуется впервые, — Г. Ш.

² Приводимые документы занумерованы нами. — Г. Ш.

ДОКУМЕНТ ВТОРОЙ

К о п и я
ДОВЕРИТЕЛЬНО

6 декабря 1906 г.
За министра
Внутренних Дел

Его Превосходительству
П. М. фон-Кауфману

Милостивый Государь
Петр Михайлович!

Наряду с учебными заведениями, пользующимися правами академической свободы, являются постоянным местом для противозаконных собраний Курсы при С.-Петербургской Биологической Лаборатории, где преступная деятельность революционеров, при весьма сочувственном отношении к ней директора лаборатории Лесгафта, ведется в самых широких размерах. Во время публичных собраний, устраиваемых без соблюдения установленных на то правил, произносятся речи с призывом к насильственному ниспровержению всего ныне существующего государственного строя и распространяются противоправительственные воззвания в том же духе.

На происходившей 12 ноября на означенных курсах общедоступной лекции одним из профессоров было предпринято объяснение слушателям с применением на практике способа составления взрывчатых веществ и употребления их при изготовлении взрывных твердых тел.

Необходимый для опытов материал приносился из квартиры профессора Лесгафта, имеющей непосредственное сообщение с аудиторией курсов.

Примите и пр. (подпись неразборчива).

Архив Б. И. К. и Б. Год 1905. № 30, ДИП.
№ 15368.
2 декабря 1906 г.

ДОКУМЕНТ ТРЕТИЙ

К о п и я
ДОВЕРИТЕЛЬНО

Мая 1907 г.
За министра
Внутренних Дел

Его Превосходительству
П. М. фон-Кауфману

Милостивый Государь
Петр Михайлович!

18 сего мая полициею были задержаны, по выходе из занимаемого курсами профессора Лесгафта помещения, крестьянин Павлов и мещанин Федоров, у которых по личному обыску оказалось около 2-х пудов нелегальной литературы, в том числе и издания военно-революционной организации. На допросе задержанные заявили, что революционная литература ими получена на курсах Лесгафта для распространения на франко-прусском заводе.

В силу сего и так как в распоряжении полиции уже ранее имелись сведения, что в помещении помянутых курсов устроен обширный склад подпольных изданий, откуда таковые распространяются молодежью среди населения С.-Петербурга и других городов, — в ночь с 18 на 19 мая был произведен обыск на курсах профессора Лесгафта, причем обнаружено до 50 пудов нелегальной литературы, частью уложенной в тюки для отправки, а также один пуд типографского шрифта и валик для печатания.

Уведомляя об изложенном Ваше Высокопревосходительство в дополнение к сообщениям от 7-го ноября и 4-го декабря 1906 года за № 14480 и 15362, долгом считаю высказать, что, по моему мнению, представлялось бы настоятельно необходимым совсем закрыть курсы профессора Лесгафта.

О последующем благоволите меня уведомить.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

№ 126826

25 мая 1907 года

Верно: (подпись неразборчива).

ДОКУМЕНТ ЧЕТВЕРТЫЙ

К о п и я

С.-Петербургская
Биологическая Лаборатория
Июня 4 дня 1907 года
№ 74
Торговая, 25.

Его сиятельству господину
Попечителю С.-Петербургского
Учебного Округа

Вследствие запроса Вашего Сиятельства от 7-го июня за № 9136 имею честь заявить, что в лабораториях, кабинетах, музее, аудиториях и вообще во всех помещениях, служащих для занятий на курсах, состоящих при С.-Петербургской Биологической Лаборатории, все было найдено при обыске в безукоризненном состоянии. В столовой для слушателей стоят шкафы, служащие для хранения литографированных записок лекций профессоров, читающих на курсах. Эти шкафы находятся в заведывании слушателей курсов. Один из этих шкафов действительно и оказался наполненным записками. Обыкновенно эти шкафы не осматриваются и обысков их никто из администрации на себя не возьмет. Так как ответственным лицом на курсах являюсь я, нижеподписавшийся, то навряд ли можно допустить, чтобы я требовал производства таких обысков; это недопустимо ни с педагогической, ни с нравственной точки зрения.

Директор Лаборатории
П. Лесгафт

(подпись)

Верно: Делопроизводитель (подпись неразборчива).
А. В. П. К. Б.

Верно:

ДОКУМЕНТ ПЯТЫЙ

К о п и я

За министра
Внутренних Дел

Его Превосходительству
П. М. фон-Кауфману

Милостивый Государь
Петр Михайлович!

В письме от 4 декабря 1906 года за № 15362 мною сообщены Вашему Превосходительству те сведения и соображения, в силу которых Министерством Внутренних Дел было признано дальнейшее существование учрежденных профессором Лесгафтом при С.-Петербургской Биологической Лаборатории курсов несоответствующим назначению самой лаборатории и крайне опасным для общественного порядка и спокойствия, в виду чего я тогда же просил распоряжения о закрытии этих курсов. Из поступившего вслед затем ответного отзыва Вашего Превосходительства за № 354 видно, что 8 того же Декабря с Вашей

стороны последовало распоряжение о прекращении лекций на означенных курсах и за исполнением сего предложено было надблести попечителю С.-Петербургского Учебного округа. По донесению же местного Градоначальника деятельность курсов при Биологической Лаборатории в полном объеме возобновилась 15 января, а состоящая при курсах столовая функционировала непрерывно. Приведенные в вышеупомянутом сообщении моем указания, что курсы г. Лесгафта сделались одним из центров революционной агитации в столице, вновь нашли себе подтверждение, на основании чего я в письме от 25 мая сего года за № 126826 вторично высказался за настоятельную необходимость совсем закрыть курсы.

Еследствие сего и согласно письму Вашего Превосходительства от 18 минувшего Июня за № 23⁹ имею честь уведомить Вас, что по моему мнению в настоящее время представляется вполне соответственным совершенно закрыть не только столовую при курсах, руководимых профессором Лесгафтом, но и самые курсы, сделавшиеся доступными для противоправительственной деятельности революционеров.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

№ 112157

12 июля 1907 года

№ 304 опись 199 год 1907

А. В. П. К. Б.

(О беспорядках в СПб. учебном округе).

Верно:

**
*

В феврале 1908 г. при активном содействии Лесгафта В. М. Бехтереву удалось открыть в помещении СПб. Биологической лаборатории Психо-неврологический институт, в котором Лесгафт читал анатомию до своей тяжелой болезни, окончившейся его смертью.

Скончался Лесгафт близ Каира, в Гелуане (куда был направлен врачами на лечение) 28 ноября 1909 г. (ст. ст.) на 72-м году своей славной жизни.

**
*

В серое, печальное петербургское утро 19 декабря 1909 г. у Варшавского вокзала собралось много людей. Около 8 час. утра прибыл поезд с останками Лесгафта, и вскоре началось траурное шествие к Волкову кладбищу. В процессии участвовало около 5—6 тысяч человек. Порядок поддерживался молодежью, образовавшей живую цепь вдоль процессии с обеих сторон.

У ворот кладбища и на самом кладбище стояли усиленные наряды полиции. Категорически было запрещено произнесение речей.

Царило благоговейное молчание. Лишь краткие надписи на лентах многочисленных венков выразительно говорили о том, кого хоронили в этот день. Вот некоторые из них:

«Великому педагогу П. Ф. Лесгафту — до конца своей жизни сохранившему веру в способность к бесконечному совершенствованию человеческой личности».

«Славному ученому, неутомимому учителю, горячему борцу за свободу науки».

«Учителю жизни — будителю мысли». «Другу детей».

«Неутомимому борцу за свободную школу».

«Незабвенному учителю учителей».

«Поборнику женского образования».

Гроб Лесгафта был опущен в свежевырытую могилу. Представители различных учебных заведений, общественных организаций и учреждений, слушательницы и слушатели Лесгафта, студенты, почитатели, друзья и близкие молча, многие со слезами на глазах, подходили к открытой могиле Лесгафта и бросали туда живые цветы и венки.

Речей не было. Но Николай Александрович Морозов, приблизившись к могиле, сказал: «Прощай, дорогой Петр Францевич! Да будет нам примером твоя честная, бескорыстная, трудовая жизнь!»

**
*

Благодарное потомство не забыло Лесгафта. Его памяти Советским правительством, как известно, посвящены в родном городе Лесгафта — Ленинграде — два института.

То, за что так самоотверженно боролся Лесгафт: развитие науки, распространение знаний среди широких народных масс, внедрение в школу реальных, научных знаний, связанных с жизнью, всестороннее воспитание, женское равноправие и женское образование, все, к чему стремились лучшие умы человечества, начало претворяться в жизнь в нашей стране лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Рабочий класс в союзе с крестьянством осуществил и осуществляет под руководством великой партии Ленина—Сталина те идеи прогресса и культуры, которые направляли общественную и научно-педагогическую деятельность Лесгафта и других лучших людей в дореволюционной России.

IV

В своих научных трудах («Семейное воспитание», «Руководство», «Педагогика и антропология» и др.). Лесгафт стремится дать педагогике научное обоснование, базируя его на законах морфологии, физиологии и психологии.

Продолжая «Педагогическую антропологию» Ушинского, Лесгафт приступает к изучению ребенка с целью всестороннего его воспитания и выдвигает свою оригинальную типологию детства, что дает нам основание считать его предшественником развившейся в XX в. психологии индивидуальных различий.

Происхождение индивидуальных различий Лесгафт объясняет прежде всего условиями воспитания.

Идея упражнения — одна из основных идей педагогической системы Лесгафта.

Глубокий педагогический оптимизм Лесгафта — характерная черта его системы воспитания.

«Большинство воспитателей, — замечает Лесгафт, — в случае

неудачи своих педагогических мероприятий, охотно сваливает все на пресловутую «наследственность», на «прирожденную испорченность» детской природы или же, в утешение себе и другим, ссылается на какие-то неуловимые влияния, которых будто бы нельзя ни предусмотреть, ни избежать».

«...И верить не хотят, что «испорченность» ребенка школьного или дошкольного возраста есть результат системы воспитания, за которую расплачивается все-таки один воспитанник. В громадном большинстве случаев не природенная тупость (нравственная или умственная) ребенка, а педагогические ошибки готовят ребенку горькую будущность...»¹

Весь путь педагогического творчества Лесгафта в теории и на практике определялся созданным им идеалом идеально-нормального типа человека, гармонически сочетающего физическое, умственное и нравственное развитие.

Исходя из научного понимания педагогики, из характеристики ребенка как предмета воспитания, Лесгафт выдвигает свое учение о воспитании, образовании и обучении, о целях воспитания, об органах воспитания (о семье, детском саду и школе), о задачах семьи и школы, о неразрывной связи физического, умственного, нравственного и эстетического воспитания, о гармоническом развитии, о связи теории с практикой. Он выясняет громадное воспитательное значение труда, разрабатывает принципы семейного воспитания, подробно говорит о подлинно гуманитарном содержании школьного обучения, о методах педагогической работы, о несостоятельности книжного, схоластического (классического) образования, о вреде слепого подражания, о значении слова и показа в процессе обучения, о важности и необходимости сознательного учения и обучения, об активизации самостоятельной работы учащихся. Он разработал оригинальную теорию отрицания прибавочных раздражителей. Он боролся против физических наказаний детей, за сознательную дисциплину. У Лесгафта мы найдем много ценных мыслей о воспитании воли и характера, о большом воспитательно-образовательном значении игр, прогулок, экскурсий, о роли учителя и требованиях, которым он должен удовлетворять, и т. д.

Мы кратко остановимся на некоторых, наиболее существенных вопросах педагогической системы Лесгафта, пользуясь при этом большей частью формулировками самого Лесгафта, взятыми нами из различных его трудов.

М а т ь и д и т я. По Лесгафту, главными условиями для нормального развития ребенка в утробе матери являются со стороны матери — чистота, сдержанность и деятельная жизнь как в умственном, так и в физическом отношении.

Ребенок должен способствовать совершенствованию членов семьи, в особенности, их правдивости, искренности и прямоты.

¹ «Семейное воспитание ребенка и его значение», 1910, ч. I, стр. 1—2.

Велико значение умной, толковой, правдивой и любящей матери.

Степень совершенствования общества всего вернее определяется степенью его сознательного участия в заботах о детях и их благе, а это всего успешнее достигается образованием и связанным с ним нравственным развитием женщины.¹

Семейное воспитание ребенка. Семейная жизнь ребенка занимает семь первых лет его жизни.

Главные основания семейного воспитания: чистота, последовательность в отношении слова и дела при обращении с ребенком, отсутствие произвола в действиях воспитателя, уважение к личности ребенка: обращение с ним как с человеком и полное признание за ним права личной неприкосновенности.

Различные типы детей, наблюдаемые в школе, развиваются прежде всего в различных условиях их семейной жизни и воспитания.²

Цель всякого воспитания — содействовать развитию разумного, мудрого человека, который был бы в состоянии соединять опыт прошлого с настоящим и предвидеть последствия своих действий и отношений к другому лицу, выяснять себе причинную связь наблюдаемых им явлений и творчески предсказывать и проявляться.

Проявления эти, направляемые мудростью человека, должны быть настолько целесообразны, быстры, просты и точны, чтобы они могли повышать производительность человека и доводить ее до художественного изящества.

Мудрость человека должна показать ему узость личной жизни и высокое значение общественного проявления, идейности, сознания общественного долга, содействующего совершенствованию общества.

Идейность должна содействовать идеализации общества, ближнего и даже того дела, которым человек занят: в такой идеализации проявляется его любовь, так как истинная любовь требует идеализации того, к чему она относится. Поэтому мудрость и любовь, как исключительно человеческие проявления, составляют главную цель воспитания.³

Цели и задачи школы. Школа — лучший период в жизни молодого человека. В школе он при посредстве логического рассуждения и свободно выработанной мысли развивает в себе человека, составляет себе понятие о человеческой личности и о ее неприкосновенности, научается проверять свои мысли, вырабатывать научные истины и управлять своим телом и своими поступками.

Нравственное развитие человека складывается исключительно из его понятий о неприкосновенности личности, о правде и значении

¹ «Семейное воспитание», ч. III, стр. 74, 87 и Предисл. к I ч.

² Там же, ч. III, стр. 87—88, и ч. I, стр. 2.

³ Там же, ч. III, стр. 89.

истины, а также из привычки руководствоваться ими в своих размышлениях и поступках. Из этих положений прямо вытекает задача как умственного, так и физического образования, составляющего главную цель школы.

Задача всякой гуманитарной школы — а только такую школа и может быть — состоит в возбуждении у молодого человека отвлеченного мышления, в выяснении правды и значения человеческой личности, в сообщении умения (привычки) ограничивать произвол своих действий — действовать в соответствии с выработанными им самим понятиями и идеалами.

Такова задача всех общеобразовательных школ.

Умственное и физическое образование так тесно связаны между собою, что должны составлять единую нераздельную задачу школы.¹

Немецкие классические и реальные гимназии. У оканчивавших эти гимназии замечаются отсутствие наблюдательности, недостаточность сообразительности, неумение подходить к предмету, непонимание жизненных явлений и только обладание более или менее развитой памятью и книжными знаниями. Преподавание в них отличается схоластичностью, словесностью, книжностью. Вместо физического образования применяются упражнения немецкой национальной гимнастики, совершенно негодной для школы и для молодых людей школьного возраста.

Лесгафт решительно осуждал и современную ему русскую среднюю школу, так как считал, что «наши средние школы составляют сколок с немецких школ».²

Содержание школьного обучения. Господство в школах словесного образования вместо естественно-научного Лесгафт считает отражением борьбы отживающей схоластики с заявляющей свои требования наукой.

Книжное образование без соприкосновения с жизнью не готовит к самодеятельности, к умению справиться с тем, с чем в жизни приходится сталкиваться, не может будить мысли и служить основанием для выяснения научных истин.

Молодые люди с книжным образованием знают только книги и свою записную тетрадь, к проверочным же лабораторным работам они совершенно не пригодны; они мало соображают, у них нет инициативы, нет своего мировоззрения; они не умеют исследовать, не умеют смотреть, не умеют осязать, не умеют мыслить; они не в состоянии по общим положениям справляться с частными явлениями; у них развита память, есть знания, но нет понятий и самостоятельной мысли.

Необходимо книжное образование вытеснить естественно-историческим образованием, которое основывается на системати-

¹ «О преподав. ест. наук в ср. уч. зав.», сборн. «Памяти П. Ф. Лесгафта», 1912, стр. 16—18.

² Там же, стр. 20, 23, 25 и 26.

ческих наблюдениях живого и мертвого мира, на сравнении, эксперименте и предсказании.

Все, что преподается в школе, должно быть непременно связано с жизнью, насколько это возможно.¹

Методы обучения. Лесгафт считает, что в обучении все зависит прежде всего от учителя, от степени его образования, от понимания им значения школы и своего дела, от его инициативы и любви к занимающимся.

Способ (метод) заключается в том, что образованный и понимающий педагог сам вносит в свое дело; следует дать ему полную свободу действий.

Все заявления, указания и требования учителя должны быть просты, ясны и точны. Чем тверже и понятнее речь, тем успешнее будет исполнение.

Переходить от более простого и легкого к более сложному и трудному, не нарушая постепенности и последовательности.

По мнению Лесгафта, «методом наглядного восприятия» в школе пользуются обычно неправильно: сначала показывают, а потом описывают, рассказывают. Следует поступать наоборот. Воспринимать объект зрением легче; слухом — труднее, требует больше внимания, содействует развитию воображения.

Это указание Лесгафта о наглядности очень ценно, но не всегда оно может быть целесообразно. Не следует этим связывать инициативу учителя, который, исходя из задач урока, может в различных случаях по-разному использовать многочисленные приемы и методы обучения.

Далее, Лесгафт выдвигает два главных метода — практический и теоретический (последний он называет еще систематическим).

Практический метод выгоднее применять в семейном воспитании, теоретический — в школе, где пользуются также методом аналитическим, проверкой опытом и математическими методами.

Таковыми путями приучают занимающихся к точности, ясности, основательности, последовательности и строгости мышления и действия.

Исходя из задач школы и физического образования, Лесгафт учит, что как при умственном, так и при физическом образовании метод — общий; он состоит главным образом в разъединении получаемых впечатлений, производимых движений и действий и в сравнении их между собою.²

Теория и практика. По Лесгафту, «теория только тогда имеет значение, когда она оправдывается на практике, когда она вполне согласна с практикою и служит руководящей нитью и ука-

¹ «О преподав. ест. наук в ср. уч. зав.», сборн. «Памяти П. Ф. Лесгафта», 1912, стр. 16, 19 и 28.

² «Руководство», ч. II, 1909, стр. 375—377, 379—380, 387;
«О преподав. ест. наук в ср. уч. зав.», стр. 31—32;
«Семейное воспитание», ч. II, стр. 192—201.

занием для практики. Без теории невозможна никакая научная деятельность, точно так же без теории невозможна и истинно-человеческая жизнь, и практика отдельного лица должна вполне согласоваться и вытекать из теоретических его понятий».¹

Д и с ц и п л и н а. Порядок в школе устанавливается на основе рассуждения, обоснования, доверия, сознательности.

«В школе необходимо помнить,— говорит Лесгафт,— основное положение, что порядок, т. е. соотношение или последовательность деятельности — ж и з н ь, она только при порядке слагается, а приказ, не обусловленное и не выясненное требование — с м е р т ь; приказ исключает рассуждение, на котором основано все школьное дело».²

Лесгафт здесь ударяется в крайность: мы полагаем, что сознательная дисциплина не исключает приказа и что приказ может быть и должен быть исполняем сознательно и убежденно: к этому надо стремиться.

Т р у д. Лесгафт отлично понимал глубокое воспитательное значение физического труда при правильно организованном умственном образовании. Труд — существенное условие для развития характера ребенка. «Занятия не могут состоять исключительно только в умственной работе, а непременно должны заключаться также в равной мере и в физическом труде».³

Реакционные политики в России стремились введением физического труда в школах еще больше затормозить в ней умственное образование.

Против такого применения ручного труда в общеобразовательной школе Лесгафт категорически протестует, говоря, что школа «забывает об образовании человека».

В своем «Руководстве», в конце, он дает краткий перечень ручных работ, которые «могут быть полезны молодому человеку в часы внеклассных занятий».⁴

О значении мировоззрения. Школа должна помогать каждому ученику выработать себе научное мировоззрение.

«Без мировоззрения человек является единицей человеческого стада, не обладает истинным достоинством человека и не может творчески проявляться,— что именно и составляет главное человеческое достояние и достижению чего должна содействовать школа».⁵

На своих лекциях Лесгафт призывал студенческую молодежь выработать научное мировоззрение, развить в себе отвлеченное мышление, приучиться к критическому отношению к жизни, выработать в себе человека-гражданина, стойкого в своих убеждениях,

¹ «Семейное воспитание», ч. II, стр. 201.

² «Руководство», ч. II, стр. 382—383.

³ «Семейное воспитание», ч. II, стр. 219—220, 240.

⁴ «Руководство», ч. II, стр. 401—415.

⁵ «О препод. ест. наук в ср. уч. зав.», стр. 19.

руководящегося в своих поступках правдой и ненавидящего насилие и произвол.

Требования к педагогу. Педагог должен понимать ребенка, его психические отправления и его индивидуальные свойства, для этого педагог должен иметь соответствующее образование. Он должен знать школу, условия школьной работы и то влияние, какое школа оказывает на ребенка.

Бессознательное руководство личностью ребенка не проходит без серьезных последствий.

Педагог должен знать, что причина неудачи тех или других педагогических мероприятий кроется не в пресловутой «наследственности» или «прирожденной» испорченности детской натуры, а в ошибках самих же педагогов.

Руководитель физическим образованием, как и каждый, имеющий отношение к преподаванию, должен быть хорошо образованным человеком, должен хорошо понимать свой предмет, а также значение форм и отправлений организма молодого человека. Но главное — он должен быть сам вполне дисциплинированным и сдержанным человеком, изящно владеющим всеми своими действиями.

Научно-образованный педагог непременно должен быть психологом. Он всячески должен избегать в своих педагогических мероприятиях прибавочных раздражителей.¹

Остановимся теперь на характеристике личности Лесгафта как педагога.²

Лесгафт являл собою как в теории так и в своей педагогической практике замечательный пример педагога в глубочайшем смысле этого слова.

Он обладал определенным мировоззрением, которое опиралось на широкий и глубокий общенаучный фундамент, особенно на биологию, анатомию, химию, физиологию, психологию, историю педагогики и философию. «Без философии нет науки», — говорил Лесгафт.³

По своим общественно-политическим воззрениям, симпатиям и делам Лесгафт всегда стоял на стороне трудового народа.

Лесгафт относился всегда с глубоким интересом к общественным событиям и отличался исключительной чуткостью и отзывчивостью. Он был подлинным педагогом-общественником.

Бросается в глаза страстное отношение Лесгафта к труду как к подвигу. Он любил труд и отличался необыкновенной трудоспособностью. Смысл своей жизни он видел в труде, в работе не для себя, а для общества. И он, действительно, отличался своим бескорыстным служением народу.

¹ «Семейное воспитание», ч. I, стр. 1—2, 33—36; ч. II, стр. 178—179; «Руководство», ч. II, стр. 375—377.

² По этому вопросу см. еще статью проф. В. В. Успенского — «Лесгафт, как педагог». Известия Научного института им. П. Ф. Лесгафта, т. 8.

³ «Основы теоретической анатомии», I, стр. 1.

Как педагог-энтузиаст, Лесгафт стремился прежде всего будить мысль своих учеников, поднять их самосознание, укрепить их волю и характер настойчивым трудом и прилежанием.

Обращаясь к своим ученикам, Петр Францевич убедительно наставлял: «Если у вас что не выходит, то нужно больше поработать, а не бросать. Работа никогда не пропадет даром».

Любимыми выражениями Петра Францевича были: «не лежать на боку»; «нужно взять себя за шиворот, милостивый государь, и заставить себя работать»; «взбеситься на самого себя»; «работать до кровавого пота»; «вскрывая ножом, рассекать мыслью» и др.

Лесгафт всегда стремился учить других, иметь учеников, передавать им свои знания, наставлять молодежь и влиять на ее умственный рост и нравственное развитие.

Для Лесгафта как педагога было характерно то, что его лекции отличались всегда основательной предварительной подготовкой, методической разработкой излагаемого материала.

Таким образом, в лице Лесгафта мы имеем одного из наиболее выдающихся русских педагогов.

**
**

В заключение считаем необходимым указать на то, что в богатейшем наследии передовой русской педагогики, которое мы, советские педагоги, с любовью изучаем, которым мы гордимся и которое нас вдохновляет на благородную педагогическую деятельность, научно-педагогическое наследство Лесгафта представляет собой один из ценнейших вкладов.

Вдумчивое изучение советскими педагогами этого наследия обогатит нашу педагогическую практику и подвинет вперед советскую педагогику. Поэтому необходимо возможно скорее переиздать собрание трудов Лесгафта и в первую очередь его педагогические труды.

П. Ф. ЛЕСГАФТ В ЖИЗНИ ¹

МЕНЯ высылают из Петербурга в Финляндию по причинам, мне неизвестным, и меня отстраняют от работы. Вся моя жизнь была отдана студенческой молодежи. Запретить мне преподавать, лишить меня общения с молодежью, значит лишить меня самого дорогого, что у меня есть. Сейчас я уже старик. За что такая кара?».

Так писал П. Ф. Лесгафт в своем прошении на имя министра внутренних дел в 1901 г.

Вдумаемся в слова: «Лишить меня общения с молодежью, значит лишить меня самого дорогого, что у меня есть».

Лесгафт по праву мог так писать. Этими немногими словами, как прожектором, освещается вся его жизнь. Это прежде всего был учитель и друг передовой учащейся молодежи.

Учитель очень строгий и очень требовательный.

Друг — отзывчивый и чуткий, готовый протянуть руку помощи тому, кто в беде.

Молодежи принадлежит будущее. И Лесгафт именно в ней видел возможность осуществить свои идеалы воспитания человека.

На первом месте Лесгафт ставил перед молодежью задачу личного совершенствования, стремление добиваться «немеркнущего идеала», «нормально-идеальной личности».

Но проникнуться высотой этого идеала может только тот, кто выработал в себе глубокое научное мировоззрение. Оно соз-

¹ Для данной статьи были использованы: 1) материалы личного архива П. Ф. Лесгафта, включающие свыше 6 тысяч документов; 2) воспоминания учеников и сотрудников П. Ф. Лесгафта, опубликованные в сборниках, посвященных его памяти. Первый сборник вышел в 1912 г. под названием «Памяти Петра Францевича Лесгафта» в изд. газеты «Школа и жизнь». Второй сборник вышел в 1924 г. под названием «Памяти П. Ф. Лесгафта» в «Известиях Ленингр. научного института имени П. Ф. Лесгафта», т. VIII—XXV; 3) воспоминания учеников и сотрудников П. Ф. Лесгафта, неопубликованные, сообщенные лично автору данной статьи, с разрешением их опубликовать (напр. воспоминания О. В. Бобылевой и др.); 4) газеты столичные и провинциальные за период болезни и смерти П. Ф. Лесгафта (октябрь и ноябрь 1909 г.).

дается путем упорного и настойчивого труда, путем самостоятельной ищущей мысли каждого человека.

«Смысл жизни — труд», — повторял Лесгафт своим ученикам.

Мировоззрение человека должно строиться на глубоких и точных научных знаниях. Человек вырабатывает его в высшей школе. Знания студентов должны быть основательны. Никакой расплывчатости, никакой неточности. Ясное понимание каждого вопроса.

К качеству усвоения знаний Лесгафт был очень строг и требователен.

В архиве Лесгафта имелась записка такого содержания:

«Подверглись экзамену по анатомии 298 человек. Из них получило 5 — 2 человека, 4 — 4 человека, 3 — 90 человек, остальные должны явиться на экзамен еще раз» (т. е. получило 5— $\frac{1}{2}\%$; 4— $1,2\%$, 3— 30% , провалилось 68%).

Можно себе представить, как чувствовал себя тот студент, который получил у Лесгафта «пятерку». Он был, вероятно, «героем дня».

В умени добиваться глубоких и точных знаний у студентов Лесгафт не знал себе равных — он был непреклонен. Ученики вспоминают: иногда приходилось для сдачи того или иного отдела по анатомии приходить к нему на экзамен 10—15, а иногда и 20 раз.

Лесгафт предъявлял повышенные требования и к внешнему виду студентов. Он требовал в одежде и во всем внешнем облике студентов простоты и естественности. Никакой завивки, никаких украшений, никакой помады, никаких корсетов. Здесь он был беспощаден и бичевал виновных в этом, главным образом, юмором.

Один из его учеников (Н. Эрасси) вспоминает: «Огонь его (юмора.— М. С.) был настолько меток, что внешний вид аудитории быстро менялся».

Одна из его учениц рассказывала: «Я долго не могла понять, почему П. Ф. относится ко мне хуже, чем к другим, что в его отношении ко мне нет простоты. И вот однажды я собралась с духом и спросила его после лекции, почему он относится ко мне хуже, чем к другим. Он посмотрел на мои волосы и сказал: «Зачем вы завиваетесь?» Я с волнением ответила ему: «У меня волосы выются от рождения. Я в этом не виновата». Тут же я подошла к крану, который был в аудитории, и намочила свои волосы. Они продолжали завиваться. «Я этого не знал», — сказал П. Ф., и с этого дня он стал ко мне относиться так же, как и к другим».

Но Лесгафт подходил к молодежи не только с большими требованиями. Он очень много сам давал молодежи. Он делал ее прежде всего соучастником своей творческой работы — работы ученого. Он запечатлел это в своем предисловии к книге «Основы теоретической анатомии».

«Посвящаю я эту книгу своим слушателям еще и потому, что они являются непосредственными участниками всего здесь выказанного и разработанного; их молодой пылкий ум своими во-

просами и нередко решением их содействовал выяснению того, на что не хватало собственных сил, своим участием они часто поддерживали бодрость и силу духа... Здесь представлен тот клубок, который мы в своих беседах развешивали и выясняли».

Лесгафт чутко отзывался на все запросы молодежи. Возникла ли мысль о студенческом научном кружке или дополнительных занятиях,— П. Ф. охотно возглавлял студенческие научные кружки и в Казани и в Петербурге.

Когда в Вольной высшей школе студенты-украинцы просили ввести в учебный план новые предметы: историю Украины, литературу Украины, он поддерживает инициативу студентов.

Лесгафт очень заботливо относился к студентам. Студенческая столовая была предметом его особого внимания. Ежедневно в 12 часов дня он сам проверяет качество мяса для столовой; он добивается того, чтобы обед был сытен и предельно дешев даже для наиболее нуждающихся студентов.

Забота Лесгафта о материально необеспеченных студентах его школы на этом не ограничивается. Он организует концерты, доход с которых поступает в фонд помощи студентам.

Лесгафт с поразительным доверием относится к представителям студенческого самоуправления. Он говорит старосте II курса Бобылевой: «Если вам нужны будут деньги — пойдите ко мне в кабинет. В правом верхнем ящике письменного стола лежат деньги. Возьмите, сколько вам нужно, и берите, когда вам нужно. Мне ничего не говорите, когда сможете — положите на место. Ящик никогда не закрывается».

Особенную, совершенно отеческую заботливость проявляет он в отношении тех своих учеников и учениц, которые, участвуя в революционной работе, подвергаются преследованиям со стороны правительства.

Однажды в 1901 г. была арестована группа его слушательниц и заключена в 6-ю камеру Литовского замка.

Он организует для них регулярные передачи. Он хочет не только поддержать их физические силы, но заботится и о поднятии их настроения. Он шутливо пишет им: «Не угодно ли Вам решить такой вопрос: «В каком возрасте время наиболее ценно?». Записки, которые он получает из тюрьмы, он бережно хранит.

Студенты любят строгого, требовательного, справедливого П. Ф. Лесгафта. Они знают, что в трудную минуту он всегда придет им на помощь.

Вот два письма, два человеческих документа, написанных одно за другим, которые хранились в личном архиве Лесгафта. Они ярко рисуют исключительное отношение студентов к Лесгафту как к учителю и другу молодежи.

К нему обращается за советом одна из его слушательниц, доверяя ему тяжелую тайну человеческого сердца. Она подписалась буквой X (икс).

Вот первое письмо.

«Сегодня я стояла с петлей в руках. Мне оставалось закинуть веревку на крюк и повеситься. И вдруг я вспомнила Вас, Петр Францевич, и я остановилась. Я решила испытать последнее средство спасения и услышать Ваш совет. Я слушательница Ваших курсов, и я знаю Вас два года. Я уважаю Вас так, как никогда никого не уважала. Я объясню Вам сейчас, в чем все дело. Как случилось, что я стала заниматься развратом — писать не стоит. Не в этом сейчас вопрос. Я знаю все формы разврата, я испорчена до мозга костей. Я никогда не смогу стать женой, никогда не смогу стать матерью, я погибший человек. И вдруг на моем пути встал юноша, прекрасный, нетронутый, чистый, который полюбил меня. Он полюбил женщину в первый раз. Он ничего не знает обо мне. Я живу двойной жизнью. Мои близкие не подозревают, какую я веду жизнь. Они предпочли бы видеть меня умершей, чем такой, как я стала.

Я обращаюсь к Вам, как врачу, педагогу и человеку, хотя я знаю, как Вы ненавидите таких, как я.

Возможно ли для меня оздоровление, смогу ли я жить нормальной жизнью? Возможно ли для меня материнство? Я первый раз в жизни захотела иметь ребенка.

Я предвижу Ваш ответ. Наверное, я никогда не смогу стать нормальной женщиной. Кончено все. Для меня остался или путь разврата, или путь смерти. Я выбираю путь смерти.

Едва ли Вы сможете найти доводы, которые убедили бы меня остаться жить. Вы врач и педагог, конечно, но Вы прежде всего честный человек и даже в такую минуту Вы не сможете мне солгать. Потому я обращаюсь именно к Вам.

Но я обещаю Вам, что до Вашего ответа я буду жить, я буду со страстным нетерпением ждать Вашего письма.

X.

P. S. Ответ положите в почтовый ящик курсов на букву X».

Как же ответил П. Ф. Лесгафт на это письмо?

Мы имеем на это косвенный ответ во втором письме этой слушательницы.

Вот текст второго письма:

«Дорогой Петр Францевич!

Это не я покочилась с собой. Самоубийца, у гроба которой Вы вчера стояли в зале курсов, — совсем другое лицо. Это случайное совпадение — мое письмо и самоубийство этой слушательницы. Одна я понимала, что Вы переживаете. Вы думали, что самоубийца — я и упрекали себя в том, что допустили меня до смерти. Вы были вчера мертвенно бледны, на Вашем лице было такое волнение и страдание, что я не могу молчать — я решила Вам написать.

Я хочу написать Вам, что я осталась жить благодаря Вашему письму. Ваши доводы убедительны. Я верю теперь, что для меня возможно и физическое и моральное выздоровление.

Знайте, что Вы спасли мне жизнь.

Мне хотелось бы доказать Вам свою благодарность каким-нибудь необыкновенным поступком.

Благодарная Вам на всю жизнь
Ваша ученица X».

В своих поступках П. Ф. Лесгафт всегда руководствовался непреклонной принципиальностью, никогда не вступал на путь компромисса со своей совестью.

Приведу в качестве примера следующий факт из его жизни.

Самый тяжелый момент материальной нужды пережил П. Ф. Лесгафт после «Казанского дела» в 1871 г.

У него был отобран паспорт и вместо него было выдано временное удостоверение-справка, в которой значилось, что он именно тот П. Ф. Лесгафт, который уволен по высочайшему повелению из Казанского университета и лишен права преподавания.

Эта справка — страшная справка, это «волчий билет» человеку.

С такой справкой его будут бояться взять на работу даже в далекой провинции, даже простым врачом в городскую больницу. Такой именно ответ он получил из городской больницы Одессы, куда обратился с предложением использовать его в качестве врача.

Все вещи Лесгафта проданы. Заработка нет. А надо содержать жену и сына Бориса, которому только 6 лет. И Лесгафт решается на смелый шаг: он едет в Петербург к своему учителю профессору Груберу, рассчитывая на его помощь.

Профессор Грубер принял большое участие в судьбе Лесгафта. Он предоставил ему работу в Медико-хирургической академии и, кроме того, решился просить за «опального».

Он пишет черновик прошения на имя военного министра Милютина. В черновике Грубера есть такие слова: «Отставленный профессор Лесгафт человек чести. Он искренне раскаивается в своем проступке и желает заглавить его».

Рукою П. Ф. Лесгафта черновик исправляется, а фраза «Он искренне раскаивается в своем проступке и желает заглавить его» вычеркивается, хотя, конечно, именно эта фраза и могла быть основанием для его «амнистии».

Он не раскаивается в своем поступке и считает, что он был прав, даже если отсутствие именно этих слов не даст ему возможности вновь вернуться в Медико-хирургическую академию. Лучше продолжать жить в условиях тяжелой материальной нужды, чем пойти на компромисс.

Только человек непреклонной принципиальности так мог решить этот вопрос в очень тяжелые дни своей жизни.

**

П. Ф. Лесгафт был человеком большого личного мужества.

...Эпидемия холеры в России, 1872 год. Лесгафту 35 лет. Он едет на борьбу с эпидемией в Могилевскую губернию. Отчеты, которые он как военный врач представляет военному ведомству, показывают его с новой стороны — как блестящего организатора. Он во главе целого района. Район делился на участки. П. Ф. Лесгафт берет на себя самый тяжелый участок, он дни и ночи проводит в очаге заразы.

Еженедельно он получает статистические данные из всех участков. Цифра смертности очень велика. Он сплывает общественные силы уезда на борьбу с эпидемией. Он должен добиться перелома, и он его добивается. Смертность начинает падать, эпидемия

затихает, и через три месяца Лесгафт констатирует, что эпидемия кончилась, но что «при той бедности и нищете и грязи, в которой живет крестьянство, эпидемия вероятно вспыхнет опять, если представить себе, что холерные больные питаются гнилыми огурцами и ржаной мякиной, смешанной с глиной».

Как известно, слова П. Ф. Лесгафта оказались пророческими.

Вот что рассказывает о его бесстрашии одна из его учениц.

90-е годы. П. Ф. Лесгафту в это время уже более 50 лет. Он проводит лето на Волге в местечке Красном.

Однажды... «блеснула молния, раздался оглушительный удар грома, а вслед затем в деревне, на противоположном берегу, взвился огонек, запылала изба. Стремительно бросился Петр Францевич к лодке. Вот он на другом берегу. В деревне царило полное смятение, изба пылала, как костер. Соседняя изба была в опасности и могла вспыхнуть каждую минуту. Миг — и Петр Францевич уже на крыше этой избы. Летели горящие головни, а он мужественно отстаивал избу вместе с добровольцами, последовавшими за ним».

Эта же слушательница вспоминает о том, как бесстрашно, пренебрегая личной опасностью, Лесгафт участвовал еще раз в борьбе с холерной эпидемией.

Вблизи Красного очень сильно вспыхнула эпидемия холеры на одном из заводов. «Петр Францевич решительно и твердо взял в свои руки дело помощи, проводя дни в очаге заразы, и в несколько дней эпидемия прекратилась».

Много нравственной силы, мужества и бесстрашия проявляет Лесгафт в своих ответах — устных и письменных — царским чиновникам и жандармам.

Ему предлагают установить негласный надзор за студентами. Он отвечает, что никогда не был и не будет шпионом и что предлагать это — безнравственно.

В библиотеке его курсов находят нелегальную литературу и шрифт и его просят сообщить фамилию библиотекаря. Он говорит, что он один отвечает за все, что делается в Биологической лаборатории, и что взыскивать надо только с него.

В каждом случае подобные ответы могли принести месяцы, а может быть и годы ссылки.

«Опасно» для П. Ф. Лесгафта, конечно, было и организовать помощь жертвам 9 января и предоставить свое помещение первому Совету рабочих депутатов. Но Лесгафт не хотел и думать о личной безопасности.

**

«Я не знаю, что такое скука», — говорил Лесгафт. Он был всегда занят. Ни одного потерянного напрасно часа жизни. Он никогда не отдыхал.

Его крайне раздражали люди «бездействующие и скучающие». По поводу одной больной он писал: «До полного выздоровления я бы не хотел ее пускать в палаты, где собираются бездействующие».

щие и скучающие, а оставил бы ее в отдельном помещении». Даже вид «бездействующего» человека, по мысли П. Ф. Лесгафта, вреден.

П. Ф. Лесгафт показывает нам пример большой организованности в труде.

С раннего утра до поздней ночи он работал. Он вставал очень рано, почти всегда ранее 7 часов, и до поздней ночи был в непрерывной напряженной деятельности. Утром с 9 часов — лекции. В день 3—4 лекции, далее практические занятия по анатомии, занимавшие дневные часы. После них, особенно начиная с 90-х годов и до самой смерти, — напряженная работа администратора и организатора.

Но еще до начала лекций, с 7 до 9 часов утра, Лесгафт многие годы подряд проводил занятия по анатомии для всех желающих у себя на дому или назначал эти занятия в вечерние часы.

А тем, кто говорил, что нехватает 24 часов в сутки, что сон требует 8 часов, П. Ф. Лесгафт возражал: «И вы не боитесь проспать треть жизни? Ведь это треть жизни».

Если он вспоминал о деле, которое нужно исполнить немедленно, в ту же минуту, он бросал обед, и если его убеждали отложить это внезапное дело до конца обеда, он говорил: «Потом забудешь». Его ученики добавляют: «Этим он добился того, что никогда ничего не забывал. Все дела были у него спешными».

Он относился и к мелочам с большим вниманием, когда это было нужно и могло ускорить ход дела. «Ничего не стоило ему просидеть до 3-х часов ночи, чтобы собственноручно наклеить почтовые марки на сотню повесток для какого-нибудь собрания и затем ночью же побежать к почтовому ящику, чтобы бросить эти повестки», — вспоминает одна из его сотрудниц.

В каникулярное время он обычно заканчивал свои крупные научные труды. В такие периоды он говорил: «Хожу, как беременный, разговариваю, занимаюсь каким-нибудь делом и все время думаю о своей работе, все время мысли беспокоят, тревожат, и пока не выведу наружу — не успокоюсь».

П. Ф. Лесгафт, действительно, никогда не отдыхал: ни в каникулярное время, ни в воскресные дни. Его ученик Зайцевский пишет: «Кроме лекций по анатомии, Лесгафт считал необходимым... изучение окружающей жизни, знакомство с чисто техническими производствами. Для этого он устраивал поездки по окрестным заводам. Эти восхитительные поездки бывали большей частью по воскресеньям».

**

Лесгафт любил говорить: «Мысль — вперед». Он учился неустанно. Будучи европейски известным ученым, он занимался у ряда академиков и профессоров.

Вот что пишет его ученик Эрасси: «При изучении органов движения Петр Францевич придавал особенное значение знакомству

с аналитической и строительной механикой, теорией сопротивления материалов и науками математического цикла». Он ревностно изучал эти науки, где, как и когда мог, всегда с живым интересом знакомился со всеми новостями механики и техники.

**
**

Несколько слов о Лесгафте как о лекторе.

Это был замечательный лектор, лекции которого ярко запомнились на всю жизнь.

Его ученик Фортунатов пишет: «Его литературные произведения лишь в слабой мере могут дать представление о том сильном влиянии, которое принадлежало его живому слову».

Прежде всего он преподавал анатомию как ученый-новатор, давая новое содержание самому курсу анатомии, говоря не об анатомии мертвого человека, а человека живого, действующего. «...Эту сухую и мертвую науку он наполнял таким богатым содержанием и таким философским смыслом, что не только увлекался ею сам, но и увлекал своих слушателей».

Он всегда связывал изучение анатомии с жизнью, вспоминают его ученики: «...Этот мускул имеет такой-то вид, потому что это мускул танцовщицы, а этот — такой-то, потому что это мускул молотобойца».

«Эта кость имеет такой-то цвет и такую-то твердость, потому что человек питался мясом, а эта кость иная, потому что она принадлежит человеку, который мяса в своей жизни почти не видел».

Другой ученик отмечает, что лекции Лесгафта отличались большой живостью и образностью. «Петр Францевич не только описывает, не только демонстрирует изучаемое явление, он, по возможности, изображает его в лицах — имитирует движения беременной женщины, мимику и интонации ипохондрика, аллюры щенят, воспитанных в различных искусственных условиях...

«Голос его то возвышается, то падает, передавая оттенки его подвижного настроения...

«Вот в силу всех этих особенностей содержания и внешней формы его лекций курс Петра Францевича можно было слушать хоть несколько лет подряд, сохраняя новый интерес к нему».

Он никогда ни на одну минуту не опаздывал на лекции, всегда входил в аудиторию одновременно со звонком.

Он однажды заметил с упреком Н. А. Морозову:

— А вчера Вы, Н. А., запоздали на лекцию, запоздали!

— Но зато я и окончил ее на четверть часа позднее.

— Знаю, знаю. Но слушателей своих все же заставили поджидать себя и приучаться к неаккуратности. А ведь их много, и каждому пришлось потерять это время. Уж лучше нам самим приходиться несколько раньше, чтоб одному ждать всех, чем всем одного.

П. Ф. Лесгафт был бескорыстным человеком.

У него было очень много пациентов, начиная от бедняков и кончая людьми очень состоятельными. Он всех лечил бесплатно,— это было твердым принципом его жизни. Он не изменял этому принципу никогда, даже в годы острой материальной нужды после Казанского дела.

Люди состоятельные переводили денежные суммы на адрес Биологической лаборатории — это была единственная форма гонорара за лечение, приемлемая для Лесгафта.

Приему больных Лесгафт обычно посвящал весь день отдыха—воскресенье и вечерние часы еще одного дня в неделю.

По воскресеньям с раннего утра наполнялась пациентами небольшая комната — приемная П. Ф. Лесгафта. Нарядная дама в шелках и украшениях с выхоленным ребенком сидела рядом с простой женщиной, держащей на руках бледного ребенка-заморыша. Пациенты принимались всегда и неизменно строго по очереди, и никогда высокое имущественное или служебное положение пациента не играло роли в приемной профессора Лесгафта.

Начиная с 80-х годов, Лесгафт становится редким специалистом по лечению костно-связочной системы. Заболевания этой системы требуют длительного лечения. Иногда это месяцы, иногда—годы. П. Ф. Лесгафт прикрепляет к каждому больному своих учениц и учеников.

Большую врачебную деятельность он развивал на Волге, где много лет подряд он проводил часть своего каникулярного времени вблизи Рыбинска, в местечке Красном.

Сначала его как врача узнают жители близлежащих деревень. Далее, к нему начинают приезжать из Рыбинска. И, наконец, слава о нем как о враче разносится по всей Волге, и в Красном можно было встретить пациентов даже из Астрахани. Одна из его учениц пишет о его врачебной деятельности на Волге: «...Обыкновенно несколько десятков больных с утра располагались перед избушкой мельника... Молодежь ревностно помогала П. Ф. в лечении больных. Вся лужайка покрывалась маленькими группами: в одном месте перевязывали раны, в другом выслушивали больных, там бинтовали... в нескольких местах занимались физическими упражнениями... Работа шла при самом непосредственном участии и наблюдении П. Ф. Но вот заканчивался прием, и молодежь весело принималась за игры, тут же на лужайке...».

Говоря о бескорыстии Лесгафта, уместно отметить, что он с величайшей неохотой тратил деньги на самого себя. Он ходил пешком, стесняясь тратить на извозчика, ездил в жестком вагоне, по многу лет носил одну и ту же одежду. В Каире, смертельно больной, он с трудом соглашается переехать в санаторий, потому что это для него дорого.

Судебный исполнитель, производивший опись имущества после

смерти П. Ф. Лесгафта, записал: «В кошельке обнаружено 53 р. 20 к.» И это все.

А между тем вспомним: его ученик миллионер Сибиряков принес в дар ему лично, чтобы обеспечить его жизнь и дать возможность ученому-новатору осуществить свои замыслы, 200 тысяч и дом. В тот же день Лесгафт положил эти деньги в банк на имя Естественно-исторического музея — будущей Биологической лаборатории.

Когда его спрашивали, выиграл ли он лично от этого дара, он с гордостью отвечал: «Ни одного лишнего стула не прибавил у себя в квартире».

А Биологическая лаборатория П. Ф. Лесгафта насчитывала в это время полумиллионное состояние и ни одного неоплаченного счета.

**
*

Еще одна черта П. Ф. Лесгафта.

Он писал Морозову летом 1908 г.: «Был здесь наш домашний юбилей — 15 лет существования СПб Биологической лаборатории. Празднование это состояло в том, что устроили обед для всех служащих в лаборатории, начиная с дворников. Очень я остался доволен от этого приятного и сердечного праздника».

Дворник рядом с профессором, за одним столом. В те годы — вспомним, что это был 1908 г., — это было и ново, и смело, и истине демократично.

Для Лесгафта не было «маленьких», «сереньких», «ничтожных» людей. Долю уважения чувствовал на себе каждый сотрудник П. Ф. Лесгафта. Это уважение неизмеримо усиливалось к тем сотрудникам, которые работали не за страх, а за совесть.

В этом случае его отношение к работнику согревалось чувством теплой симпатии. Выражаясь словами нашей эпохи, он особенно симпатизировал тем, для кого труд был «делом чести».

**
*

П. Ф. Лесгафт не только в теории провозгласил одну из наиболее гуманных мыслей, известных в мировой педагогике, — он и в своей жизни всегда, везде и во всем выступает как педагог — друг детей, как педагог-оптимист, как защитник интересов ребенка.

Однажды он остался ночевать у знакомых, к которым относился с симпатией. Очень рано утром он вернулся домой, не дожидаясь пробуждения хозяев. На вопросы близких, что произошло, он ответил лаконической фразой: «Там бьют детей». В глазах Лесгафта насилие над ребенком было самым тяжким педагогическим преступлением взрослого. К таким людям он не мог питать дружеских чувств. Для него физически невозможным было даже оставаться с такими людьми под одной кровлей.

Несколько слов о той черте характера П. Ф. Лесгафта, которая определяется словом «неуживчивость».

Непонятными казались его резкие колебания в отношениях к людям, словно он действовал по какому-то капризу, проявляя свой «дурной» характер.

Это было не так. Эта кажущаяся «неуживчивость» объясняется иначе.

В минералогии есть особая шкала твердости, по которой определяют твердость минералов. Последним по твердости стоит алмаз.

Лесгафт, если можно так выразиться, «пробовал человека на алмаз», т. е. подходил к каждому с очень высокими требованиями. Если он убеждался в том, что человек выдержал эту пробу, он готов был для него на очень многое. Он интересовался жизнью такого человека, принимал к сердцу его радости и печали и всячески помогал ему. Об этом свидетельствуют и письма Лесгафта к его ученикам (к Листову и др.) и письма учеников к нему.

Двух людей П. Ф. Лесгафт выделял особо. Их портреты он хотел видеть всегда, ежедневно.

Над письменным столом П. Ф. Лесгафта висела фотография В. Л. Грубера.

Петр Францевич был многим обязан Груберу. Грубер приобщил его в студенческие годы к настоящей научной работе. Грубер протянул ему руку помощи в самый трудный момент жизни.

Со студенческой скамьи и до самой смерти Грубера (1882), т. е. в продолжение свыше 20 лет, был связан Лесгафт с Грубером. Они писали друг другу и находясь в Петербурге и во время летних каникул. У Лесгафта хранилось около 100 писем Грубера. Они писали о научных вопросах, и о путешествиях, и о встречах с людьми, о событиях научно-врачебного мира. Эти письма показывают их настоящую глубокую дружбу. Но оба они были вспыльчивы. В такие минуты они говорили друг другу резкие и колкие слова, и казалось, что их ссора глубока. Но это только казалось. И совершенно права была жена Грубера, «простая и необразованная женщина», как она сама себя называла, которая писала Лесгафту в такие дни: «Господин Лесгафт! Мой муж рассказал мне о Вашей ссоре. Делайте вид, что ничего не произошло. Приходите вечером к нам пить чай. Вы ведь знаете, что мой муж Вас очень любит. Это все быстро пройдет». И это было правдой. Ссоры быстро проходили.

Но был один очень тяжелый момент в их отношениях. В 70-х годах Лесгафт работал над книгой «Основы теоретической анатомии», где было много новых мыслей об анатомии, которая должна быть не только описательной наукой, но приходить к об-

щим выводам, общей теории, быть наукой о живом, а не о мертвом человеке.

В этих вопросах Лесгафт перерос своего учителя Грубера. Ссоры между ними в связи с этим принимали бурный характер. После одной из таких ссор Грубер резко писал: «Сегодня, милостивый государь, Вы бросили мне упрек в том, что я не знаю анатомии. Я, Ваш учитель по анатомии, и не знаю анатомии, — какая дерзость. Я 20 лет преподаю анатомию в Медико-хирургической академии. Как Вы смели меня так оскорбить? Я больше не хочу Вас знать». Но кризис миновал, и отношения вновь стали дружественными.

Особенно много внимания уделил Лесгафт Груберу в тот период, когда выяснилось, что Грубер безнадежно заболел. Лесгафт навещает больного Грубера в его заграничном поместье. После смерти Грубера Лесгафт ведет переписку с его женой. «Вы такой верный друг, — пишет она ему, — а то меня оставили и забыли все, и мне не с кем советоваться, кроме вас».

Он один не оставил своего старого, больного, разбитого тяжелой болезнью учителя.

На письменном столе Лесгафта всегда стояла прекрасно исполненная фотография Н. И. Пирогова в простой, красивой раме.

Лесгафт справедливо считал Пирогова человеком очень близким себе по мыслям, по деятельности, по духу. Отношение к Пирогову как к величайшему авторитету-анатому и как к человеку прямому, бескорыстному и принципиальному начало складываться еще со студенческих лет и продолжалось всю жизнь Лесгафта.

В стенах Медико-хирургической академии живы были традиции Пирогова. Все помнили случай с выборами ректора Академии, когда Пирогов открыто и прямо сказал, что он не может голосовать за предложенного кандидата, так как это человек с нечестной репутацией, что таким не может быть тот, кто призван учить молодежь.

Рассказы о подобных фактах, о столкновениях Пирогова с начальством должны были неотразимо влиять на Лесгафта.

Проф. Красуская вспоминала, как горячо Лесгафт хотел увидеть Пирогова и говорить с ним и как свято он хранил воспоминание о двух личных встречах с ним у постели тяжело больных.

Родство мыслей Пирогова и Лесгафта может быть установлено в последующих трех направлениях.

Во-первых, в деятельности Пирогова как величайшего анатома своего времени и гениального хирурга Лесгафт видел подтверждение своих новаторских мыслей об анатомии. Лесгафт с особенным вниманием изучал анатомические работы Пирогова.

Во-вторых, имелось много общего во взглядах Пирогова и Лесгафта по основным педагогическим вопросам (цель и задачи воспитания, оптимистический взгляд на природу ребенка, вера в его творческие силы). Педагогические статьи Пирогова тщательно изучались Лесгафтом.

В-третьих, Лесгафт специально интересовался взглядами Пирогова на высшую школу в России. В архиве Лесгафта была большая рукопись Петра Францевича под заглавием «Взгляды Н. И. Пирогова на университеты в России». Лесгафт подробно, пункт за пунктом, анализировал взгляды Пирогова и делал пометки о том, согласен он с Пироговым или нет. Большинство замечаний Пирогова он считал правильными. «Пирогов прав: университеты нужно «обнародить».

Н. И. Пирогов — великий ученый, кристально чистый человек с неподкупной совестью, жертва произвола царских чиновников, всю жизнь был для П. Ф. Лесгафта немеркнущим образцом и примером.

**
*

В Каире, вдали от родины, П. Ф. Лесгафт ждет с волнением писем из далекого, любимого Петербурга. Он плачет, читая эти письма. Он повторяет с тоской: «Какой я был дурак, что позволил уговорить себя уехать».

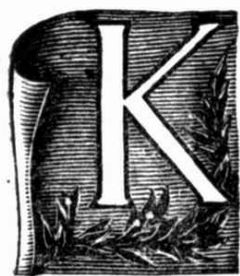
Последний проблеск сознания... Последняя ясно произнесенная фраза: «Где я, в Петербурге?».

Отдав всю свою замечательную жизнь служению родине, П. Ф. Лесгафт с любовью вспоминает о родине даже в последние секунды жизни.

ВОСПОМИНАНИЯ о П. Ф. ЛЕСГАФТЕ (1906 — 1909)

ВЫСШИЕ КУРСЫ ЛЕСГАФТА

(Вольная высшая школа, 1906—1907)

КУРСЫ Лесгафта существовали с 1872 г. Занятия происходили первоначально на квартире П. Ф. Лесгафта; затем курсы были неофициально разрешены градоначальником Грессером; далее они расширились и получили название Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования (в 1896 г.). Это было уже высшее учебное заведение с трехгодичным курсом, где изучались естественные науки и педагогика. Количество слушательниц неуклонно росло. В 1896 г. на курсах было 109 студенток, в 1906 г. — 1169.

Как только революционные события 1905 г. несколько разорвали пути полицейского царского режима, Лесгафт приступил к осуществлению своей давнишней мечты — к основанию вольного университета, где могли бы учиться все желающие, независимо от диплома, пола, возраста и национальности. Такое высшее учебное заведение и было основано Лесгафтом. Оно получило название Вольной высшей школы, а Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования стали его факультетом. Помимо педагогического, в Вольной высшей школе были организованы биологический и социальный факультеты.

В это первое в России свободное высшее учебное заведение пришли те, кто бескорыстно стремился к знанию, которое разрешило бы основные вопросы жизни, общественной жизни в особенности.

К Лесгафту шли те, кто не имел дипломов об окончании гимназий или реальных училищ. Это были сельские учителя, земские служащие, служилая интеллигенция, революционная молодежь из подполья — люди созидательного общественного труда. Сюда шли все, искавшие свободы, энтузиасты, давно рвавшиеся к высшей науке, которая до сих пор была для них недоступна.

Попал и я сюда, в этот вольный университет, после двухлетнего учительства в деревне Тамбовской губернии.

В конце лета 1906 г., после кратковременного ареста за участие в революции 1905 г., я узнал из газет о том, что в Петербурге

открыта Вольная высшая школа, куда могли поступать все желающие. Директором этой Вольной школы был профессор П. Ф. Лесгафт, которого мы, учителя Тамбовской губернии, хорошо знали по его педагогическим трудам.

Осенью 1906 г. я отправился в Петербург.

На Английском проспекте, в доме № 32, большое количество молодых людей стояло в очереди, чтобы внести плату за обучение.

Никаких документов об окончании какого-либо учебного заведения для поступления в Вольную высшую школу не требовалось; достаточно было письменного заявления и платы за обучение, чтобы быть зачисленным в число студентов этой школы. Да и от этой платы наиболее нуждающиеся могли быть освобождены. Всего поступило около полутора тысяч человек на все три факультета.

Четырехэтажное здание по Английскому проспекту, только что перед этим отстроенное Лесгафтом для научных и учебных целей, было переполнено молодежью. Все аудитории, лаборатории, лестницы, площадки с утра до ночи были наполнены гулом и шумом. Аудитории во время чтения лекций всегда были переполнены; студенты стояли в проходах, сидели на подоконниках.

Лекции самого Лесгафта проходили в большой аудитории. Другие популярные профессора, как Е. В. Тарле, М. М. Ковалевский, историк Н. И. Кареев и др., также читали свои лекции в самых больших аудиториях. Слушать лекции профессоров приходили все желающие, а не только зарегистрированные студенты.

Наряду с лекциями в аудиториях иногда явно, а чаще при закрытых дверях происходили политические собрания и заседания комитетов революционных партий.

Лесгафт всегда заботился о поддержке нуждающейся молодежи. Он организовал в первом этаже школы столовую для студентов, где можно было получить достаточно сытный, питательный и дешевый обед. Сам Лесгафт всегда следил за качеством пищи. Он ежедневно заходил в столовую и наблюдал за выполнением его указаний. Эта же столовая в периоды, когда было мало студентов, обслуживала рабочих Коломенского района города.

Студенты нуждались в заработке. У нас было организовано «бюро безработных», которое изыскивало возможности предоставить студентам работу. Заработки были самые разнообразные. Так, было организовано бюро переписки на машинке, в следующем году — переплетная мастерская. Подобными работами студенты зарабатывали прожиточный минимум.

Студенческое самоуправление организовано было в 1906—1907 гг. на демократических началах. Управлял студенческими делами совет старост, состоявший из старост всех курсов всех факультетов; в большинстве это были представители революционных партий того времени; среди них было много большевиков.

Курсы Лесгафта в период Вольной высшей школы (Лесгафту

не разрешили названия Вольного университета) были особым типом высшего учебного заведения. Полная свобода преподавания естественных и гуманитарных наук направлена была на удовлетворение запросов революционной молодежи. Лесгафт привлек к преподаванию самых крупных и прогрессивных ученых Петербурга того времени. Многие из них стали потом выдающимися учеными: В. Л. Комаров, впоследствии президент Академии наук СССР, академик Е. В. Тарле, тогда молодой доцент и профессор, А. А. Рихтер, Н. М. Книпович, впоследствии академики, и многие другие.

Студенты с жадностью слушали лекции этих выдающихся ученых.

На курсах Лесгафта в это время преобладала молодежь, но были слушатели и пожилые, даже с сединой.

В основе отношений между студентами и профессорами лежало доверие студентов к своим учителям.

Дух товарищества, равенства между мужской и женской молодежью, взаимного доверия на фоне борьбы с царизмом и общих стремлений к завоеванию политической свободы, к переустройству всей русской жизни на началах социализма — все это создавало небывалый до того времени в России характер и стиль студенчества.

Особенно ярко запечатлелась у меня первая моя встреча с Петром Францевичем.

Слушать Лесгафта устремлялись все; всех интересовала его необыкновенная личность, необычная форма чтения лекций.

Он ходит среди слушателей, старик небольшого роста, с белой, большой нависшей головой, с пронизывающими и всё видящими глазами. То громко крикнет, то громко стукнет костю. Слушать его изложение первое время было трудно: он говорил быстро и глотал окончания слов. Надо было преодолеть трудности слушания. Сначала с любопытством, потом все с бóльшим и бóльшим интересом студенты слушали его лекции.

С первой лекции я вышел совершенно очарованным, глубоко убежденным, что именно то, чему учил Лесгафт, мне и нужно. Слова, я помню, ускользали от моего внимания; по крайней мере, я не мог восстановить всей лекции потом, по выходе из аудитории, но меня глубоко захватила своеобразная манера Петра Францевича читать лекцию.

Подвижность, быстрая смена голоса, поразительная искренность, добирающаяся до самого сердца, увлечение Лесгафта своей наукой, умение чрезвычайно живо изложить анатомию, что разбивало предвзятый взгляд молодежи на нее как на «сухую материю», наглядность изложения благодаря широкому применению препаратов — все это произвело на меня, как и на других слушателей, глубокое впечатление.

К Лесгафту привлекали не только его обширные и разносторонние научные познания (он владел высшей математикой и механикой, химией, физиологией; он был оригинальным, глубоким уче-

ным-анатомом и педагогом). Полнота, энергия жизни и блеск мысли, направленные к возвышенному, человеческому, — вот что влекло к Петру Францевичу. Слова и мысли его речи оживали, он одухотворял их. Я никогда не слышал, чтобы Петр Францевич говорил о чем-нибудь тоном безразличия.

Лекция обычно начиналась словами: «Прошедший раз мы остановились на разборе строения или деятельности такого-то органа». Затем следовало краткое изложение предыдущей лекции, воспроизводилось основное понятие строения и деятельности того органа, который изучался, и шло дальнейшее последовательное изложение вопроса.

Его курс анатомии представлял скорее изложение философии биологии, иллюстрируемой примерами анатомии.

В эту «мертвую из мертвых» науку Петр Францевич вложил душу живую; путем вдохновенного творчества он создал из анатомии художественное произведение, приводившее в восторг всех слушателей. За костями и трупами виделась жизнь с ее горем и радостями, с ее трудом, нуждой и заботами. Привести в связь мысль и жизнь, оживить мысль, осмыслить жизнь — это было постоянной заботой Петра Францевича.

В основе его отношения к окружающему миру и науке лежала любовь к жизни и человеку.

Он не был беспристрастным мыслителем. Все его построения, все лекции его были одухотворены этой любовью к жизни.

Акад. И. П. Павлов назвал Лесгафта выдающимся ученым и «страстным учителем».¹

Сущность влияния Петра Францевича — в его жизненной энергии, в его страстности как учителя.

Вторая основная черта Лесгафта-педагога характеризуется двумя словами: «мысль — в перед». Эти слова Лесгафт любил повторять всегда, при всякой умственной работе своих учеников; это указание он давал своим ученикам, напутствуя их на практическую работу.

Он часто повторял, что он не учитель, обладающий знаниями и способностью, так сказать, перелить их в ум учеников. Каждый, говорит он, учитель для самого себя и нуждается только в помощи.

Лесгафт говорил нам: «Каждый преподаватель должен хорошо помнить слова Сократа, который говорил, что если кто скажет, что Сократ дал кому-либо образование, то это будет неправда, так как на самом деле он никому никакого образования дать не может, а может быть только акушером мысли. Как акушер не родит новорожденного, а только содействует или облегчает появление его

---

¹ И. П. Павлов. «Новейшие успехи объективного изучения высшей нервной деятельности животных» (речь на 30-летнем юбилее Научного ин-та Лесгафта). Известия Научного ин-та Лесгафта, т. VIII, 1924.

на свет, так и преподаватель не может дать мысль, а только может навести на нее или облегчить появление ее на свет».¹

Он обыкновенно задавал на лекции такой вопрос, материал для ответа на который уже имелся у слушателей, и ждал, пока кто-либо сообразит и скажет ему свое мнение. Петр Францевич требовал ответа от каждого; ответ мог быть и неправильным; мысль могла быть ошибочной, лишь бы была мысль. Пытливый ум всегда радовал Петра Францевича.

Получив ответы и выяснив один вопрос, Петр Францевич задавал следующий, и мы должны были отвечать. Если слушатель внимательно следил за предыдущими беседами, если он понял основные идеи, то дать ответ, иногда предсказать то или другое строение органа было вполне возможно.

Для примера приведу, как мы изучали строение суставов и мышц. Под руководством Петра Францевича мы рассматривали свои руки, двигали ими, изучали существующие в плече движения. Нам ставилась задача: для заданных движений предсказать строение суставов, величину и форму головки, ямки, расположение связок, мышц и т. д. Ставился ряд вопросов, выяснялось априорно строение органа, после чего Петр Францевич заявлял:

«А теперь посмотрим, как на самом деле!» — и показывал препараты.

Мысли, рожденные с помощью профессора, при проверке оказавшиеся в согласии с действительностью, хорошо усваивались слушателями.

Ученики мало-помалу научились сами искать и находить решение предлагаемых вопросов.

Благодаря тому, что на лекции у Петра Францевича слушатели не только слушали, но и думали вместе с ним, радовались удачно мелькнувшей мысли, досадовали на свою недогадливость, не было дремавших и скучавших. После полуторачасовой лекции слушатели всегда уходили со свежей, ясной головой.

Петр Францевич никогда не шел дальше, если кто-нибудь еще не понял предшествовавшего; он терпеливо все выяснял.

Свой курс анатомии Лесгафт читал нам в течение четырех лет. Первый год он читал костную систему, второй год — мышечную систему и органы растительной жизни, третий год — кровеносную и нервную системы (центральную нервную систему), четвертый год — периферическую нервную систему и в заключение — «механику мозга», представлявшую собой курс физиологической психологии в связи со строением и функцией центральной и периферической нервной системы. Каждую неделю Лесгафт читал по две-три лекции, по полтора часа каждая. Отсюда видно, насколько подробным и обстоятельным был этот курс анатомии, подобного которому не читалось нигде — ни в России, ни за границей. По

¹ «О преподав. ест. наук в ср. уч. зав.», сборн. «Памяти П. Ф. Лесгафта», 1912, стр. 18.

учебному плану, когда курсы Лесгафта были трехлетние, на анатомию выделялось на I курсе — 6 часов лекций в неделю, на II курсе — 4½ и на III курсе — 4½ часа лекций в неделю.

Лекции по костной и мышечной системам давно уже были записаны слушателями и напечатаны; по ним студенты и учились. Напечатанных лекций Лесгафта по нервной системе не было. Мы — четверо юношей — решили сделать подробную запись всех его лекций по нервной системе. Каждый из нас старался возможно подробнее записать лекцию со слов Лесгафта и зарисовать рисунки или препараты, которые он показывал во время лекций. Вечером того же дня мы, собравшись вместе, принимались за восстановление лекции по отдельным записям.

Таким образом составлялась подробная запись всех лекций Лесгафта по нервной системе.

Анатомия преподавалась и в большинстве случаев преподается чисто описательно. Лесгафт о таком методе преподавания естественных наук и анатомии говорил:

«Изучение естественных наук может совершенно притупить умственные способности человека, стоит только знакомить с ними описательно и заниматься практически, совершенно механически, под постоянным присмотром и указанием руководителя. Удивительно, как человек при этом тупеет. Поэтому и составилось мнение, что анатомия глупая наука и изучение ее только притупляет человека».¹

Выдающийся русский кристаллограф и геометр Е. С. Федоров, друг и сотрудник Лесгафта, сам когда-то занимавшийся анатомией в Медико-хирургической академии, писал:

«Тут я встретился с казавшимся мне парадоксальным фактом, что после общения с Петром Францевичем молодежь самой разнообразной окраски, влечений и характеров начинала смотреть на анатомию человека как на наиболее важный и интересный из всех научных предметов».²

Лесгафт выяснял и формулировал основные законы строения человеческого живого организма, которые были проявлением и развитием общебиологических законов эволюции. Все подробности, частности строения, которые мы должны были знать, преподносились нам в свете общих закономерностей строения того или иного органа. Так, например, сдавая зачет по костной системе, мы получали из рук Лесгафта в свои руки одну из мелких косточек стопы и не глядя, лишь осязанием, должны были определить, какая это кость и с какой ноги. Мы не воспринимали это ни как чудачество, ни как ненужное запоминание форм костей. Мы воспринимали это как знание всех необходимых элементов, из которых состоит стопа. Понимание архитектуры стопы, понимание закономерностей движе-

¹ А. Фортунатов. Несколько слов о П. Ф. Лесгафте. Сборн. «Памяти П. Ф. Лесгафта», 1912, стр. 187.

² Там же, стр. 198.

ний человека возможно было лишь на основе тщательного знания всех элементов.

Но это наше знание не было ни заучиванием, ни механическим запоминанием, оно было результатом осмысленной работы по выяснению значения строения и функций органов и отдельных его частей. Каждая мелочь была частью целого. Для Лесгафта не было мелочей. Не было их и для нас в «мыслящей анатомии» Лесгафта. Все подробности, все мелочи у Лесгафта, а вслед за ним и в наших головах, легко и стройно укладывались в систему, а потому и легко запоминались.

Анатомия Лесгафта во всех отделах, начиная с костной системы и кончая мозгом и нервами, всегда была тесным образом связана с отправлениями, функциями этих органов; а функции органа человеческого тела находятся в связи с условиями его существования, с условиями его домашней и общественной жизни.

Параллельно с лекциями по анатомии проводились самостоятельные работы студентов по изучению анатомических препаратов. Для начала мы должны были сделать сами шлиф костной ткани для изучения микроскопического строения ее. Тонкую пластинку мы долго шлифовали на специальных брусках, для того чтобы получить срез толщиной не более одной десятой миллиметра. Это была работа, требовавшая большого терпения, настойчивости и послушных пальцев руки. Далее мы изучали все кости, суставы, мышцы, сосуды, нервы и т. д. Мы препарировали трупы, анализируя строение каждой мышцы, прослеживая ход сосудов и нервов в различных частях тела человека. О результатах работы время от времени мы должны были докладывать Лесгафту на зачетных беседах. Студенты группы, проработавшей, например, мышцы, сосуды или нервы руки, должны были ответить на все вопросы Лесгафта, касающиеся строения, прикрепления мышц, их физиологического поперечника и их функций при разнообразных движениях человеческой руки. Мы должны были показать не только знания, но и понимание всех особенностей строения, и значение их в деятельности живой руки и живого организма в целом.

Знание и изучение живого организма было целью всей жизни Лесгафта, к этому он приучал и нас, своих учеников. Малейшее непонимание значения какой-либо части тела, малейшая недоработанность препарата в техническом отношении вызывала предложение Лесгафта доработать препарат, продумать и исправить непонятое. Группа приходила к Лесгафту второй, третий, пятый, а иногда и десятый раз. И лишь тогда, когда Лесгафт убеждался, что все студенты проработали свое задание тщательно, всё им ясно и они «насквозь понимают» не только на мертвом, но и на живом, он разрешал переходить к работе над следующим препаратом.

Сдача анатомических препаратов Лесгафту становилась целой школой анатомии. Студенты не только препарировали, не только знакомились со строением того или иного органа, — они входили в лабораторию анатомической мысли Лесгафта, они приуча-

лись анатомически мыслить. На изучении анатомических препаратов Лесгафт учил исследовать, наблюдать и понимать строение человеческого тела. Отсюда вытекала требовательность, казавшаяся многим чрезмерной. Но этой требовательностью Лесгафт воспитывал серьезность отношения ко всякой выполняемой в жизни работе.

При изучении органов движения Лесгафт применял приемы аналитической геометрии, строительной механики и теории сопротивления материалов. Он, как уже упоминалось, сам хорошо знал математику, механику и другие области прикладной математики, чему учился у выдающихся знатоков; так, уроки математики он брал у акад. Имшенецкого и у проф. Долбни, аналитической механики — у проф. Щукина, строительной механики — у проф. Белелюбского. Он с живым интересом знакомился со всеми новостями технической механики. Совместно с проф. Долбней Лесгафт написал анатомо-математическое исследование по теории суставов.

Лесгафт организовывал экскурсии в лаборатории для изучения строительных материалов и на заводы, где он знакомил студентов с принципами действия различных механизмов, связывая их со строением и деятельностью костей и суставов человеческого тела. Один из его слушателей, Эрасси, математик и механик, преподаватель Горного института, писал: «Я, тогда студент технического учебного заведения, — полагаю, что таких много среди слушателей Петра Францевича, — должен признаться, что понимать механику как науку о движении, понимать те механизмы, работой которых живет современная техника, я научился только во время экскурсий, которые Петр Францевич устраивал со своими слушателями на петербургские механические заводы».¹

Лесгафт устраивал с нами экскурсии и в больницы, где он демонстрировал на больных анатомические изменения и функциональные расстройства. Особенно большое впечатление произвела на меня экскурсия в психиатрическую больницу. По ходу занятий по анатомии мозга Лесгафт демонстрировал там больных, у которых предполагаемые анатомические изменения сопровождались психическими расстройствами.

Литературное изложение, даже книги самого Лесгафта, не могут дать точного представления о характере и содержании его лекций. В живом общении, в живом слове все это выглядело иначе, чем написано в книгах или статьях.

Исследуя механику движений, Лесгафт организовал изучение влияния на кости различных условий питания. Сгибая перед нашими глазами длинные кости, он приводил нас в изумление, а затем говорил: «Такая кость получилась у животного при питании только одной растительной пищей; такая же кость при недостаточном питании может развиться у человека, что приведет в детском возра-

---

¹ Н. Эрасси. Научная и педагогическая деятельность П. Ф. Лесгафта. Сборн. «Памяти П. Ф. Лесгафта», 1912, стр. 63.

сте к рахитизму. Кости же животных, питавшихся мясной и молочной пищей, обладали крепостью, создавали опору для быстрых и ловких движений; весь нрав таких животных становился бойким, живым, энергичным».

Потрясая такими костями, Лесгафт говорил о том, к чему могут привести ненормальное питание и уродливые условия общественной жизни. Он призывал, идя по улице, смотреть, как поставлены ноги у детей, замечать, нет ли искривлений. И говорил:

«Если увидите искривленные конечности у ребенка, то увидите в этом результат плохого питания, жизнь в полуподвале рабочего какого-нибудь завода».

Показывая нам кости с ненормальными выростами, несколько сдавленные тела позвонков, Лесгафт указывал, что это результат непосильной работы.

Во времена Лесгафта многие женщины носили корсеты. Лесгафт показывал нам скелеты таких женщин, их желудки и легкие. На них видно было, как сдавливание уродует грудную клетку, в результате чего человек меньше вдыхает воздуха, меньше получает кислорода для дыхания; кровь приносит недостаточное количество кислорода ко всем органам, в том числе и к мозгу. Поэтому умственная деятельность не может проявиться в должной мере; а вслед за умственными ограничениями возникают и ограничения нравственного порядка. Нравственное развитие личности, говорил Лесгафт, находится в полнейшей зависимости от степени умственного развития.

Лесгафт постоянно связывал все особенности анатомических структур с условиями жизни. Он приучал нас видеть на живом — видеть на улице, в комнате, в аудитории, на балетном представлении в театре особенности строения встречавшихся людей и связывать все это с той жизнью, результатами и отражением которой являлось либо уродство, либо красота человеческого тела.

Красота форм и проявлений человеческого организма восхищала его так же сильно, как отвращало уродство. При изучении архитектуры стопы Лесгафт с изяществом показывал движения балерины, обладающей стройностью и подвижностью суставов и мышц.

Связь анатомических структур проводилась Лесгафтом очень глубоко. Разбирая, например, строение и деятельность сердца, Лесгафт подробно разъяснял воздействие тех или других отклонений в деятельности сердца от нормы на психическое состояние человека.

Один раз в неделю Лесгафт в своем кабинете устраивал приемы больных. К нему могли обращаться все, богатые и бедные. Никакой платы ни с кого он никогда не брал. На таких приемах присутствовали и мы, студенты. Для нас это были практические занятия по анатомии. Мы должны были выслушать сердце больного и на основании выслушивания рассказать Лесгафту об особенностях строения, о дефектах в работе клапанов сердца и т. п. Выслушав

сердце сам, Лесгафт начинал рассказывать больному о его самочувствии, о том, как больному порой бывает грустно и он не находит себе места, беспокоится сам, беспокоит семью, недоволен собою и иногда доходит до мрачных мыслей. И мы слышали, как пришедший подтверждал слова Лесгафта.

Иногда на лекции, во время анализа работы сердца, Лесгафт давал такие картины душевных переживаний человека, что некоторым студентам казалось, что он говорит про них.

Каждый раздел анатомии Лесгафт заканчивал главой «Психологическое значение органов растительной жизни» или «Психологическое значение работы сердца и кровеносной системы». Этому анализу он придавал исключительно большое значение. На пути в Каир, 16 ноября 1909 г., он писал:

«Нахожу, что мало говорю на своих лекциях о психическом состоянии человека в связи с состоянием его внутренностей, на самом деле, связь очень глубокая, и теперь я всего точнее изучаю эту связь...».

Так писал Лесгафт, больной воспалением почек, на себе испытывавший воздействие нарушенной функции почек на душевное состояние.

«В ряде блестящих, жизненных, то драматических, то глубоко трагических образов из его собственной врачебной практики, жизненных наблюдений и проч. показывал он нам, как иногда внутренности, сердце, половые, пищеварительные и другие органы ярко говорят о своих требованиях всею картиною внешнего вида, всех проявлений захваченного животною страстью человека, и весь трагизм этой борьбы. Он вел анализ, как мастер своего дела, и тонко подмечал малейшие оттенки психологических выражений жизни каждого органа».¹

Из этих примеров видно, что анатомия Лесгафта превращалась в познание человека, во всех сложных его взаимоотношениях с окружающей жизнью.

Лесгафт не ограничивался лишь анатомией человека. Он создал музей сравнительной анатомии, который уже во времена Лесгафта был самым большим музеем по этой специальности в России. В настоящее время это крупнейший музей сравнительной и экологической морфологии в СССР.

Лесгафт организовал серию лекций в созданном им музее. В лекциях он излагал результаты своих исследований (на материале музея) различных типов движений млекопитающих и других позвоночных животных. Понимание механизма движений человека дополнялось сравнительно-анатомическим обзором эволюции приспособлений к различным типам движений у высших животных.

Анатомический анализ связи формы и функции был настолько убедителен, что ученики Лесгафта, работая в будущем в других

¹ Сборн. «Памяти П. Ф. Лесгафта», 1912, стр. 64.

областях науки, вносили в них эти идеи. Так, например, В. Л. Комаров в своем практикуме по морфологии растений, создавшемся на курсах Лесгафта, рассматривал анатомические структуры растений в связи с функциональным значением. Акад. А. А. Борисьяк, крупнейший русский палеонтолог, также ученик Лесгафта, привнес его идеи в свои исследования, которыми он выяснял биологическое значение морфологических структур вымерших животных. И многие другие русские ученые испытали влияние Лесгафта.

Вольная высшая школа стала не только центром просвещения, но и одним из центров революционно-организационной деятельности. В департаменте полиции накопился целый том — «Дело Вольной Высшей Школы», где собраны были документы, обвиняющие учреждение Лесгафта и отдельных лиц в революционной деятельности.

Например, в секретной полицейской информации, обнаруженной уже после революции в департаменте полиции, в делах курсов Лесгафта, было сказано: «... ботаник Комаров, удаленный за антиправительственный образ мыслей из разных учебных заведений, нашел себе пристанище на курсах Лесгафта...».¹

Министр внутренних дел Столыпин вызвал к себе Лесгафта и требовал, чтобы в помещении Вольной высшей школы не допускался никто из посторонних и чтобы не происходило там никаких нелегальных собраний.

Лесгафт рассказывал нам о том, что он ответил Столыпину: «Наше учреждение основано на нравственных началах и никаких полицейских обязанностей я на себя принять не могу. Я все беру на свою ответственность».

В помещении курсов Лесгафта В. И. Ленин вел занятия с кружком пропагандистов и агитаторов, читал доклады о выборах в Государственную думу на собрании социал-демократической организации (в ноябре 1905 г., в феврале, мае, июне 1906 г.).

Осенью 1907 г. Вольная высшая школа после обыска была закрыта.

Наряду с заботами о высшей школе, Лесгафт все время заботился и о просвещении рабочего населения города.

«Народное Отделение Вольной Высшей Школы» раскинулось своими популярными лекциями по общественным, естественнонаучным и педагогическим вопросам по всем районам Петербурга. Плата за лекцию — 5 копеек.

Лесгафт организовал общественность своего городского района и создал «Коломенское общество образования»; при содей-

---

¹ Из воспоминаний Е. В. Тарле о Комарове, в статье акад. Мещанинова и Чернова «Очерки жизни и деятельности В. Л. Комарова» (В. Л. Комаров, Избр. соч., т. I, 1945, стр. XXIV).

ствии Русского технического общества открыл Коломенские курсы для рабочих при своем институте, где преподавались арифметика, геометрия, алгебра, география, история, биология, анатомия, русский язык, литература и т. д. На курсах существовал ряд кружков. Организовывались спектакли и литературно-музыкальные вечера.

Сам Лесгафт читал для рабочих лекции по анатомии и демонстрировал им микроскопические препараты.

Лесгафт и все ученики его, преподававшие в школе, работали бесплатно. Помещение и освещение для курсов Лесгафт также предоставлял бесплатно. Плата за обучение составляла 40—50 коп. в месяц; неимущие освобождались и от этой платы. Поступавшие деньги расходовались на покупку мела, уборку помещения и на другие элементарные нужды.

После смерти Лесгафта курсы эти продолжали функционировать в течение ряда лет. Как при Лесгафте, так и после него на них обучалось 300—400 человек в год. Это был один из центров рабочего просвещения в Петербурге.

В дни революции 1905 г. в доме Лесгафта разместился Исполнительный комитет Петербургского Совета рабочих депутатов; он помещался по ул. Печатников, д. 25-а, в теперешней квартире № 6. Петербургские полицейские власти потребовали от Лесгафта удаления из квартиры Исполнительного комитета, даже пригрозили артиллерийским обстрелом. В ответ на эти угрозы Лесгафт организовал из своих студентов и учеников санитарный отряд для подачи первой помощи.

В 1917 г., в период февральской революции, курсы Лесгафта снова стали центром революционных действий в этом районе города. В аудиториях разместились Революционный комитет и вновь образованный Совет рабочих депутатов этого района, а также военные дружины и необходимые в тот период комитеты. Сюда же приводили арестованных сановников, генералов и министров царского правительства.

7—12 мая (по новому стилю) 1917 г. в помещении курсов Лесгафта происходили заседания апрельской конференции, имевшей большое значение в истории коммунистической партии; на ней обсуждались знаменитые апрельские тезисы В. И. Ленина. На этой же конференции в помещении курсов Лесгафта И. В. Сталин сделал свой известный доклад по национальному вопросу.¹

---

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 640, прим. 136.

РОЛЬ П. Ф. ЛЕСГАФТА В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИ образованный человек, современник замечательных русских ученых — Пирогова, Склифасовского, Остроумова, Захарьина, Боткина, Сеченова, Павлова, утверждавших мировую славу и значение русской науки, Петр Францевич Лесгафт вместе с ними служил своему народу, обогащая его знания, прокладывая новые, прогрессивные пути в области воспитания.

Мы не берем на себя задачи осветить с исчерпывающей полнотой значение Лесгафта в области анатомии, педагогики, антропологии, биологии. Наша цель — ознакомить с идеями П. Ф. Лесгафта в области развития физического воспитания в нашей стране.

Чтобы понять все значение идей, высказанных Лесгафтом в свое время, и оценить широкий научный анализ и научный метод мышления, последовательно отображающий его материалистическое мировоззрение в вопросах нравственного и физического воспитания, надо представить себе ту эпоху, в которой жил и творил ученый.

Он начал свою научную деятельность в эпоху большого общественного движения 60-х годов XIX в.

Это движение охватило широкие массы передовой интеллигенции и выдвинуло из ее среды борцов за новые взгляды и стремления, за прогресс и демократию. Не было области, которая не подвергалась бы критике и обновлению. Рождалось сознание, что наука, искусство и все отрасли знания должны служить интересам народа. Появилось поколение людей, воспитанных на передовых идеях великих сынов русского народа — Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова, выдающихся представителей русской классической философии XIX в.

Среди множества вопросов, выдвинутых в 60—70-е годы прошлого столетия, вопросы нравственного и физического воспитания молодого поколения встали перед русским обществом со всей остротой. В 60-х годах XIX в. выступила целая плеяда заме-

чательных представителей передовой русской педагогической мысли — Пирогов, Ушинский, Л. Н. Толстой, Чернышевский, Добролюбов и др.

Вопросами воспитания начали заниматься не только педагогические журналы — «Журнал для воспитания», «Русский педагогический вестник», «Учитель», но и такие журналы, как «Современник».

Статья Пирогова «Вопросы жизни», — горячий протест против крепостнического, узко-утилитарного воспитания в современном ему русском обществе, привлекла общее внимание. Выступление Пирогова было принято с восторгом. Мысль Пирогова о необходимости воспитания не узкого специалиста, а человека — высказывалась в произведениях великих писателей 40-х годов, особенно Белинского, провозгласившего, что «воспитание должно видеть в дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человека, который мог бы быть впоследствии тем или другим, не переставая быть человеком».

Воспитанию ребенка, воспитанию человека, идеалам нравственного и физического развития и совершенствования подрастающего поколения посвящались многочисленные статьи. По вопросам воспитания высказывались лучшие представители русской мысли и педагогической общественности. Эти идеи в течение многих лет вызывали оживленные споры и дискуссии, которые не могли не увлечь и П. Ф. Лесгафта.

Он обратил внимание на то, что вопросы нравственного воспитания в России породили обширную литературу, в то время как физическое воспитание оставалось в тени.

В отставании физического воспитания в России не был повинен русский народ и в особенности его молодежь. Наоборот, даже в то время, когда всякое прогрессивное начинание бралось царскими чиновниками под подозрение, русский народ выдвинул немало блестящих спортсменов.

Хочется отметить отважного русского путешественника Чихачева, который после восхождения на ряд вершин в Андах и Кордильерах совершил в 1842 г. восхождение на неприступный пик Нетоу в Пиренеях. В 1845 г. Спасский-Автономов совершил восхождение на Большой Арарат, повторенное в 1850 г. полковником Ходзьеко во главе 60 солдат. Были среди русских спортсмены с мировой известностью. Среди них: никем не побежденный отец русского фехтовального искусства Тарасов; Нотбек — победитель Цюрихского состязания в беге в 1872 г.; шахматисты Яниш, Петров и Чигорин; Паншин — победитель конькобежных международных гонок в Австрии, Финляндии и Амстердаме (1888); Лебедев — победитель на международных состязаниях по фигурному катанию (1890); Грипари — победитель по плаванию на международных состязаниях в Париже (1896). Особенно прославились русские велосипедисты: Дьяконов, взявший в 1896 г. в Англии 13 призов; Дзевочко — победитель международных шоссейных гонок Москва—

Петербург в 1896 г. и борцы — Поддубный, Крылов и др.; отметим еще пешехода Балабуху, прошедшего 35 тыс. км, кавалеристов Пешкова и Асеева. Успехи русских спортсменов породили обширную литературу на всех языках мира.

Во второй половине XIX в. в России начинают возникать различные спортивные общества. В 1863 г. организуется в Петербурге гребное общество «Стрела»; в 1874 г. — школа плавания с гимнастическим залом; в 1883 г. в Москве основывается «Русское гимнастическое о-во» (среди его учредителей писатели Чехов и Гиляровский) и утверждается устав С.-Петербургского о-ва содействия физическому развитию, первым председателем которого был К. Грот, а секретарем П. Ф. Лесгафт; в 1887 г. открывается первое русское о-во велосипедистов и С.-Петербургский кружок любителей спорта, положивший начало русской легкой атлетике; в 1885 г. д-р Краевский создает кружок тяжелой атлетики; в 1888 г. в Петербурге возникает гребное о-во «Фортуна».

Однако все эти общества не являлись массовыми организациями и обслуживали лишь незначительные слои русской столичной интеллигенции или аристократическую верхушку. Достаточно сказать, что крупнейшее «О-во содействия физическому развитию» к концу 1883 г. имело в своем составе 391 человека. Правительство не оказывало материальной помощи молодым спортивным организациям.

На неудовлетворительное состояние физического воспитания в России не мог не обратить внимания Лесгафт, особенно после своей поездки за границу в 1875 г.

Передовые русские деятели также сознавали важное значение физического воспитания для подрастающего поколения и всего населения страны. Характерны в этом отношении статьи молодого генерала Драгомирова, еще в 1861 г. отмечавшего значение для армии правильно поставленной гимнастики.

Генерал Драгомиров едва ли не первым потребовал в печати врачебного отбора при назначении занятий гимнастикой в армии. Он протестовал против развития гимнастикой одной только ловкости, без упражнений, развивающих силу и выносливость.

Плохая постановка физического воспитания юношества часто вызывала протестующие выступления в периодической печати и требования изменить систему преподавания гимнастики в школах или прекратить преподавание ее в том виде, в каком оно существовало.

Вопросами спорта и физического развития печать, однако, занималась мало. Первая газета, которая начала уделять внимание гимнастике, и то больше с лечебной точки зрения, вышла в 1865 г. и называлась «Гомеопатия, водолечение и гимнастика». Гимнастика, таким образом, рассматривалась и сближалась с новыми областями медицины, не имевшими никакого отношения к гимнастике. Отдельные заметки, посвященные гимнастике в армии, печатались в «Морском сборнике», «Русском инвалиде», «Военном сборнике».

Только в 1872 г. популярный журнал «Всемирная иллюстрация» ввел отдел «Спорт». В 1890 г. стал издаваться еженедельный «Журнал спорта» с приложением «Листка спорта», редактируемого писателем Гиляровским. Однако журнал и его приложение уделяли внимание преимущественно вопросам коннозаводства и скачек.

Книги по гимнастике и спорту выходили очень небольшими тиражами. Наиболее распространенными из них были: «Комнатная гимнастика» Шребера, выдержавшая десять изданий, руководство «Домашняя и врачебная гимнастика для лиц обоего пола и для женщин в частности» Андреевского; «Руководство гимнастики для детских приютов, народных семинарий и школ и для применения к домашнему воспитанию детей» и «Гимнастика в вопросах и ответах, ее история, цель и польза» Шмидта. Два издания выдержала переводная книга д-ра Фромма «Врачебная комнатная гимнастика»; пользовались популярностью «Детская гимнастика» Шильдбаха и «Руководство для учителей и детских садовниц». Наиболее солидной книгой по физическому воспитанию в последней четверти прошлого столетия считалась «Гимнастика в комнате и на воздухе» Наполеона Лене.

Если к этой литературе присоединить «Руководство к детским садам по методу Фредерика Фребеля, переделанного Анной Дарган», брошюру о гимнастике Гротта, то мы исчерпаем всю литературу того времени, посвященную физическому воспитанию. Все эти книги и брошюры грешили грубым эмпиризмом и перепевали зарубежные источники.

Таким образом, к началу деятельности П. Ф. Лесгафта в области физического воспитания последнее находилось в России в печальном состоянии. Отсутствовало физиологическое обоснование назначаемых упражнений, не было врачебного контроля и наблюдения за влиянием физических упражнений на растущий организм, не было и школ для подготовки работников по физическому воспитанию.

Еще до поездки за границу, будучи экстраординарным профессором Казанского университета, Лесгафт закладывает основы врачебного контроля, выпустив в 1870 г. свою «Инструкцию для измерения живого человека» и указав в последующих работах важность наблюдения за влиянием упражнений на организм человека. Проф. Гориневский, один из учеников П. Ф. Лесгафта, писал: «Он первым проложил тропу к научному исследованию в этом направлении, в этой области и мы, его ученики, врачи, воспитатели, исследователи вопросов о влиянии физических упражнений на детей, должны относиться с уважением к его памяти и считать его первым нашим учителем». И действительно, под прямым воздействием П. Ф. Лесгафта А. Дик выпускает в 1880 г. диссертацию: «Материалы к исследованию роста, веса, окружности груди и жизненной емкости детского и юношеского возрастов», Костямин издает материалы по врачебному контролю в армии,

а проф. Гориневский становится продолжателем дела Лесгафта, завещая идеи своего учителя молодым советским работникам.

В 1874 г. Лесгафт написал об «Основах естественной гимнастики», в которых требовал для школы естественных форм физического воспитания. В 1909 г. Демени выпустил свои «Научные основы физического воспитания», в которых изложил те же принципы, но на более узкой биологической основе. Трудно установить здесь прямое заимствование, но приоритет П. Ф. Лесгафта в этих вопросах несомненен.

Предпочтение естественных форм физических упражнений, одобрительные отзывы о спортивных и игровых методах воспитания, распространенных в Англии, явились следствием глубокой неудовлетворенности Лесгафта существующими гимнастическими системами, а особенно немецкой гимнастикой. Ученый смело противопоставлял эмпирические методы физического воспитания античного мира и первых педагогов-гуманистов, когда физическое воспитание рассматривалось в единстве с умственным, нравственным и эстетическим воспитанием, слабым в теоретических обоснованиях гимнастическим системам Гутс-Мутса, Яна, Шписса, Линга и др.

Критикуя систему шведской гимнастики, которую в то время считали научно обоснованной, Лесгафт писал: «Шведскую гимнастику нельзя назвать рациональной, точно так же нельзя признать, что она основана на анатомо-физиологических данных. Это просто непоследовательно выработанная система, ибо приведенные основания Линга не согласуются со значением назначаемых упражнений».

Решительная критика П. Ф. Лесгафтом зарубежных систем нашла отзвук и у его немногих современников, писавших по вопросам физического воспитания. Особенно интересно было выступление д-ра Каченовского, писавшего по поводу перевода на русский язык 5-й части «Гимнастики» д-ра Collineau в 1888 г.: «Мы ограничились переводом только 5-й части, т. е. отделом врачебной части его сочинения, потому, что это последнее, хотя и вышедшее очень недавно, у нас в России, благодаря замечательным и гениальным трудам по гимнастике профессора Лесгафта, может считаться уже совершенно устаревшим и не годным к употреблению как руководство... Отныне благодаря известным трудам проф. Лесгафта, мы смело можем сказать, что «немецкая» гимнастика в том виде, как она применяется у нас и за границей, не только бесцельна, не выгодна для здорового организма, но нередко прямо вредна для него... Что же касается врачебной гимнастики, то мы считаем безумием пользоваться немецкой гимнастикой с врачебной целью. Наши потомки будут с ужасом смотреть на эти варварские акробатические снаряды немецкой гимнастики — роковое заблуждение «культурной» нации. Грубость, сила и нахальство, с какими практически осуществляются различные дикие проекты этой «культурной» нации под видом узких патриотических целей (якобы в защиту

отечества), будут в свое время отмечены историей, как ныне в искании гимнастики отмечена грубость узко-утилитарных целей немецкой гимнастики Яна, принесшей много зла и способствовавшей опрубению нравов нынешних немцев...» Свою справедливую критику Каченовский заключает пожеланиями, которые не раз высказывал и Лесгафт: «Необходимо у нас в России выработать самостоятельным путем правила и метод физических упражнений сообразно особенностям нашей страны, климата, занятий и нравов ее населения. В этом отношении у нас уже имеются попытки. Мы укажем, например, на замечательные у нас в России работы по этому предмету проф. Лесгафта, а также доктора Покровского».

Зная хорошо руководителей физического воспитания, которым доверялась молодежь в школе, скептически относясь к их познаниям, П. Ф. Лесгафт не останавливался перед тем, чтобы во всеуслышание не назвать их людьми «невежественными, знакомыми только с приемами, механически усвоенными в какой-либо иностранной школе или у проезжего учителя».

Приходится удивляться тому разнообразию вопросов, которые затрагивает Лесгафт в своих работах по физическому воспитанию. Он написал ряд работ, которые дали право назвать его основоположником научного обоснования физического воспитания в России. «Руководящие принципы физического воспитания и образования человека наших дней выработаны на идеях и мыслях, изложенных в его труде «Основы теоретической анатомии», пишет шлиссельбуржец Н. Морозов. В свои работы: «Об отношении анатомии к физическому воспитанию», «Физическое развитие в школах», «Значение физических упражнений для войска», «О физическом образовании в профессиональной школе», «Об играх и физическом воспитании в школе» и др. Лесгафт вложил мысли и идеи, многие из которых не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Стоя на той точке зрения, что функция творит орган, Лесгафт проходил анатомию в связи с физиологией движения. Он показывал, как прогрессирует в своем развитии весь двигательный аппарат, и создавал основы динамической анатомии, основы физиологического понимания отдельных элементов движения.

Считая идеалом воспитания гармоническое развитие личности, Лесгафт обращал серьезное внимание на социальную гигиену, и не случайно его ближайшие ученики и последователи — Гориневский, Острогорский, Костямин и др. были гигиенистами.

Лесгафт подчеркивает существование глубокой связи между умственным, нравственным и физическим воспитанием. Он установил новое понятие — физическое образование, которое заключало в себе глубокий смысл, отличая систематическое, рациональное физическое образование от непланомерного и бессистемного.

Выше всего в физическом развитии человека он ставил те движения, которые мы теперь называем естественными и жизненно

необходимыми. Считая игры подготовкой к жизни, Лесгафт высоко ценил игры как средство физического воспитания. Школа мяча была разработана под его влиянием. Особенно высоко ставил он образовательную гимнастику, доказывая, что знать ее обязан каждый образованный человек. По мнению Лесгафта, гимнастика с ее элементами простых и сложных движений может служить для изучения движений человеческого тела. Впервые высказанная Лесгафтом мысль, что методы анализа и синтеза, необходимые при умственном образовании, могут быть с большим успехом применены и к физическому воспитанию, была реально осуществлена в его гимнастике.

Нет необходимости останавливаться на учении Лесгафта о пространственных и временных отношениях в движении, о значении ритма в работе, о методике показа упражнений, о дифференциации производимых движений, о простых и сложных упражнениях. Мы не останавливаемся также в пределах данной стадии на ошибках Лесгафта, на его отрицательном отношении к состязаниям, к аппаратной гимнастике, против которых он восставал по педагогическим соображениям. И в своих достижениях, и в своих ошибках перед нами встает цельный облик искреннего борца за воспитание человека.

Он создал свою школу из врачей, педагогов, из среды многочисленных слушателей, которые благотворно влияли на дело физического развития в стране. Он один из первых русских педагогов высказался за необходимость введения в школах физического труда.

П. Ф. Лесгафта по справедливости можно назвать одним из первых и наиболее энергичных борцов за женское образование. Открытые им в 1896 г. курсы для подготовки преподавателей гимнастики в школах носили название: «Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования».

П. Ф. Лесгафт через своих учеников оказывал серьезное влияние не только на постановку физического образования в школе, но и на развитие спорта в стране. Мысли Петра Францевича о врачебном контроле над занимающимися укоренились в школе, армии, в спортивных кружках. Основанные Лесгафтом курсы по подготовке руководительниц физического образования для школ вызвали создание курсов по руководству различными видами спорта в обществах «Богатырь», «Маяк» и др.

Его критика общепризнанных гимнастических систем привела к попыткам создания отечественной системы гимнастики (Лебедев, Анохин), не говоря уже о том, что сама гимнастическая система Лесгафта противостояла насаждавшемуся в стране сокольству.

Время явилось проверкой жизненности идей Лесгафта. Генерал Драгомиров писал в одной из своих статей, посвященных постановке гимнастики в русской армии: «Ново только то, что забыто». Новой для нас явилась ритмическая гимнастика Жака Далькроза, который ставил своей задачей воспитать гармонически развитого

человека с хорошо управляемыми нервными центрами, точно реагирующими на внешние и внутренние раздражители, и добивался разрешения этих задач при помощи воздействия звуком и ритмом. Идея воздействия на нервные центры, которые регулируют движения в пространстве и во времени, необходимость тренировки и воспитания нервной системы, управляющей искусством движения, — это идеи П. Ф. Лесгафта. Пусть методы Далькроза иные, но самая идея высказана Лесгафтом за много лет до работ Далькроза.

Новыми для многих явились мысли и высказывания Демени и его ученика Эбера по вопросам физического воспитания. Даже поверхностный анализ задач и форм движений, приведенных в работах Демени, воскрешает перед нами горячие призывы и мысли П. Ф. Лесгафта. Напомним высказывание Демени о том, что конечная «цель физического воспитания — не приобретение силы, а пользование ею». Об этом писал и Лесгафт. Демени указывал, что физическое воспитание — «это не атлетика, это не развитие силы ради силы, цель его более возвышенная — оно является источником энергии и производительной работы». Лесгафт также резко возражал против того, чтобы развитие силы физическими упражнениями являлось самоцелью.

Нет необходимости приводить оценку Демени значения естественных видов движения и игр или анатомо-физиологическое обоснование им ряда физических упражнений. Об этом с исчерпывающей полнотой сказано еще раньше в работах Лесгафта. Мы не утверждаем, что Демени слепо заимствовал идеи и мысли Лесгафта, но многие замечания и методические указания Лесгафта можно встретить в гораздо позднее появившейся системе Демени, с ее специальными уроками воспитания чувств.

Казалось, новой для нас должна была явиться и современная система австрийской школьной гимнастики Гаульгофера и Штрейхера. Но при анализе принципов, заложенных в ней, мы вновь убеждаемся, что взгляды этих авторов целиком совпадают с ранее высказанными взглядами Лесгафта. Их система упражнений по существу является практическим решением тех положений, о которых Лесгафт писал в своих работах, посвященных физическому воспитанию в школе.

Необходимо упомянуть также о деятельности П. Ф. Лесгафта в области врачебной гимнастики. Работа его в этой области приобретает большой интерес еще и потому, что в то время нераздельно царил увлечение эмпирическими системами врачебной гимнастики Шрейбера, Агерштейна и др. Применяя для лечения больных органов различные упражнения, построенные на строгом анализе функции заболевшего органа, по системе, разработанной им самим, Лесгафт добивался замечательных результатов. Он лечил таким способом всевозможные искривления и заболевания костной системы, внося в свою работу точные основы и совершенное знание биомеханики. Многие были обязаны ему своим выздоровлением и жизнью. Лесгафт создал свою методику корригирующей

гимнастики и таким образом положил начало научному пониманию действия упражнений, назначаемых при травмах и деформациях костно-мышечной системы.

К концу жизни П. Ф. Лесгафта можно было убедиться в том, что идеи основоположника физического воспитания в нашей стране, воспринятые его многочисленными учениками и последователями, много способствовали не только правильному взгляду на вопросы физического воспитания среди подрастающего поколения, но и критическому освоению методов и систем, приходивших с Запада.

Советская страна, передовая страна мира, чтит память и глубоко ценит заслуги и труды Лесгафта в деле развития физического воспитания. Мечты Петра Францевича Лесгафта о научном обосновании и широком развитии физкультурного образования и физического воспитания получили осуществление в свободной Советской стране, совершившей легендарный подвиг в борьбе с фашистским варварством, пытавшимся погасить факел науки и человеческой мысли.

Советская страна отдает должное памяти ученого, пламенно любившего свой народ.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ П. Ф. ЛЕСГАФТА ДЛЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В СВОЕМ обстоятельном очерке истории физического воспитания, составляющем значительный по объему и существенный по своему назначению раздел первой части «Руководства по физическому образованию детей», П. Ф. Лесгафт писал: «В настоящее время еще нет выработанного учения о физическом образовании, обоснованного и, по возможности, проверенного научными данными». Это заявление было сделано в результате тщательного обобщения исторических данных и на основании собственных наблюдений над постановкой дела физического воспитания в различных странах Европы. Касаясь далее непосредственно нашей страны, он констатировал тот печальный факт, что в России «...ничего не сделано для выяснения и установления этого дела в наших семьях и школах. Здесь нет ни узаконений, ни центральных учреждений для подготовки лиц, понимающих это дело, нет оригинальных методов и руководств».¹

«Руководство по физическому образованию детей школьного возраста», написанное Лесгафтом и вышедшее в свет двумя частями (в 1888 и 1901 гг.), является несомненно не только трудом, выдвинувшим новые идеи в области физического воспитания, но и первым научно обоснованным для своего времени учением о физическом воспитании. Это оригинальная педагогическая система, вполне разработанная для практического применения в школе.

С тех пор прошло полвека. В разных странах многое сделано для разработки научно обоснованных систем физического воспитания, но труд П. Ф. Лесгафта во многом еще помогает найти правильное решение ряда существенных теоретических и практических вопросов в этой области. Замечательно то, что многое в учении Лесгафта остается актуальным именно для физкультурного движе-

¹ «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста», ч. I, стр. 245, 255.

Приведенные в данной статье выдержки всюду взяты из этого труда Лесгафта: ч. I — 1912 г. и ч. II — 1909 г.

ния нашей страны, прошедшего с тех пор путь небывало бурного и плодотворного роста и развития.

Было бы совершенно непосильной задачей пытаться полностью осветить в небольшой статье учение Лесгафта о физическом образовании детей школьного возраста. Поэтому мы ограничимся лишь беглым очерком основных, наиболее существенных и характерных черт этого учения.

**

Главное достоинство системы физического образования Лесгафта заключается в том, что она разработана как органическая составная часть гармонического, всестороннего развития, образования и воспитания человека. Лесгафт утверждает: «...Развитие должно быть вполне гармоническое, как физическое, так соответственно ему умственное, эстетическое и нравственное, иначе нет стойких и последовательских человеческих проявлений».¹ Осуществление этой цели Лесгафт возлагает в основном на школу. Главную задачу школы он видит «в содействии выяснению значения личности человека и в ограничении произвола его действий».² При этом под «выяснением личности» он понимал осознание человеком своего места в жизни, его самоопределение, а под «ограничением произвола действий» — самообладание, сознательное и свободное управление своими действиями, поступками.

Наиболее характерным в понимании Лесгафтом гармонического воспитания является то, что, определяя значение отдельных его сторон, он не склонен к строгому их разграничению, а наоборот, — и совершенно правильно — стремится раскрыть существующие между ними органические, внутренние связи.

Так, рассматривая умственное воспитание, главным образом с точки зрения развития отвлеченного мышления и проявления индивидуальных творческих возможностей воспитуемого, Лесгафт считает, что умственное воспитание служит основанием и для развития воли и формирования «нравственного характера». Последнее он понимал как направленность всех мыслей и действий человека, подчинение их выработанным и «усвоенным им понятиям о правде и истине».³

Особого внимания заслуживает связь, устанавливаемая Лесгафтом между умственной и физической деятельностью. Эту связь он видел не только в том, что чередование интеллектуальных и физических усилий благоприятно влияет на здоровье, вследствие чего повышается интенсивность умственной деятельности.

Главное в этой связи, по мысли Лесгафта, заключается в том, что физическая деятельность непосредственно влияет на каче-

¹ «Руководство», ч. I, стр. 63.

² Там же, ч. I, стр. 258, подчеркнуто Лесгафтом.

³ Там же, ч. II, стр. 134.

ство интеллектуальной и, наоборот, интеллектуальная деятельность, поставленная в определенную связь с физической, влияет на качество и продуктивность этой последней. Он говорит следующее: «С точки зрения нормальных проявлений человека, умственная и физическая деятельность должны быть в полном соответствии между собою», ибо «как одностороннее физическое развитие приводит только к проявлению деятельности, недостаточно умственно проверенной и направленной, так и одностороннее развитие умственное непременно связано с недостатком объективной проверки, и поэтому в частности умственный труд остается часто невыясненным».¹

Из правильного понимания единства проявлений человека в его отношениях к окружающему, обусловленного единством его психофизической организации, Лесгафт, естественно, выводит также органическую связь физического образования с нравственным воспитанием.

Понимая под воспитанием развитие нравственных и волевых качеств человека и считая, что «в организме человека все так связано, что всякое искусственное разъединение его отделений нарушит общую гармонию деятельности», он видит действительный смысл в деятельности только того педагога, который опирается на «всестороннее понимание ребенка и связь наблюдаемых у него проявлений» и умеет сливать воедино воспитательные и образовательные задачи.²

Вот почему Лесгафт считал важнейшей задачей физического образования научить занимающихся действовать целенаправленно и, когда необходимо, — с большой настойчивостью и напряжением всех сил. Вот почему, развивая это свое вторжение в область воспитания воли и характера, он проявлял исключительную заботу не только о подавлении в процессе физического образования всяких эгоистических, в особенности животных чувств, стремлений и поступков детей, но и о положительном направлении и поведении воспитуемых, включая и их общественные отношения. Совершенно очевидно, что физическое образование возводилось на уровень серьезного фактора нравственного воспитания.

Таким образом, П. Ф. Лесгафт смотрел на организованные функции двигательного аппарата — физические упражнения — как на факторы не только совершенствования организма, но и как на средство мощного воздействия на сознание, эмоцию, волю, т. е. на психику человека, в конечном счете, на его личность в целом. Тем самым он нашел реальную основу для органической увязки умственного, нравственного, эстетического и физического воспитания и смог осуществить эту правильную в принципе идею в своей практической системе физического образования детей, притом во многих отношениях весьма удачно и ярко. Как самая идея,

¹ «Руководство», ч. I, стр. 260.

² Там же, ч. I, стр. 262.

так и предложенные Лесгафтом формы ее осуществления заслуживают самого пристального нашего внимания.

**
*

В основу системы физического воспитания детей школьного возраста Лесгафт положил идею физического образования, непосредственная цель которого заключалась бы в том, чтобы научить «изолировать отдельные движения и сравнивать их между собой, сознательно управлять ими и приспособлять к препятствиям, преодолевая их с возможно большею ловкостью и настойчивостью; иначе говоря: приучиться с наименьшим трудом в возможно меньший промежуток времени сознательно производить наибольшую физическую работу или действовать изящно и энергично».¹

Задача физического образования заключается, очевидно, в выработке умения управлять своими движениями и действиями, т. е. является задачей собственно образовательной. Лесгафт прямо говорит: «...школа должна развить в ребенке не только силы, но главным образом умение управлять ими, умение целесообразно применять их к деятельности».²

Но этим последним физическое образование не исчерпывается. Во-первых, Лесгафт отнюдь не исключает задач непосредственного воздействия на организм. Он указывает на возможность и необходимость такого воздействия и дает к этому ряд существенных методических указаний. В частности, он очень ярко подчеркивает, что «нередко приходится видеть сочетание развитой умственной деятельности с весьма слабым телом, но такое нарушение гармонии в постройке и отправлениях организма не остается безнаказанным, — оно неизбежно влечет за собой бессилие внешних проявлений: мысль и понимание могут быть, но не будет надлежащей энергии для последовательной проверки идей и настойчивого проведения их на практике».³

Касаясь влияния физических упражнений на человека, Лесгафт говорит: «...упражнениями мы в состоянии развить мышечную деятельность, увеличить этим питание и рост плотной опоры молодого организма и влиять на правильность форм тела и на развитие физических сил молодого человека».⁴

Многократное повторение подобных высказываний и обилие встречающихся в «Руководстве» гигиенических требований к проведению отдельных видов физических упражнений убедительно

¹ «Руководство», ч. I, стр. 268, подчеркнуто Лесгафтом.

² Там же, ч. I, стр. 272.

³ Там же, ч. I, стр. 261.

⁴ «Отношение анатомии к физическому воспитанию и главные задачи физического образования в школе», 1888, стр. 63.

показывают, что Лесгафт положительно относился к физическому развитию как таковому. Таким образом, мы должны категорически отвергнуть мнение тех недостаточно осведомленных или, возможно, и недостаточно добросовестных критиков, которые неоднократно пытались представлять систему Лесгафта в свете лишь узко образовательного ее содержания.

Во-вторых, Лесгафт, как уже отмечалось выше, ставил в своей системе и непосредственно воспитательные задачи, указывая и основное направление к практическому их разрешению: «...если школа и задается главным образом целями образовательными, то тем не менее применяемые в ней методы преподавания и отношение к учащимся должны вполне согласоваться с воспитательными целями».¹ Подобная трактовка вопроса указывает на глубокое понимание Лесгафтом принципа воспитывающего обучения. Следует отметить, что это положение не остается лишь общей декларацией, а находит практическое преломление в ряде специальных указаний по применению отдельных видов физических упражнений.

Таким образом, в своей системе физического образования Лесгафт преследует не только узко образовательные цели, но наряду с этим ставит и задачи физического развития (т. е. укрепления, оздоровления организма и увеличения физических сил), нравственного, морально-волевого воспитания и даже задачи эстетического воспитания, хотя последние у него очерчены недостаточно ясно и полно. В этом отношении система в своей практической части вполне согласуется с общей руководящей идеей, положенной в ее основу, и является одной из наиболее цельных и содержательных систем физического воспитания, разработанных до нашего времени. И с этой стороны она заслуживает самого серьезного внимания как в отношении теоретического изучения, так и непосредственного заимствования ряда бесспорно правильных общих положений и практических образцов.

**

Характерной чертой системы физического образования Лесгафта является ее общеобразовательный принцип и связанный с ним совершенно оригинальный для того времени метод организации физических упражнений.

Исходя из своего понимания взаимной связи умственной и физической деятельности, а также общности принципов этих двух форм деятельности, Лесгафт считал, что физическое образование, так же как и умственное, «возможно только при усвоении общих способов физической работы, при ознакомлении с элементами этой работы и умения применять эти способы при всех наших действиях».²

Сущность образования Лесгафт сводит к тому, что «оно долж-

---

¹ «Руководство», ч. I, стр. 262.

² Там же, стр. 220.

но приучить молодого человека изолировать получаемые им ощущения и впечатления, сравнивать их между собою и составлять из представлений отвлеченные понятия, выяснять на основании усвоенных истин встречающиеся явления и, наконец, действовать с возможно большею целесообразностью и настойчивостью».¹

Лесгафт стремится научить ребенка так владеть своим двигательным аппаратом, чтобы иметь возможность действовать всегда целесообразно, продуктивно и экономно. Для этого он считает необходимым, чтобы учащийся в процессе обучения последовательно, непременно сознательно, анализировал выполняемые им движения, «начиная от самых простых и постепенно переходя к более сложным».²

Такой анализ, по мнению Лесгафта, состоит в следующем. Овладевая типичными формами движений, ребенок должен приучаться разъединять, сравнивать и оценивать ощущения, связанные с соответствующей мышечной деятельностью; он должен научиться затем обобщать частные явления и вместе с тем создавать отвлеченные, общие понятия как относительно свойств своего двигательного аппарата и личных двигательных возможностей, так и относительно общих закономерностей и типичных особенностей движений.

Но это только одна сторона анализа. Одновременно Лесгафт имеет в виду и практическое овладение данными формами движений, и непременно до степени вполне правильного, «изящного», по выражению Лесгафта, их выполнения. Эти формы движений, конечно, не имеют никакого самодовлеющего значения и не предназначаются для определенной, конкретной деятельности. Тем не менее мы должны признать большое практическое значение их в том, что при овладении новыми, сложными движениями и, тем более, определенными действиями воспитуемый получает возможность не отвлекать своего внимания на изучение элементов этого сложного целого, так как они в основном оказываются уже усвоенными. Обучающийся может, таким образом, сосредоточиться преимущественно на целом, уделяя внимание составным частям его лишь постольку, поскольку этого требуют конкретные особенности данного движения или действия.

Такое понимание дает ключ к объяснению отношения Лесгафта к навыкам. Отрицая слепой автоматизм в действиях, Лесгафт отвергает навык как жесткую, раз навсегда данную и независимую от условий деятельности, неизменяемую форму движений. В частности, он совершенно нетерпимо относится к привычкам, которые могут оказаться несоответствующими конкретному характеру определенной деятельности. Считая, что от привычки «...трудно освободиться и требуется много настойчивости и сил, чтобы отделаться от нее», он прямо указывает на необходимость «избегать усвоения

¹ «Руководство», ч. I, стр. 262.

² Там же, ч. I, стр. 272.

таких привычек, от которых впоследствии пришлось бы освобождаться».¹ Из этого еще не следует, что Лесгафт вообще отвергает навыки. Наоборот, он неоднократно оперирует понятием «приемы», подчеркивая важность и необходимость их усвоения. Так, например, в своем анализе катанья на коньках он указывает: «Если усвоены главные приемы бега на коньках..., то все необходимое сделано».²

Но Лесгафт находит смысл не в приемах как таковых, а в умении сознательно применять их, самостоятельно выбирая, видоизменяя и приспособляя их к конкретным условиям деятельности. Тем самым предопределяется его отношение к навыку как относительно свободному автоматизму (в смысле большой подконтрольности его сознанию и особенно в известной его лабильности); Лесгафт переносит центр тяжести работы над навыками именно в плоскость сознательной конкретизации их в условиях большого разнообразия и подвижности естественных ситуаций. Об этом достаточно убедительно свидетельствует хотя бы приводимый Лесгафтом разбор фехтования, в конце которого он делает следующий вывод: «...фехтование очень полезное искусство, но только в том случае, если молодых людей, вполне к этому подготовленных, знакомят со всеми применяемыми здесь приемами, чтобы потом допустить их к бою между собою, предоставляя им полную самостоятельность в их действиях. Только (подчеркнуто Лесгафтом.— К. Г.) в таком случае упражнение это будет иметь несомненно образовательное значение».³

Лесгафт, конечно, весьма далек от того одностороннего, самодовлеющего и бессмысленного анализа, который ему часто приписывали. Его анализ — весьма положительный путь обучения. Уместно и очень верно сочетаемый с синтезом, применяемый в меру, он направлен к тому, чтобы создавать все необходимые для двигательной практики предпосылки: совершенствовать общую координацию движений, овладевать типичными приемами, понимать, какие знания нужны для успешной работы двигательного аппарата и в чем сущность этой работы, и умело пользоваться приобретенными знаниями и навыками.

В раскрытой Лесгафтом сущности физического образования, в общеобразовательном его принципе, в особенности в принципе сознательного анализа, положенного в основу обучения физическим упражнениям, заключается совершенно новое, веское и в высшей степени плодотворное слово, сказанное Лесгафтом в области теории физического воспитания. К сожалению, все это еще не получило должной оценки и слабо осуществляется нами в практике, в частности, и при разрешении проблемы правильного соотношения общей физической подготовки с подготовкой непосредственно прикладной.

¹ «Руководство», ч. II, стр. 76.

² Там же, стр. 363.

³ Там же, стр. 374.

Идея образования полноценной личности, гармонически цельной, способной мыслить и действовать сознательно, а главное, вполне самостоятельно, творчески претворяя свои мысли в действия, проверяя и совершенствуя их на практике,—вызвала у Лесгафта к жизни еще одну плодотворную идею, а именно обучение физическим упражнениям по слову.

Лесгафт выдвигает слово, живую речь преподавателя как важнейшую основу правильного построения процесса обучения при физическом образовании. Он считает, что «...Все назначаемые занятия должны производиться только по краткому и точному разъяснению преподавателя, а не по подражанию; преподаватель не показывает движения, а только описывает и по возможности выясняет их,—это необходимо, ибо только в таком случае действия занимающегося будут сознательны и он научится управлять собою, что и составляет главную цель телесных упражнений».¹

Обосновывая это положение, Лесгафт указывает на то, что иначе нельзя достаточно верно и полно развивать самостоятельную, творческую мысль и приучать занимающихся к инициативным действиям, нельзя обеспечить правильного усвоения движений и их закономерностей. Если выполнение будет проводиться лишь «по показанному», оно, по мнению Лесгафта, явится простым подражанием, рабским воспроизведением готового образца, а при недостаточном умении наблюдать объект воспроизведение показанного будет очень неточным.

Обучение по слову, наоборот, заставляет воспитуемого создавать сначала мысленный образ задаваемого движения, а затем, выполняя его практически, проверять и уточнять этот созданный в уме образ, добиваясь более верного выполнения данного движения.

Этим Лесгафт отнюдь не исключает ни принципа наглядности, ни обязательной для познавательной деятельности опоры в ощущениях. Эту опору он видит, во-первых, в том, что отдельные элементы изучаемого движения (или аналогичные, более простые движения) уже усвоены занимающимися в прошлом, т. е. покоятся на готовых представлениях и ощущениях. Во-вторых, и это главное, необходимая опора дается в самом выполнении заданного движения, так как при правильном методическом подходе у занимающихся возникает достаточное количество совершенно конкретных ощущений и восприятий, помогающих правильно оперировать возникшим по слову мысленным образом. Дело в том, что усвоение движения совершается путем повторных попыток его выполнения, с постепенным усложнением заданий, причем занимающийся получает еще и дальнейшие уточняющие указания.

Лесгафт хорошо отдаёт себе отчет в значении чувственной

¹ «Руководство», ч. I, стр. 291.

опоры в познавательном процессе и даже вводит понятие «мнимых» (составленных только по слову) и «ясных» (проверенных опытом) представлений. Он совершенно определенно заявляет, что «...по своей природе человек не может составить себе ясного представления о предмете только по слову и по прочитанному, т. е. по книге... Слепой не может представить себе положение предмета в пространстве и отношение форм между собой; нельзя логическим путем дать представление о цвете, с которым ребенок не знаком из непосредственного наблюдения; для всего необходима реальная проверка, без которой ясное представление у человека не составляется... Мысли и понятия наши состоят только из ясных представлений, проверенных нашим чувством и собственной работой».¹

Из этих указаний совершенно очевидно, что Лесгафт не только не отвергает, а наоборот, утверждает принцип наглядности, понимая его широко, по существу, а не буквально. Что же касается показа движений преподавателем, то Лесгафт отводит ему иное место в процессе обучения, чем это обычно принято. Он указывает, что этот метод целесообразно применять не в самом начале, а лишь на второй стадии изучения усваиваемого движения. «Понятно,— указывает Лесгафт,— если занимающиеся усвоили уже известные действия, а при повторении их преподаватель и сам принимает участие, то это очень полезно для занимающихся, они могут хорошо оценить точное исполнение преподавателя и этим исправлять свои недостатки».² Такое отношение Лесгафта к слову и показу вызвано его убеждением в том, что только этим путем занимающийся вырабатывает «...свою самостоятельную мысль, свои понятия, развивает свое образное отвлеченное мышление, создает себе свои идеалы».³ А это главное в воспитании творческой личности, которой Лесгафт противопоставляет простого исполнителя. Он отмечает: «Ремесленник, изучивший наглядным способом только одни приемы, всегда будет только жалкий исполнитель всего, ему показанного; он никогда не возвысится до творчества художника, для чего необходим живой луч, освещающий дело пониманием его, и творческое видоизменение вполне понятого и усвоенного».⁴

Если мы вдумчиво и непредубежденно отнесемся к так называемому методу слова в этом освещении, то мы должны будем признать большую ценность и применимость его в нашей практике, но, конечно, в сочетании с другими практикуемыми нами методами. Нужно пожелать, чтобы широкие круги наших преподавателей физических упражнений оценили его достоинство и научились правильно применять его в своей педагогической работе.

---

¹ «Руководство», ч. II, стр. 346.

² Там же, стр. 382.

³ Там же, стр. 381, подчеркнуто Лесгафтом.

⁴ Там же, ч. I, стр. 220—221.

Встав на принципиально новый путь физического воспитания, Лесгафт, естественно, должен был найти и соответствующие этому пути основания для организации физических упражнений. Это выразилось прежде всего в подборе и систематике средств физического образования.

На основании общего описания Лесгафтом допускаемых им для школы физических упражнений и методических указаний к их проведению можно представить его систему в виде четырех взаимно связанных отделов.

Главная задача первого отдела, называемого «Простыми упражнениями», состоит в том, чтобы «приучить занимающегося сознательно разъединять существующие в его организме движения и знакомить его с качеством элементарных форм движений и их значением для всякой сложной работы».¹ Сюда входят: элементарные движения, т. е. простые движения отдельных частей тела; сложные движения, или простые комбинации элементарных движений; ходьба в виде элементов шага и основные виды походки; бег — стремительный (на скорость) и продолжительный; метание: школа мяча, метание мячей в круге, рядами, в цель и на расстояние. Для всех этих видов физических упражнений характерно то, что в них акцентируется усвоение ряда элементарных приемов, позволяющее одновременно уяснить и наиболее доступные закономерности движений; вместе с тем определенно выражен принцип ограничения интенсивности мышечных напряжений.

Главная задача второго отдела, названного «Сложными упражнениями», или «Упражнениями с увеличивающимся напряжением», состоит, по определению Лесгафта, «...в приучении занимающихся к настойчивой и продолжительной деятельности и к умению управлять собою при работе, требующей большого напряжения и продолжительности».² Сюда входят: элементарные и сложные движения с отягощением (гирями, палками, дубинками, гирями на блоках); осложненная, продолжительная ходьба и такой же бег (с отягощением в руках, в отягощенной обуви, по разнообразной местности); упражнения в метании с увеличением напряжения (метание мячей, деревянных и железных шаров, пластинок и дисков, палок, камней и метание при помощи различных снарядов — пращи, лука); упражнения в прыжках (элементарные прыжки, вернее, элементы прыжков, прыжки через препятствия, на расстояние, с высоты); упражнения в борьбе (точнее, сопротивлении верхними конечностями, туловищем и нижними конечностями).

Для второго отдела физических упражнений характерно то, что работа над техникой движений и над приемами их выполнения идет под знаком повышения интенсивности мышечных напряжений.

¹ «Руководство», ч. II, стр. 1.

² Там же, стр. 1.

Центр тяжести этой работы перемещается в сторону собственно физического развития и в особенности развития психомоторных и морально-волевых качеств. Небезынтересно отметить, что в этом отделе предусмотрены такие интенсивные по нагрузке упражнения, как переходы для юношей в 35—50 км в день (со скоростью 6 км в час), а также очень напряженные упражнения в беге. Но все это мыслится в плане разрешения задач общего развития, так как исходным для Лесгафта является взгляд на школу как на учреждение, преследующее лишь общеобразовательные цели, исключаящие любой узко практический уклон. Лесгафт говорит: «В общеобразовательной школе, какой бы она ни была: элементарной, народной, женской, мужской, раз только она общеобразовательная, — нельзя допустить никаких утилитарных занятий».¹ Именно поэтому он категорически отвергает какой бы то ни было утилитаризм и в области физического воспитания школьников. В частности, и в отношении данного отдела упражнений Лесгафт имел в виду лишь постепенное и последовательное увеличение нагрузки, необходимое для того, чтобы научиться управлять собою в напряженной физической работе, а не какую-либо узко специальную подготовку.

Третий отдел обозначается Лесгафтом как «Изучение пространственных отношений и распределение работы по времени». Главная его задача сводится к систематическому функциональному развитию органов чувств и к окончательному выяснению занимающихся основных элементов движений. Учащиеся должны понимать значение учета пространства и времени при физической деятельности и иметь верное представление о соответствующих закономерностях движений. В этот отдел входят «простые упражнения», точнее, элементарные и сложные движения, упражнения в ходьбе и беге и упражнения в метании, но оформляемые иначе, чем в первых двух отделах. Хотя эти упражнения Лесгафтом практически обрисованы совершенно недостаточно, что он и сам отмечает в своем заключении, но и в том, что им приведено, мы находим характерные образцы, позволяющие составить ясное представление о методических особенностях этих упражнений. Нельзя не отметить особо раскрываемый здесь Лесгафтом очень верный подход к теории закономерностей движений и замечательную его характеристику основных элементов движений (силы, направления, размера, скорости).

Четвертый отдел, называемый Лесгафтом «Систематические упражнения в виде сложных действий», ставит целью обучить занимающихся правильному применению изученных в первых трех отделах общих приемов и усвоенных при этом знаний при выполнении сложных действий. Это должно обеспечить завершение подготовки учащихся ко всякой работе, требующей самостоятельных, творческих проявлений и серьезных волевых усилий. При этом Лесгафт подчеркивает, что учащиеся должны быть приучаемы

¹ «Руководство», ч. II, стр. 403.

«...к возможно большей самостоятельности в действиях и к волевым проявлениям».¹ В данном разделе приведены: подвижные игры, прогулки, экскурсии и фехтование, как имеющие прямое отношение к основным, именно образовательным задачам, а кроме того, плавание и бег на коньках, главным образом в связи с их гигиеническим назначением.

Характерным для последнего отдела системы является то, что относящиеся сюда упражнения даны не обособленно, а находятся в тесной связи с упражнениями первых трех отделов, составляющих у Лесгафта так называемый «систематический курс». Движения и приемы, изучавшиеся в систематическом курсе, в четвертом отделе применяются в основном как средство выполнения конкретно обусловленных действий. Благодаря этому все указанные движения и приемы приобретают специфическую окраску и, возведенные таким образом на более высокую степень совершенства, содействуют углубленному и широкому воспитанию психомоторных и морально-волевых качеств и образованию новых, практически наиболее полноценных общих знаний и умений.

Этот отдел составляет ведущую фазу намеченного Лесгафтом целостного педагогического процесса, в которой анализ, применяющийся в других фазах, находит не только свое оправдание и необходимое завершение, но и конкретные существенные предпосылки. И не случайно здесь выдвинута на первый план игра как форма наиболее полного выражения по преимуществу общественных отношений, прогулки и экскурсии, позволяющие проявить отношение к различным явлениям природы, и фехтование, как острое взаимодействие между людьми, противопоставляющими друг другу свою волю.

Если мы отдадим себе полный отчет в сущности намеченной Лесгафтом системы физических упражнений, для нас станет ясным, что вводимые им анализ и синтез, а также индукция и дедукция оказываются не только совершенно необходимыми в обучении, но и вполне увязываются между собой в методическом отношении и благодаря этому действительно служат разрешению намеченных общих задач. С одной стороны, этими методами обеспечивается создание достаточно ясных представлений и выведение существенных общих понятий о физической деятельности, притом объективно проверенных практикой и поэтому составляющих надежную базу для понимания этой деятельности в различных ее формах. С другой стороны, обеспечивается практическое овладение типичными приемами, создание в двигательном аппарате необходимых предпосылок для экономной и продуктивной деятельности, а также умение эти предпосылки использовать. Вместе с тем обеспечивается должная физическая и, что особенно важно, морально-волевая закалка.

Если обратиться к самой систематике физических упражнений, то она показывает полную свободу Лесгафта от формальной трак-

¹ «Руководство», ч. II, стр. 132.

товки физических упражнений, отраженной в классификациях всех современных ему систем физического воспитания. В основание своей группировки физических упражнений он положил не внешние признаки выполняемых движений (как это делалось до него), а методические задачи своей системы физического образования.

В его системе одни и те же виды движений повторяются, за небольшими исключениями, во всех отделах, но в каждом из них служат средством разрешения особых задач. Это достигается указанием для каждого отдела особых методов и форм проведения физических упражнений. Тем самым Лесгафт, хотя и не формулировал соответствующих общих положений, практически выдвинул новый, весьма плодотворный принцип систематизации физических упражнений. Он более правильно, чем это делалось до него, ориентировал преподавателей в физических упражнениях, сосредоточивая их внимание прежде всего на задачах физического воспитания, а не на внешних формальных признаках выполняемых движений. И нет сомнения в том, что дальнейшее изучение систематики Лесгафта, уже оказавшей значительное влияние на решение ряда кардинальных методических вопросов нашей, советской системы физического воспитания, в будущем даст еще немало ценного и необходимого нам материала.

**
*

П. Ф. Лесгафт относился отрицательно к тому, чтобы способы применения разработанного им для школы материала были общеобязательны. Он резко осуждал преподаваемую на различных курсах методику, где «...думают об исполнении по данному шаблону и совершенно забывают об инициативе учителя, о том, что все зависит от степени его образования и понимания своего дела, да от любви, с которой он относится к занимающимся...»¹. По его мнению, вполне достаточно лишь обратить внимание учителя «на некоторые общие положения, которыми необходимо руководствоваться при преподавании, а также и на то, что не следует вводить в преподавание в школе».²

Остановимся на некоторых из этих общих положений. Лесгафт требует прежде всего точного, правильного исполнения каждого движения, но не разрешает подолгу останавливаться на одном и том же упражнении, так как однообразная работа вызывает лишнее утомление и скуку; он рекомендует систематически возвращаться к упражнениям, недостаточно усвоенным, до тех пор, пока не будет достигнуто отчетливое и легкое выполнение требуемого. Объяснения должны быть краткими, ясными и вполне доступными для понимания занимающихся; распоряжения — твердыми. Если преподаватель прибегает к показу движений, то последний должен быть безукоризненно точным, «изящным». Трудность упражнений

¹ «Руководство», ч. II, стр. 375.

² Там же, стр. 377.

в отношении координации и физиологической нагрузки должна увеличиваться очень постепенно, причем в каждом уроке следует добиваться равномерного распределения работы между всеми частями организма. При выполнении упражнений не допускаются поощрения и наказания, а также произвольные и необоснованные требования и действия преподавателя. Не допускается посторонняя помощь занимающимся при выполнении ими заданного. Занимающиеся, почему-либо освобожденные от занятий, должны присутствовать на уроке, чтобы следить за работой своих товарищей; они могут быть отпущены лишь в случае серьезного заболевания.

По категорическому требованию Лесгафта «физические упражнения должны происходить в школе ежедневно, по возможности между остальными уроками и при одинаковом с ними значении».¹ Он озабочен целесообразным построением и проведением всей работы по физическому воспитанию в целом. Для определения индивидуальных различий занимающихся и проверки достигнутых результатов он обязывает преподавателя проводить ежегодно два обследования занимающихся: оба раза — измерение веса, роста и силы учеников и один раз — выполнение ими требований программы (т. е. проводить своеобразную нормировку). При этом он требует, чтобы измерения производил сам преподаватель, подразумевая, конечно, что последний имеет соответствующую подготовку. Кроме того, чтобы обеспечить контроль за последовательностью повседневной работы, он обязывает преподавателя записывать проведенные упражнения и отмечать продолжительность работы и возникшие у учащихся затруднения.

Для проведения занятий Лесгафт требует наличия специально оборудованных мест и считает, что «самым выгодным помещением для физических упражнений является площадка»;² закрытое помещение он признает лишь для занятий зимой, в дождь, в бурю и при других неблагоприятных климатических условиях.

Важную роль в осуществлении физического образования он отводит самим детям, считая крайне важными их самостоятельность, самообразование и самовоспитание.

Для тех, кто знает детей и школу, кто понимает сущность методики и знает определяющие моменты педагогического процесса, вряд ли нужны какие-либо особые комментарии к этим очень верным общим положениям, в большинстве своем не требующим никаких поправок, оговорок или дополнений.

**

Большой интерес представлял бы методический анализ основных видов и форм физических упражнений, выдвинутых Лесгафтом. В данном кратком сообщении мы вынуждены, однако, совер-

¹ «Руководство», ч. II, стр. 412.

² Там же, стр. 413.

шенно опустить этот анализ. Отметим только, что в тщательно продуманной, во многом и до сих пор еще верной характеристике основного механизма различных движений, в блестящих оценках анатомо-физиологических и психологических оснований овладения ими и в соответствующих указаниях значения этих упражнений и методики их применения вдумчивый преподаватель найдет много интересного и ценного для своей работы.

Заканчивая данное сообщение, построенное в плане выяснения того положительного, что оставил нам П. Ф. Лесгафт в области физического воспитания, необходимо отметить, что в его наследии имеется, конечно, немало недостаточно еще выясненного, противоречивого и даже ошибочного. Но при критическом отношении к трудам Лесгафта с точки зрения современного уровня научных знаний и, в частности, с позиций советской педагогики эти недочеты не могут иметь существенного значения, так как они легко вскрываются и всегда доступны определенной оценке. Все положительное в системе Лесгафта становится еще более рельефным, убедительным и ценным именно в результате такого критического подхода.

Наследие Лесгафта уже использовано в некоторой мере при построении советской теории и методики и в практике физического воспитания. Это использование теоретических положений и практических материалов шло как по линии прямого заимствования, так и творческой переработки, углубления и развития их. Но, к сожалению, круг лиц, занимающихся этим до последнего времени, был весьма небольшим, а деятельность их в этом направлении немало тормозилась ложным течением, искажавшим идеи Лесгафта и его систему. Сейчас это течение в известной мере само себя изживает, и в более широких кругах исследователей и практических работников в области физического воспитания интерес к наследию Лесгафта значительно повышается.

ИГРЫ В СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

П. Ф. ЛЕСГАФТА

ЛЕСГАФТ жил в эпоху, когда школьное образование, воспитание ребенка и методы преподавания были предметом большого внимания русской передовой общественности. Современники П. Ф. Лесгафта — Пирогов, Ушинский, Чернышевский, Добролюбов и др. резко критиковали школьное образование и воспитание того времени, осуждали царившую в школе схоластику, «сухое педантство». Они говорили о вреде раннего специального образования, о необходимости формирования прежде всего высоко нравственного человека.

Лесгафт, являясь выдающимся ученым и разносторонне образованным педагогом, не мог стоять в стороне от этих злободневных вопросов жизни. Он негодует на формальное преподавание и воспитание в школе, а также на отсутствие физического воспитания детей. Его не удовлетворяет нравственный облик современной ему молодежи, и он создает свой идеал всесторонней, гармонически развитой, творчески мыслящей и инициативно действующей личности. Такую личность должна, по его мнению, воспитать школа.

«Мало образованного и понимающего человека», — говорит Лесгафт: необходимо «научить ребенка владеть и управлять собой, а также создать условия, содействующие развитию его характера, вот несомненная и даже главная задача школы».¹

Школьный период Лесгафт называет «реальным», «идейным» периодом жизни человека, другими словами, формирующим его самостоятельную мысль, нравственные понятия, волю и характер.

Физическое образование он не отделяет от умственного, определяя его задачи в школе так: «Цель физического образования состоит именно в ограничении произвола действий молодого человека и в том, чтобы научить сознательно подходить как к проверке выработанной им мысли, так и к каждой производимой им работе».²

¹ «Семейное воспитание», ч. I, 1910, стр. 62.

² «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста», ч. I, 1912, стр. V.

Физическое образование, по его мнению, способствует также и нравственному воспитанию личности.

Лесгафт симпатизирует физическому воспитанию в английской школе, где одной из главных задач воспитания является «образование воли». В Англии, кроме различных видов спорта, очень распространены игры и прогулки, имеющие огромное воспитательное значение. Лесгафта привлекает метод проведения игр, практикуемый в Англии: занимающиеся сами выбирают судью, партию и беспрекословно подчиняются решениям судьи. Лесгафт приводит слова из отчета одной лондонской школы: «Я не высоко ценю мальчика, не питающего пристрастия к играм и развлечениям: такой мальчик редко пристрастится и к работе».¹

В противовес недостаткам школьного образования своего времени Лесгафт предлагает свою своеобразную систему физического образования с оригинальной классификацией средств. Многие его мысли о воспитании находят отклик и в наши дни.

Играм Лесгафт придавал большое воспитательно-образовательное значение. Они органически входят в его систему и занимают в ней видное место. Две трети его педагогического труда «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста» (часть II) посвящены играм; он дает обоснованную классификацию, описание и тщательно продуманную методику школьных игр. В уроках физической культуры по системе Лесгафта для учащихся младшего возраста игре отводится половина урока, а для среднего возраста — треть урока.

Лесгафт считает игры сложными действиями, упражнениями более высокого порядка, нежели отдельное гимнастическое упражнение. «Игре должны предшествовать физические упражнения, содействующие умению владеть собой и развитию ловкости и силы; игра же является как бы их применением».²

Лесгафт не занимается теорией игры, не исследует игры «вообще»; его интересуют главным образом игры в тех сложившихся формах, которые могут служить общей цели воспитания.

Почему именно они привлекли его внимание? Основная причина, по видимому, та, что игры при правильной организации и методике наилучшим образом содействуют решению задач физического образования в школе, как это понимает Лесгафт.

Действительно, игры в школьном уроке, являясь почти всегда групповым занятием, ставят учащихся в условия сотрудничества; они дают возможность каждому участнику проявляться в действиях сообразно с его силами и способностями, но в известных рамках; учат подчиняться установленным правилам, следовательно, ограничивают произвол действий и вместе с тем вызывают большую активность и самостоятельность в выборе действий и совершают самые действия.

¹ «Руководство», ч. I, 1912, стр. 253.

² «Отношение анатомии к физическому воспитанию», 1888, стр. 95.

Кроме того, ребенок в ходе игры приучается производить оценку своих действий и поведения товарищей. В командных играх, где приходится играть в интересах целой группы, каждый учится действовать с напряжением и настойчивостью, используя все свои способности и возможности для достижения наилучших результатов. Успех, результат действий каждого в игре почти всегда зависит от сознательности движений. А сознательности движения — этому сложному психическому акту, связанному с развитием и совершенствованием высших органов чувств, Лесгафт придает огромное значение в деле физического образования.

Еще один момент в играх признается Лесгафтом весьма важным — это «подчинение чувств воле». На самом деле, в школьных играх учащиеся приучаются на фоне общего возбуждения, вызванного игрой, затормаживать излишние движения, несколько подавлять «разыгравшиеся» эмоции, т. е., находясь в необычном психофизическом состоянии, действовать целесообразно, упражняя при этом свою волю.

Лесгафт определяет игру так: «Игра есть упражнение, при посредстве которого ребенок готовится к жизни. Игры составляют самое выгодное занятие для ребенка, при посредстве которого он обыкновенно приучается к тем действиям, которые ложатся в основание его привычек и обычаев, причем эти занятия обыкновенно связаны с возвышающим чувством удовольствия».¹ Но он делает оговорку, что это удовольствие не должно быть самоцелью, т. е. игры Лесгафт предлагает использовать в школе исключительно с педагогической целью.

Лесгафт различает игры подражательные (имитационные), относя их к «семейному (дошкольному) периоду» жизни ребенка, и игры школьного периода.

Имитационные игры помогают ребенку наблюдать все окружающее и знакомиться с ним. Благодаря им он приобретает «известное умение распоряжаться своими силами». Лесгафт настаивает на том, чтобы игра не диктовалась взрослыми, чтобы ребенок мог повторять то, что сам видел. В такой игре нет никакой утилитарности, ничего навязанного, никакой материальной выгоды для ребенка. Это нужно для того, чтобы он мог «рассуждать над своими действиями и при помощи полученной таким образом опытности справляться с теми препятствиями, которые он встречает в жизни».² Лесгафт подчеркивает, что содержание подражательных игр находится в прямой зависимости от окружающей ребенка обстановки. Особенно охотно подражают дети действиям близких им людей. Поэтому родители и воспитатели должны тщательно следить за своим поведением в присутствии детей и не давать для подражания дурных примеров.

Не менее важно при семейном воспитании, на что особое вни-

---

¹ «Руководство», ч. II, 1909, стр. 133.

² Там же, стр. 133.

мание обращает Лесгафт,— это необходимость беречь впечатлительность ребенка, его восприимчивость, которая обуславливает его наблюдательность и постоянную активную деятельность. Над этой мыслью стоит задуматься и в наши дни.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод: самостоятельность и активность ребенка являются, по Лесгафту, основой методики игр дошкольного периода.

Здесь уместно рассмотреть особенно интересные для наших дней критические замечания Лесгафта по поводу распространившейся в России системы Фребеля.

Лесгафт, оценивая систему Фребеля, указывает ряд неверных, вредных и противоположных его взглядам положений. Так, он называет «фантастическими, беспочвенными» рассуждения Фребеля об усвоении ребенком физических и механических законов и математических фигур в первые годы его жизни и по этому поводу замечает: «Успех системы Фребеля в Германии вполне понятен, ибо там педагоги стремятся только учить ребенка и увеличить количество его знаний, они охотно все сводят на усвоение частных случаев, правил и приемов. У них, понятно, всего скорее должна была привиться мысль — с колыбели учить ребенка по определенной системе».¹

Лесгафт допускает, что «система Фребеля в его собственных руках, может быть, еще и могла бы иметь некоторое значение для детей его среды и нации», потому что он был предан делу; но в руках мало подготовленных преемников его система превратилась в «бездушный шаблон, который может содействовать только развитию стадных явлений, может только заглушить всякое индивидуальное проявление детей...».² Игры Фребеля Лесгафт называет «стадными», потому что при том методе, который ему приходилось наблюдать в детских садах за границей и в Петербурге, ребенок отстранялся от возможности самостоятельно наблюдать и рассуждать в доступной ему форме. Слепое подражание, повторение действий вслед за руководительницей — это «грубые внешние приемы», не связанные ни с какой инициативой со стороны детей. Лесгафт пишет: «Шаблонность, однообразие, мелочность», характеризующие урок в детских садах, «должны непременно понизить впечатлительность ребенка, вызвать у него апатию, приводящую к бездействию и лени».³

Лесгафт возражает также против самого содержания игр, приводя рассуждения Бобровской по этому поводу: «Фребель был немец, а потому все игры он взял из немецкой жизни, вынес из немецких детских. То, что немецкого ребенка интересует, забавляет, то, весьма вероятно, может и не интересовать русского ребенка, живущего при совершенно иных условиях, при иной обстановке.

¹ «Руководство», ч. I, 1912, стр. 208.

² Там же, стр. 212.

³ Там же, стр. 213.

Многие детские игры (например, игра пальцев), приводящие в восторг маленькое немецкое человечество, на наших детей легко могут нагнать скуку».¹

Лесгафт считает, что детский сад должен был бы иметь «характер простой семьи, при удобном помещении или, если это только возможно, то на свободном воздухе, где собранные дети могли бы свободно распоряжаться собою и пользоваться всеми предоставленными им средствами для занятий и игр».² Говоря о занятиях и играх детей в детском саду, Лесгафт предостерегает от тех недостатков, которыми характеризуются фребелевские занятия: «взрослые могут иногда принимать в них участие, но только без стремления систематизировать их, без требования строгого порядка и без намерения, сказывающегося, например, в желании знакомить питомца, лежащего в колыбели, с пространственными отношениями или дифференцировкой цветов повешенных и передвигающихся над ним мячей, хотя бы даже при этом припевали и этим выясняли как значение данного движения, так и цвет мяча».³

В заключение Лесгафт делает вывод, что «фребелевская система в таком виде, в каком она применяется теперь в детских садах, должна быть признана положительно вредною для детей дошкольного возраста».⁴

Критические замечания Лесгафта звучат и сейчас предостережением для некоторых воспитателей. Не навязывайте ребенку ничего готового, не требуйте слепого копирования, не гонитесь за внешним результатом, опасайтесь шаблона, вызывайте сознательность, будите инициативу, творчество и самостоятельность детей — вот что хочется сказать вслед за Лесгафтом.

Значительно тщательнее и шире разработаны в системе Лесгафта школьные игры. Для них ставятся иные цели. «Необходимо из имитационного периода перейти к самостоятельной деятельности, развернуть личные свои качества и приучиться к действиям с собственной инициативой, — говорит Лесгафт. — Для цельности проявления человека необходимо, чтобы его мысли и его действия были в полном соответствии; только при таких условиях у него утвердится понятие о правде, он усвоит все значение истины и научится служить ей».⁵

Такой общеобразовательный принцип Лесгафт положил в основу своего понимания школьных игр. Из него же исходят и основные его методические требования.

1. Игра должна иметь всегда точно намеченную цель, общую для всех участников, и вполне определенную форму в зависимости от общей цели. К достижению ее и должны стремиться учащиеся, придерживаясь «всеми признанных положений и зако-

¹ «Руководство», ч. I, 1909, стр. 212.

² Там же, стр. 213.

³ Там же, стр. 214.

⁴ Там же, стр. 214.

⁵ «Руководство», ч. II, 1909, стр. 134.

нов, направленных к ограждению прав каждого отдельного лица».¹ Школьные игры не должны быть имитационными, но необходимо соблюдать постепенный переход от игр семейного периода к играм школьным.

Начинать надо с уже знакомых ребенку игр, затем переходить к элементарным (одиночным) играм (например, «перебежки», «пятнашки»), в которых учащиеся действуют вполне самостоятельно, но еще не в интересах коллектива: в них нет еще деления на партии (команды). Только после некоторого знакомства с одиночными играми применяются игры партиями, или сложные игры, в которых занимающиеся приучаются более ловко и быстро действовать по установленным правилам в интересах команды (например, «лапта», «догоняй»).

Подчеркивая необходимость постепенного усложнения игр, Лесгафт предостерегает руководителя от излишних, частых указаний играющим, от требования шаблонных повторений действий, чтобы не подавлять индивидуальности и самостоятельности учащихся.

2. В каждую игру должны включаться упражнения, вполне соответствующие степени физического развития ребенка, его умению управлять собой, чтобы удовольствие, вызываемое игрой, было всегда неослабным, повышающимся и стимулирующим большую живость в достижении результатов.

3. В играх важно постепенно усложнять правила, требуя их выполнения, как непреложного закона, всеми без исключения. Усложнение правил потребует от учащихся большего внимания и совершенствования действий в смысле их целесообразности, быстроты и разнообразия. Точная формулировка правил будет руководством к действию, следовательно, игра проводится по слову, чем игры школьного возраста резко отличаются от игр семейных.

Ссылаясь на практику английской школы, Лесгафт рекомендует принимать видоизменения правил, предлагаемые и самими учениками, конечно, если это не нарушает смысла игры. Такое активное участие в игре поднимает у учащихся интерес к ней. Попутно Лесгафт указывает, что необходимо наблюдать за точным выполнением правил и широко привлекать к судейству самих учащихся. Не менее ценно замечание об исключении из игры нарушителей правил. Лесгафт указывает, что исключить из игры нарушившего правила необходимо, но так, чтобы это не носило характера «меры преследования» и чтобы занимающийся возможно меньше оставался вне игры, потому что длительное бездействие, особенно у начинающих, может вызвать недовольство или скуку.

4. В играх, особенно партиями, необходимо предоставить самим играющим большую самостоятельность в организации команд и в судействе, чтобы довести до их понимания

¹ «Руководство», ч. II, 1909, стр. 135.

значение общественного мнения и выработать чувство товарищества. Все это поведет к большей организованности и дисциплинированности учащихся.

Соответственно этому рекомендуется поручать занимающимся выбирать судью, предводителей и набирать игроков в команду. Предводители управляют участниками команды, а судья руководит ходом игры и наблюдает за точным выполнением правил.

Роль преподавателя при таком самоуправлении в игре сводится главным образом к подведению итогов игры и к некоторым указаниям судье по ходу игры лишь в том случае, если им были допущены какие-либо нарушения по существу.

Только при произвольных действиях судьи преподаватель может остановить игру и даже потребовать переизбрания судьи.

5. В играх совершенно исключаются состязания, награды и наказания. Обосновывается это требование тем, что «действительно образованные молодые люди должны побуждаться к деятельности не личной выгодой или боязнью преследования, а искренним желанием совершенствоваться».¹ Это требование вызвано также опасением развить в учениках различными поощрениями тщеславие, желание постоянно первенствовать; наказания же могут угнетать, оскорблять личность учащегося.

Как видим, Лесгафт, говоря об играх, последовательно проводит свою теорию «отрицания добавочных раздражителей» и свое отрицательное отношение к спорту в школе.

Конечно, нельзя согласиться полностью с Лесгафтом в вопросе об устранении поощрений, наказаний и состязания из игр, но в этом взгляде есть зерно истины. Надо вникнуть в смысл указания Лесгафта тем преподавателям и родителям, которые, потеряв меру в похвалах, применяют их очень часто. Это же относится и к применению наказаний. [Нельзя, однако, согласиться с точкой зрения Лесгафта на недопустимость соревнования в играх. Соревнование является стимулом к достижению лучших результатов и совершенствованию.

Многие методические указания Лесгафта использованы в советской практике, но далеко недостаточно. Это заставляет еще раз тщательно рассмотреть их и в соответствии с современными положениями педагогики, психологии и методики физического воспитания в СССР широко использовать при организации игр в школьных условиях.

Особенно ценны для нашей практики следующие требования: обязательное уяснение играющими общей цели игры; постепенность в подборе игр соответственно развитию ребенка; систематичность применения игр; значение правил и создание необходимых условий для их выполнения; видоизменение правил, стимулирующее к преодолению больших трудностей и к достижению новых результатов; требование сознательного отношения

¹ «Руководство», ч. II, 1909, стр. 141.

к своим действиям; введение самоуправления в играх. Последнее особенно важно, так как улучшает дисциплину в школе, приучает к объективной оценке себя и товарищей, сдерживает произвол, пружинит поступки и развивает чувство взаимопомощи. Самоуправление в игре особенно желательно при секционных занятиях.

Конечно, в своих требованиях Лесгафт не исчерпал всей методики игр в школе. В его методике игры недостает указаний о совершенствовании ряда психофизических качеств, которое достигается соответствующим подбором игр, а также не раскрываются гигиенические задачи игры.

**

Классификация игр в системе П. Ф. Лесгафта представляется в следующем виде: 1) игры простые (одиночные), в которых каждый играет, преследуя свои цели (например, догнать, избежать пятнания и пр.), не сообразуясь с интересами остальных. Правила в этих играх несложные, требования элементарные; 2) игры сложные (или партиями). При наличии партий (команд) каждый играющий, будучи поставлен в условия сотрудничества, действует только в интересах команды, стремясь к достижению общей цели. Правила в этих играх сложнее, сами игры более продолжительны, поэтому к действиям и взаимоотношениям участников предъявляются более высокие требования.

Внутри каждой названной группы игры делятся еще по видам физических упражнений, входящих в ту или иную игру. Так, к 1-й группе относятся: а) игры с бегом, б) игры с метанием, в) игры с борьбой. В расположении игр каждой подгруппы соблюдается постепенный переход от простых к сложным, причем в некоторых играх интересно развернуты усложнения (варианты игр), например, пятнашки простые, пятнашки с мячом, рядами, по кругу и т. д.

Игры 1-й группы предназначаются для детей младшего возраста (7—12 лет) и относятся к элементарному отделу физического образования; игры 2-й группы предназначены для детей среднего (12—15 лет) и старшего (15—18 лет) возраста и относятся к среднему и старшему отделу.

Здесь уместно указать, что в одной из работ ближайшей ученицы Лесгафта, проф. Красуской, которой главным образом и принадлежит описание школьных игр в «Руководстве», мы находим несколько иную классификацию, а именно: 1) игры простые, 2) переходные к командным, 3) игры командные. Переходные характеризуются тем, что в них уже намечается заинтересованность двух сторон, причем для играющих возможно добровольное сотрудничество (например, можно выручить из плена и т. п.). В «Руководстве» подобные игры имеются («мяч на ловле», «перебежки с пленом»), но не выделены в отдельную группу. Такое же деление игр (на три группы) имеется в работах другой ученицы Лесгафта — д-ра Кунст-

ман, которая много сделала по дальнейшей разработке методики физического воспитания.

Деление школьных игр на три группы, надо полагать, является дальнейшим усовершенствованием классификации игр и введено учениками Лесгафта на основании школьной практики.

Как видно из изложенного, классификация Лесгафта очень проста, но весьма продумана и выдержана в соответствии с общими положениями его системы. Постепенность перехода от простого к сложному с учетом возрастных особенностей учащихся; условия для их всестороннего развития; усложнение обстановки (варианты правил) и взаимоотношений для преодоления нарастающих препятствий, а отсюда выработка самостоятельности и укрепление воли — вот что занимает Лесгафта при таком расположении игр.

Приведенная классификация, как наиболее обоснованная из всех других классификаций, с незначительными изменениями уже давно принята методикой физического воспитания и используется в школьной практике.

**
*

Обратимся к описанию самих игр в сборнике Лесгафта. Приемы описания игр почти одинаковы. В начале дается указание о том, какие физические упражнения входят в игру и что этой игрой требуется. Это помогает ориентироваться преподавателю, выбирающему игру. Затем излагается содержание игры с попутным указанием правил и их видоизменений, сообщаются ценные методические указания по организации игры, овладению техникой, дозировке, предотвращению возможных по тем или иным причинам срывов в поведении учащихся и т. д. В ряде игр указывается планировка места для игры (приводятся размеры площадки и даже чертежи).

В конце описания, как итог требований, перечисляются все правила в виде сжатых формулировок и указывается литература.

Итак, центральное место в описании игр занимают правила. Они — непреложный закон, поэтому подчеркиваются нарочито дважды и даются в отчетливо-строгой формулировке.

Характерным моментом является также подробное изложение всех необходимых условий для лучшего проведения игры. И, наконец, игра не просто излагается Лесгафтом, а приводится детальный анализ тех психофизических качеств, которые данной игрой развиваются. Все это говорит о высоких требованиях к руководителю при проведении игр: он должен заранее предвидеть всю ситуацию взаимоотношений играющих, учесть обстановку и отдавать себе полный отчет в назначении каждого правила.

Вот как высказывается Лесгафт о руководителе физического воспитания: «руководитель должен быть хорошо образованным человеком, как каждый, имеющий отношение к преподаванию, должен хорошо понимать свой предмет, а также значение форм и отправления организма молодого человека, а главное, должен быть

сам вполне дисциплинированным и сдержанным человеком, изящно владеющим всеми своими действиями. Все это не легко и получается только очень настойчивым и последовательным трудом и работой над собою. Кажется, чего легче, как вести игру, а между тем это самое трудное дело, и очень редко приходится встречать руководителя, стоящего на уровне своего положения».¹

В описание игр включены указания о роли судьи, предводителей, о составе команд, о назначении правил. Это не случайные повторения: всем этим, на первый взгляд, мелочам Лесгафт придавал большое значение в формировании личности.

Не бесполезно обратить внимание также и на частные методические приемы, рекомендуемые при проведении игр, далеко еще не использованные в надлежащей мере. Вот некоторые из них: очередность водящих, обозначение и точное расчерчивание границ действия играющих, введение по ходу игры нового правила с целью понижения нагрузки или для отдыха и т. п.

Остается еще остановиться на ценности вариаций игр: они даются с введением новых условий, новых упражнений, некоторых усложнений правил, чем достигается повторение одних и тех же действий с более повышенными требованиями к ученикам; игры таким образом приобретают характер систематического влияния и не вызывают скуки при повторении.

Подводя итог, необходимо отметить, что анализируемое описание игр поражает глубоким знанием практики школ, тщательностью обработки материала, большой предусмотрительностью и готовностью облегчить читателю усвоение основных положений, иногда весьма сложных правил и раскрыть методику проведения игр.

Несмотря на высокую ценность методики игр Лесгафта, надо помнить, что она полностью, без критики, не может быть перенесена в нашу практику. Например: строгость, последовательность, настойчивость в проведении основных принципов системы Лесгафта через все средства и методы, даже, как видим, через классификацию игр, описание и методику их в одно и то же время и положительны и отрицательны. Положительны — потому, что этим сохраняется цельность и стройность системы как органического целого. Отрицательны — потому, что эта неуклонность в проведении принципов иногда незаметно переходит в догматизм. Например: опасение шаблона, развития «стадности» приводит к отрицанию детского сада; теория «отрицания добавочных раздражителей» заставляет устранять всякое поощрение и соревнование из игры и т. д.

Наша задача во всем этом объективно разобраться и помочь взять из системы лишь то ценное, что приемлемо с современных позиций советской системы физического воспитания. Настоящий анализ и служит этой цели.

Какие же игры вошли в сборник?

Часть игр заимствована, как отмечает сам автор, из русских

¹ «Руководство», ч. II, 1909, стр. 376.

сборников (ссылки на сборники Покровского, Филитиса, Вискова-того, Герда); весьма незначительная часть игр взята из иностранной литературы; большинство же игр, как нам известно, создавалось и проверялось в практике учеников Лесгафта и впоследствии было обработано А. А. Красуской для издания.

**

Для полноты оценки труда П. Ф. Лесгафта в области изучения школьных игр недостает еще критического обзора специальных сборников того времени. Остановимся на 11 сборниках детских игр, изданных в 90-х и 900-х годах.

Все вышедшие сборники игр можно для удобства изложения разделить на две группы: одни сборники, написанные преподавателями, другие — врачами. Первые из них, например, сборники Филитиса, Скотака, Краевского, Герда, Бокина, Гофманна, представляют собой описание игр, главным образом, для детей школьного возраста, без особого обоснования теории и методики игр, с частными методическими замечаниями. Классификация игр в большинстве из них также не имеет обоснований и не выдержана. Чаще всего это деление игр по тем предметам, которые употребляются при проведении игры, например, игры с мячами, с палками, с ракетой и т. д. (сборники Герда, Скотака, Краевского).

Иная классификация в сборниках Филитиса, Гофманна, Бокина. У первых двух авторов игры группируются соответственно возрастам играющих, у третьего — по видам физических упражнений. Более солидными по объему и разнообразию игр являются сборники Бокина, Герда, Скотака. Это — пособия для учителей гимнастики, воспитателей и родителей. Наиболее тщательной обработкой игр отличается сборник Филитиса.

В большинстве сборников повторяются одни и те же игры, и методика их представлена весьма бледно.

Перейдем к рассмотрению сборников, составленных врачами.

Игры, приведенные д-ром Залесовой, д-ром Эйнгорном, являются лишь дополнением к педагогической гимнастике. У обоих авторов они носят случайный характер. Залесова, основываясь лишь на том, что дети любят простые игры, приводит без всякой системы 24 игры, знакомые детям и, по ее мнению, любимые ими. Конечно, такие игры не могут иметь серьезного значения для практики. Из сборника д-ра Дементьева «Английские игры на открытом воздухе» (1891) видно, что автор считает проводимую в школе гимнастику негодной для детей, как не обеспечивающую гигиенических задач. Являясь поклонником английской школы физического воспитания, он в противовес гимнастике пропагандирует игры на открытом воздухе. В его сборнике мы находим описание четырех английских игр.

Сборник д-ра Неманского делится на две части: в первой сооб-

щаются краткие исторические сведения об играх, говорится о значении игр и приводятся общие методические положения; во второй части автор дает описание игр без всякой классификации. Правда, автор ставит ряд условий для выбора игр.

Неманский, повидимому, находился под влиянием трудов Лесгафта. Это можно заключить из определений игры, сходных с определениями Лесгафта, из общих понятий о значении игр в деле воспитания, а также на основании его ссылок на труды Лесгафта. Это дает право отметить, что Лесгафт своими трудами в области физического образования пробудил интерес известной части врачей к исследованию вопросов физического воспитания, в частности, — игр.

Особенно пристального внимания заслуживает труд д-ра Покровского «Детские игры, преимущественно русские» (1877). Это солидный, вполне оригинальный сборник игр, включающий историю, теорию игры и описание большого числа разнообразных игр. Если можно не соглашаться с некоторыми теоретическими положениями автора, то нельзя не признать ценности названного сборника, заключающейся в том, что в нем сосредоточены национальные игры, преимущественно русские. Это самобытные, почти без изменения взятые, игры различных местностей России.

Особая заслуга Покровского в том, что им впервые ставится вопрос о внедрении национальных игр в систему физического воспитания. Сам автор оценивает свой сборник такими словами: «...труд мой во всяком случае оказывается и достаточно самостоятельным и новым и даже едва ли не первым у нас в России в этом роде».

Этот сборник, действительно, можно считать первоисточником описания игр в России, так как более поздние авторы в своих трудах ссылаются на него и заимствуют из него образцы игр. Несмотря на это, сборник Покровского далеко еще не изучен и не использован вполне в нашей теории и практике физической культуры. Он и до сих пор, помимо своей исторической и этнографической ценности, может служить хорошим источником при подборе игр.

Заканчивая характеристику сборников игр, изданных современниками Лесгафта, мы можем суммировать все в следующих словах.

Вопросы физического воспитания в школе были в то время злободневными для многих. Авторы один за другим характеризуют отсталость России в обосновании и применении физического воспитания в школах и указывают на необходимость ввести его, установив связь между умственным и физическим образованием. Большинство авторов оглядывается на историческое прошлое, считая греческое физическое воспитание идеалом; обращаются взоры и на зарубежные школы, причем на первое место ставится Англия, «классическая страна спорта», по выражению Неманского. Руссо также привлекает многих тем, что горячо зовет вернуться к свободным, самостоятельным упражнениям на лоне природы. Одни

авторы, повидимому, самостоятельно (Покровский), другие под влиянием трудов Лесгафта принимаются за исследование игр. Некоторые сборники имели в то время значение практических пособий, но не могли быть настоящими руководствами из-за недостатка в них теоретических и методических обоснований.

Итак, со всей очевидностью можно сказать, что труд Лесгафта «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста» (часть II), включающий в себя солидное собрание подвижных игр, является фундаментальным, оригинальным как в теоретической, так и в практической своей части и не имеет себе подобных.

К сожалению, очень немногие из наших школьных преподавателей пользуются этим богатым по разнообразию игр и методике сборником, заслуживающим широкого использования в практике.

П. Ф. ЛЕСГАФТ О НАГЛЯДНОМ МЕТОДЕ ОБУЧЕНИЯ

ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ И МЕТОДЫ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
В ПОНИМАНИИ П. Ф. ЛЕСГАФТА

ВЗГЛЯДЫ П. Ф. Лесгафта на методы обучения и воспитания находятся в тесной связи с его пониманием целей и задач образования и воспитания.

«Гармоническое, всестороннее развитие деятельности человеческого организма должно составлять общую цель воспитания и образования».¹ Этой общей цели всестороннего развития подчиняются задачи всех разделов воспитания и образования. Эти задачи «только в частности отличаются между собою: воспитание захватывает в свою область нравственные качества человека и его волевые проявления, следовательно способствует выработке нравственного характера лица, между тем как образование имеет в виду систематическое умственное, эстетическое и физическое развитие».²

Развитие умственной и физической деятельности и формирование нравственных качеств ведут к общей практической цели: воспитанию человека, сознательно относящегося к окружающему, умеющего управлять собой и своими действиями и настойчиво проводить в жизнь поставленные задачи.

Лесгафт многократно и настойчиво и в своем «Семейном воспитании ребенка» и в «Руководстве по физическому воспитанию детей школьного возраста» указывает на тесную связь умственного, нравственного и физического воспитания, отмечая, что главное в воспитании — это понимание истины и умение руководствоваться ею в своих действиях. Говоря о физическом образовании, он на первый план выдвигает развитие умения сознательно управлять движениями и приучение с наименьшим трудом и в возможно меньший срок производить сознательно наибольшую физическую работу или действовать изящно и энергично.

Приведенные определения указывают на неразрывную связь умственного, физического и нравственного воспитания в понимании

¹ «Руководство по физическому воспитанию детей школьного возраста», ч. I, 1912, стр. 262.

² Там же, стр. 262

Лесгафта. Каждый раздел только в частности решает задачу всестороннего гармонического развития, дающего возможность человеку наиболее целесообразно организовать свою деятельность.

Из общности задач умственного, физического и нравственного развития вытекает и общность методов воспитания. «Общие методы содействуют установлению полной гармонии между физическим, умственным и нравственным развитием», — говорит Лесгафт.¹

Методам воспитания ребенка в семье и школе Лесгафт посвящает отдельную главу во 2-й части своей работы «Семейное воспитание ребенка и его значение». Во многих других своих трудах он дает этому вопросу глубокое обоснование.

В специальной работе «О методах преподавания анатомии и естественных наук вообще» Лесгафт дает критику описательного метода, подчеркивая первостепенное значение объяснительного метода и теоретического обоснования научных знаний.

В различных главах книги «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста» и в других работах он критикует обычное применение наглядного метода, практикуемое в процессе обучения, обосновывает вред подражательного, имитационного способа усвоения знаний и умений, к которым ведет метод показа без необходимой подготовки.

В понимание общности методов воспитания Лесгафт вкладывает следующее содержание:

«Наблюдение и опытность являются главными способами семейного воспитания, устраняется всякий произвол при воспитании; как в семье, так и в школе будут признавать права личности ребенка. Разъединение (дифференцирование) и сравнение должны быть основными способами всякого систематического образования. Результаты сравнения — оценка, выяснение причинной связи, составление общих понятий, проверка их научными методами и выяснение научных истин, дедукция и выяснение частных случаев на основании научных истин — все это составляет задачу школы».²

Лесгафт выдвигает здесь требования об уважении к личности ребенка, об устранении произвола в вопросах воспитания, о сознательности и систематичности образовательного процесса. В начальном периоде развития ребенка важнейшее место отводится наблюдению и личному опыту.

В дальнейшем как физическое, так и умственное образование, тесно связанное с нравственным воспитанием, базируется на анализе, сравнении, умозаключении. В результате человек приходит к оценке предмета, выясняет причинные связи, обобщает и проверяет индуктивным и дедуктивным путем полученные положения. Этим путем достигается совершенствование в разнообразных формах деятельности человека. Он приучается действовать и производить наибольшую работу при наименьшей трате материала и сил.

---

¹ «Руководство», ч. I, стр. 257.

² Там же, стр. 257.

Лесгафт различает в процессе обучения имитационный, практический и теоретический методы.

Рассматривая вопрос о методах обучения, Лесгафт исходит из положения, что процесс обучения не должен сводиться к простому накоплению знаний, сведений и умений, т. е. к обогащению и развитию памяти. Сущностью процесса обучения должно быть активное овладение методами познания действительности и приемами использования этих знаний в сознательных действиях; процесс обучения, по Лесгафту, опирается на развитие мышления.

Лесгафт подчеркивает отрицательное влияние таких методов обучения, при которых процесс усвоения основывается на механическом запоминании и не возбуждает самостоятельных, активных проявлений обучающегося, не ведет к сознательному усвоению предмета.

Сознательно приобретенные знания и умения — это те, которыми «овладевают» активно, целенаправленно, самостоятельно, путем наблюдений, сравнения, анализа и синтеза. Такие знания и умения обогащают опыт человека и могут быть применены на практике в его деятельности.

Сознательное усвоение Лесгафт противопоставляет механическому запоминанию и подражанию. Действия, выполняемые путем подражания или имитации, усвоены пассивно, механически, на основе простого, непосредственного восприятия.

Подражание и имитацию Лесгафт называет «стадными явлениями».¹ Они более элементарны, чем волевые, сознательные, самостоятельные — индивидуальные проявления человека.

Подражание, основываясь на механическом запоминании, не дает уяснения сущности явления. Поэтому оно не может лежать в основе развития волевых действий человека, предполагающих осознание, понимание и проверку на практике.

Нельзя, однако, согласиться с Лесгафтом в том, что в основе подражания всегда лежит элементарность, «стадность». Подражание сознательно выбранным высоким образцам, к какой бы отрасли человеческой деятельности они ни относились, включает в себя активное волевое начало и может лишь способствовать формированию нравственной личности.

«Истины, — пишет Лесгафт, — усвоенные полностью и не проверенные опытом, при изучении которых, следовательно, не были проложены пути к тем сознательным центрам, деятельность которых необходима для их самостоятельной выработки и проверки, не могут еще ложиться в основание действий человека и служить основанием волевых его отправлений, так как для этого необхо-

¹ «Семейное воспитание», ч. II, стр. 236.

димо полное их усвоение, необходима подготовка, которой уясняется все их значение и применяемость».¹

Развитие у ребенка сознательного отношения к окружающей действительности и к своим действиям требует специального внимания воспитателя или педагога, так как первоначально ребенку свойственны подражательные проявления. Лишь со временем он может научиться рассуждать, отдавать себе отчет в своих действиях, анализировать, сравнивать и обобщать различные факты. «Проявления ребенка,— говорит Лесгафт,— первоначально исключительно имитационные».²

Лесгафт требует, чтобы ребенок приучался к анализу своих действий и к контролю над ними.

Правильно поставленное обучение должно, по мнению Лесгафта, исключать те методы, которые допускают подражание и механическое запоминание или ведут к ним. Отсюда вытекает и его отрицательное отношение к применению метода показа, демонстраций как самостоятельных и основных приемов обучения.

В противовес этим неполноценным и отрицательным методам Лесгафт выдвигает в качестве основных два метода, называемые им «практическим» и «теоретическим».

«Практический» метод опирается на непосредственное наблюдение явлений и последующее воспроизведение в практической деятельности полученных знаний. Этот метод дает накопление эмпирического опыта и знаний.

«Практический метод основан главным образом на развитии путем наблюдения, размышления над наблюдением и получаемой отсюда опытности,— говорит Лесгафт.— При этом необходимо самому наткнуться на явления, самому приискивать толкования их и самому вырабатывать приемы своей деятельности. Опытность при этом вырабатывается неудачами, настойчивостью и усвоением всего добываемого непосредственным наблюдением и проверкой получаемых впечатлений на деле».³

Полученные впечатления должны самостоятельно проверяться на практике, при этом развиваются инициатива и самостоятельность в действиях.

Использование эмпирически полученных знаний и опыта не должно быть простым повторением. «Если ограничиваться повторением (имитацией) действий окружающих и тем, что ими проверено, тогда уменьшается личное понимание, а также самостоятельность проявлений и логическая последовательность деятельности».⁴

Лесгафт всегда подчеркивает значение активности, самостоятельности наблюдений, необходимость развития наблюдательности.

¹ «Семейное воспитание», ч. II, стр. 236—237.

² Там же, ч. III, 1912, стр. 93.

³ Там же, ч. II, стр. 192.

⁴ Там же, стр. 192.

«Без наблюдательности и опытности возможно только исполнение требований других, точно ими определенных и показанных».¹

Наблюдательность предполагает связь с пониманием, размышлением, с сознательным расчленением и сравнением, а впоследствии и с обобщением.

Значение этого метода, по Лесгафту, заключается в том, что он способствует развитию личных качеств и способностей ребенка, его наблюдательности, обогащает его опытность.

«Систематический, или теоретический метод развития состоит,— по определению Лесгафта,— в последовательном и постепенном переходе от простого к сложному, в разъединении отдельных представлений, в сравнении их и в выводе затем общих положений и истин, а также в применении этих положений и истин к выяснению встречающихся явлений».²

Отвлеченное мышление как высшая способность человека, помогающая уяснению общих закономерностей природы, дает основание для широкообъемлющей интеллектуальной деятельности и возможности проводить наибольшую умственную или физическую работу с наименьшей тратой времени и сил.

Умственное развитие человека вообще определяется развитием его способности к отвлеченному мышлению.

Применение в школе «систематического» метода приучает учащихся выводить общие положения из получаемых представлений. Эти общие понятия необходимо в процессе обучения проверять, где это только возможно, опытом, «а по возможности,— говорит Лесгафт,— и приложением математических методов».³

«Систематический» метод требует определенной подготовки со стороны учащегося и наличие возможно большего материала наблюдений. Этот материал, полученный непосредственным опытом и наблюдением, приводится в систему и дает более глубокие и достоверные знания.

Таким образом, оба метода дополняют друг друга. «Практический метод,— говорит Лесгафт,— никогда не в состоянии довести до такой глубины мысли и так проверить мысль, следовательно, придать ей такую достоверность, как применение систематического метода».⁴

Применение «систематического» метода возможно на основе уже имеющихся эмпирических знаний и некоторого опыта. Лесгафт отмечает, что в раннем детском возрасте, в период семейного воспитания, гораздо выгоднее применять исключительно практический метод,⁵ не отказывая ребенку в содействии в нужных случаях, о которых он сам заявит.

---

¹ «Семейное воспитание», стр. 193

² Там же, стр. 194.

³ Там же, стр. 194.

⁴ Там же, стр. 195.

⁵ Там же, стр. 195.

Школьный период отличается от периода семейного воспитания тем, что становится уже возможным развитие у ребенка отвлеченной мысли. Поэтому в школе необходимо уже применение систематического, или теоретического, метода. Полным усвоением и умением применять его заканчивается общее образование человека. Дальнейшее широкое применение этого метода в жизни и работе — задача специального образования.

С точки зрения Лесгафта, правильно поставленное обучение предполагает не формальное сообщение знаний и фактов, рассчитанное на память и подражание, а должно раскрывать правильные методы и пути познания и научить человека самостоятельно пользоваться этими методами в своей жизни и деятельности. Наблюдение, сравнение, анализ, обобщение, индукция и дедукция — это, чем по существу овладевает ребенок в процессе обучения, познавая и действуя по указанным Лесгафтом методам — «практическому» и «теоретическому».

Лесгафт подчеркивает необходимость самостоятельных проявлений ребенка при усвоении им знаний. Преподавание должно быть всегда поставлено так, чтобы оно будило мысль занимающегося и подготавливало его к применению в жизни понятого и усвоенного. «Одного знания, — говорит Лесгафт, — недостаточно, необходимо еще понимание».¹

Указанные Лесгафтом методы рассматриваются им по существу как методы развития познавательных способностей человека и его самостоятельной деятельности.

Пути интеллектуального развития ребенка в понимании Лесгафта — это неразрывная связь мышления и деятельности, приобретения знаний и практической их проверки и применения, что очень ценно и важно. В этом отношении Лесгафт стоит на правильной точке зрения, не разграничивая проблем практического и теоретического развития интеллекта, а рассматривая их в единстве.

В его характеристике «практического» и «теоретического» методов правильно рассматривается путь развития мышления и переход от анализа к синтезу, от индукции к дедукции и обратно.

Рассмотренные выше методы Лесгафт относит не только к умственному образованию, но в такой же мере и к физическому образованию и к нравственному воспитанию.

Лесгафт указывает также, что правильное применение «практического» и «теоретического» методов развивает такие личные качества ребенка, как самостоятельность, инициатива, настойчивость, умение преодолевать трудности, и многие другие моральные качества.

Развитие воли ставится Лесгафтом в зависимость от общего интеллектуального развития ребенка.

---

¹ «О методах преподавания анатомии и естественных наук вообще». Сборн. «Памяти П. Ф. Лесгафта», 1924, стр. 89.

«Воля, — говорит Лесгафт, — может быть выработана только деятельностью разума и не может состоять в повторении (имитации) знаний, собранных памятью, воспроизводимых по их ассоциации, не усвоенных анализом и не проверенных опытом. Ясно, что для этого необходимо развитие разума, а это возможно только при строгом разъединении получаемых впечатлений по времени и постепенном и последовательном усилении умственной деятельности, как аналитической, так и синтетической».¹

Лесгафт требует, чтобы применение указанных методов при умственном и физическом образовании и нравственном воспитании было основано на понимании сущности этих методов и вместе с тем выработывало бы навыки практического пользования ими.

Лесгафт рассматривает характеризуемые им два главных метода не только как пути обучения, но и как пути научного познания. Он указывает, что на первоначальной ступени своего развития науки обычно носят описательный характер. На этой стадии они только описывают предметы, их форму, положение и т. д. «Это, — говорит Лесгафт, — реальный период науки, собирание разъединенных фактов, нет еще отвлечения, нет общих положений и проверки научными методами, нет истин, которые ложились бы в основание действий и применялись бы к жизни». В качестве примера такой науки Лесгафт приводит так называемую описательную анатомию и отказывает ей в истинно научном характере, категорически возражая против преподавания подобной дисциплины в высшей школе.

Критике описательного метода и грубой эмпирики в научном и учебном познании Лесгафт посвящает свою статью «О преподавании анатомии и естественных наук вообще».

Он говорит в этой статье, что науке нужна теория, ибо «нет науки без теории, теория есть философия науки». Вместе с тем Лесгафт указывает, что при изучении анатомии необходимо оставаться на почве реальных фактов и настойчиво пройти практическую школу, никогда не работая механически. Необходимо всегда пронизывать свою работу мыслью.

Нужна «мыслящая анатомия», «мыслящая химия», а не описательная анатомия или, например, эмпирическая психология.

Лесгафт придает первостепенное значение теоретическим знаниям: «Без теории невозможна никакая научная деятельность, точно так же без теории невозможна и истинно человеческая жизнь, и практика отдельного лица должна вполне согласоваться и вытекать из теоретических его познаний».²

Вместе с тем Лесгафт подчеркивает единство теории и практики, указывая, что теория только тогда имеет значение, когда она оправдывается на практике и служит руководством для практики.

¹ «Руководство», ч. II, стр. 210.

² «Семейное воспитание», ч. II, стр. 201.

Рассмотрев взгляды П. Ф. Лесгафта на развитие познавательной деятельности и на основные методы обучения и воспитания, обратимся к выяснению его точки зрения на значение наглядности в процессе обучения.

Стоя на материалистической точке зрения в этом вопросе, Лесгафт утверждает, что «ни одно ощущение и чувствование, ни одна мысль не являются у человека без влияния посредственно или непосредственно извне действующего возбудителя».¹

Возбудителями умственной деятельности являются все окружающие человека предметы, действующие на органы высших чувств и на чувствительную поверхность тела. Ребенок, от которого устранили бы всякое влияние окружающего мира на органы его высших чувств, не мог бы проявлять никакой сознательной деятельности.

«Ощущения и чувствования должны при нормальных условиях являться естественными возбудителями умственных отправлений и увеличивать энергию их отправления».²

Таким образом, непосредственный опыт, доставляемый нашими ощущениями и восприятиями, рассматривается Лесгафтом как источник нашего познания и как его основа в дальнейшем развитии интеллекта.

Непосредственное знакомство с объектом должно быть использовано и в процессе обучения путем применения наглядного метода.

Однако непосредственное восприятие без предварительной подготовки может протекать недостаточно ясно и сознательно. При таком восприятии предметы или действия могут запечатлеваться и усваиваться путем механического запоминания. Неподготовленный показ действия приводит к имитационному его усвоению или подражанию.

Против такого механического повторения предостерегает Лесгафт в своей критике применения наглядного метода. Он возражает против этого метода в том его виде, в каком он часто практикуется в школах, и в том его понимании, которое в свое время было обосновано Песталоцци.

Исключительное значение, которое Лесгафт придает самостоятельности и самодеятельности в сознательном приобретении знаний и умений, заставляет его отрицательно оценивать имитационный метод и критически относиться к применению метода показа при обучении.

«Показанный прием перенимается ребенком и может быть повторен им совершенно механически, он мало сосредотачивает на нем внимание и поэтому недостаточно сознательно его воспринима-

¹ «Руководство», ч. I, стр. 235.

² «Семейное воспитание», ч. II, стр. 240.

ет».¹ Поэтому нельзя, по мнению Лесгафта, начинать знакомство с новым объектом путем показа его ученику, как это предлагает Песталоцци, признававший «абсолютное» значение наглядного метода.

Критикуя в этом вопросе Песталоцци, Лесгафт пишет: «Способ наглядного обучения по Песталоцци уже потерял свое значение и он не только не приложим в школе, но имеет свои невыгодные и даже вредные стороны».²

Педантичное следование учебнику, подчинение мысли учащегося строго предписанному плану при знакомстве с новым объектом, ограничение самостоятельных исканий и интеллектуальной активности, механичность процесса усвоения путем простого запоминания — все это отмечается Лесгафтом как вредные стороны предлагаемого Песталоцци принципа обучения.

Критикуя способ наглядного обучения по Песталоцци и отрицая применение этого способа в качестве самостоятельного метода, Лесгафт отводит все же определенное место наглядности в процессе обучения. Его взгляды на данный вопрос можно выразить в следующих положениях.

а) Для сознательного усвоения объекта восприятие последнего учеником должно быть подготовлено. Наглядному усвоению должна предшествовать активная работа мысли, в сознании обучающегося должно быть создано представление, или «умственный образ» предмета.

«При каждом обучении, связанном с наглядным усвоением (демонстрацией), т. е. при каждом демонстративном методе обучения, момент умственного усвоения необходимо должен предшествовать наглядной проверке представляемого, иначе занимающийся усваивает полученное им зрительное впечатление только памятью, без всякого умственного образа и напряжения. При первом знакомстве с предметом по слову, ученик должен по данному описанию представить себе предмет умственно, следовательно с известным напряжением, составить себе понятие или умственный образ описываемого. После этого, всматриваясь в предмет, он уже только проверяет этот образ или составляет себе о нем представление. В таком случае наглядному усвоению всегда предшествует умственный акт, требующий известной степени напряжения, чего недостает при предварительном осмотре и последующем описании, ибо после легкого способа усвоения мы неохотно переходим к более трудному, требующему большего напряжения и внимания. Поэтому все, что требует серьезного, сознательного усвоения, должно быть выяснено предварительно словом и только затем дополнено и проверено объективным осмотром».³

б) Знакомство с новым предметом нельзя начинать

¹ «Семейное воспитание», ч. II, стр. 221.

² «Руководство», ч. I, стр. 171.

³ Там же, стр. 171.

сразу с его показа: получится только общее впечатление, которое легко сглаживается, так как не требует активного усвоения. «Напряжение» для сознательного и самостоятельного построения «умственного образа» или основанное на прежнем опыте представление данного предмета в воображении должны предшествовать непосредственному восприятию нового объекта. Момент показа (восприятия) должен иметь значение проверки активно и предварительно созданного в уме представления; при этом объект должен восприниматься осознанно, критически, с пониманием его основных особенностей. Таким образом, восприятие должно быть связано с процессом мышления — с сравнением, анализом, оценкой, умозаключением.

в) Непосредственные ощущения и впечатления, получаемые в результате воздействия внешних возбудителей на органы чувств, являются началом познания человеком окружающей его действительности. Но одних этих впечатлений, одного «знания фактов» недостаточно для нормального развития познавательной деятельности человека. Нужно еще уметь сравнивать и различать получаемые впечатления, необходимо развить способность образовывать общие понятия, развивать отвлеченное мышление.

К применению наглядного метода при обучении Лесгафт предъявляет общие для него требования — активного, сознательного усвоения. «Возбуждать мысль занимающегося» — вот основная задача каждого метода обучения, в том числе и наглядного.

Необходимо иметь в виду, что подлинные знания, по мнению Лесгафта, заключаются не в усвоении определенного количества фактов, не в знакомстве с внешней формой предметов и явлений, а в их «понимании», в усвоении их сущности на основе отвлеченного мышления. Последнее опирается на наблюдения, на непосредственные впечатления и опыт, но требует для своего развития применения специальных приемов при обучении.

Лесгафт предлагает, прежде чем показывать что-либо, просто и доступно выяснить ребенку предмет одними только словами, так что сначала он себе представит этот предмет из выяснения, а затем уже показать ему этот предмет для проверки составленного представления.

г) Ребенок стремится всегда достигнуть определенной цели возможно легким способом, если поэтому у него какая-либо способность сильно развита, то он всегда и будет пользоваться ею. При сильно развитой памяти он скорее и легче всего может все усвоить ею, и поэтому будет избегать более трудного и продолжительного усвоения анализом, требующим большого распределения производимой работы во времени. Если ему прямо показать какой-либо прием, то он его механически повторит, как более легкий способ, чем представление себе по слову и действие соответственно этому представлению.

Во избежание простой имитации или механического запомина-

ния Лесгафт предлагает сочетать наглядный метод с словесным объяснением, причем последнее должно предшествовать показу. Значение предварительного словесного объяснения в данном случае и заключается в том, что оно подготавливает правильный процесс восприятия, вызывая сначала «умственный образ», т. е. представление о предмете, связанное с деятельностью мышления и воображения.

Таким образом достигается «сознательное представление» как главная задача применяемого метода. Этот путь труднее и требует напряженной умственной работы, но он отвечает, по мнению Лесгафта, основной задаче — развитию мысли; в то же время здесь воспитывается и воля, так как ученику приходится преодолевать некоторые трудности.

Точка зрения Лесгафта на применение наглядного метода высказана им в статье «О преподавании анатомии и естественных наук вообще». Критикуя методы преподавания анатомии, Лесгафт высказывается против описательного метода, выдвигает основное значение теории и намечает определенное место наглядности, показу, демонстрациям, опытам.

В основе изучения естественно-научных дисциплин должна лежать теория или философия изучаемого предмета. Естественные науки отличаются тем, «что по книге их изучать нельзя... Необходимо не оставлять почву реальных фактов, а настойчиво пройти серьезную практическую школу, никогда не работая механически, необходимо пронизывать свою работу мыслью, задумываясь над тем материалом, который систематически прорабатывается».¹

Необходимо, чтобы обучающийся «развил у себя своей работой такое живое воображение, чтобы мог создавать пластический образ жизненных форм и связанных с ними проявлений растительного и животного организма. Необходимо, чтобы он постоянно задумывался над формами живого организма и твердо помнил, что рассечение всего мертвого есть только проверка, которая непременно должна быть постоянно оживлена мыслью исследователя».²

Теоретическое рассмотрение объекта и его демонстрация не должны быть разделены, а должны проверять и дополнять друг друга (демонстрация не должна отделяться от лекции). При этом теоретическое рассмотрение и демонстрация должны идти в определенной последовательности, так, чтобы восприятие объекта было подготовлено и объект воспринимался с пониманием. «С педагогической точки зрения никак нельзя дать в руки слушателя объект и потом описывать его; получится совершенно механическое заучивание, без всякого образа, без всякого участия мысли и воображения».³

¹ «О преподавании анатомии и естеств. наук вообще», сборн. «Памяти Лесгафта», 1924, стр. 93.

² Там же, стр. 94.

³ Там же, стр. 101.

О последовательности изучения объекта различными методами Лесгафт высказывается совершенно определенно: «необходимо знакомить первоначально слушателей с живым организмом только при посредстве слова, а затем при посредстве осмотра и исследования его; после этого уже должна следовать проверка на препаратах мертвого тела, опытным путем и т. д.»¹

Наилучший метод демонстрации использует, с точки зрения Лесгафта, естественный объект, подлинный предмет, а не его изображение, в естественных науках — живой организм.

«Демонстрация различных искусственных препаратов из воска, гипса, папье-маше и т. д., различные таблицы и приборы, которые так распространяются в последнее время, составляют суррогат, который должен заменить знакомство с живым организмом и естественный препарат. Это последствие вымирания истинных анатомов и замещения их лицами, совершенно неподготовленными к трудному делу преподавания естественных наук».²

Показ или демонстрация должны быть продуманы педагогом в отношении количества демонстрируемого материала. Нельзя одновременно показывать учащимся слишком много разнообразных объектов, так как учащийся не воспринимает их и приучается к поверхностности.

Специально работая над вопросами физического образования, Лесгафт развивает свои мысли о значении наглядного и словесного методов в применении к физическим упражнениям в школе.

Обучение физическим упражнениям в школе имеет для Лесгафта такое же образовательное значение, как и обучение любому другому предмету. В этом отношении для него нет принципиального различия в процессе обучения умственной и физической деятельности.

Уже в дошкольном периоде, в периоде семейного воспитания, где, по Лесгафту, нет еще той теоретической систематичности, которой отличается школа, ребенка постепенно надо приучать к самостоятельности.

«Чем более он делает себе сам все необходимое, чем раньше являются у него известные обязательства, даже ответственность в действиях, тем внимательнее он будет относиться к своим занятиям и тем точнее он будет их исполнять. При всем этом он должен действовать по возможности не по частным указаниям для каждого отдельного случая, но непременно по собственной инициативе, или только по кратко и просто выясненным ему общим положениям. Никогда и ни в каком случае не следует ребенку показывать приемы какой-либо работы, все он должен делать по слову и выяснению. В последнем случае необходимо только начинать

---

¹ «О преподавании анатомии и естеств. наук вообще», сборн. «Памяти Лесгафта», 1924, стр. 96.

² Там же, стр. 102.

свои выяснения с приема, ему уже известного, и затем с последним логически связывать неизвестное».¹

Новое движение, новый прием действия не должен усваиваться ребенком на основе имитации, подражания. Опираясь на уже имеющийся опыт ребенка, необходимо постепенно и последовательно приводить его к пониманию нового приема, используя уже известные ему знания и умения. Словесные указания должны наводить на активную самостоятельную работу внимания, представлений, мыслей, воображения.

Лесгафт указывает, что правильное обучение вовсе не заключается в том, чтобы устранять затруднения на пути познания ребенка, напротив, он должен учиться лучше управлять своими ощущениями и приучаться к волевым проявлениям.

Таким образом, Лесгафт отрицает необходимость применения показа, как основного метода при обучении простым физическим упражнениям, элементарным движениям, во избежание подражания. Он неоднократно напоминает об этом в своей книге «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста».

«На уроке физического образования все требования непременно,— говорит Лесгафт,— должны исполняться по слову, а ни в коем случае не по показываемому примеру; иначе действия учеников будут только имитационными и занятия не будут соответствовать главной задаче — приучить ученика к сознательным действиям».²

«Понятно,— говорит он далее,— что все требования и выяснения должны высказываться преподавателем отчетливо, просто и кратко, всегда соответственно пониманию учащихся».³

Однако Лесгафт не отрицает, а напротив рекомендует показ преподавателя, но только после определенной самостоятельной работы ученика. Этот показ должен быть выполнен в условиях подготовленного и осознанного восприятия.

Придавая второстепенное значение зрительной наглядности при обучении физическим упражнениям, Лесгафт указывает на важное значение мышечно-двигательных ощущений и их участия в усвоении движений.

«Каждое производимое нами движение,— говорит он,— сопровождается известными ощущениями (мышечное ощущение), зависящими от сокращения деятельной мышцы; этими ощущениями мы руководимся при всякой нашей физической работе. Ребенок должен научиться управлять своими движениями, руководствуясь ощущениями, связанными с мышечной деятельностью. Путем анализа и сравнения получаемые извне впечатления переходят в умственную работу, появляясь уже затем в виде отвлеченных понятий. Соответственно этому следует научиться анализировать и сравнивать движения, стараясь приспособить их к такой активной деятельности, в которой наибольшая работа производилась бы при наимень-

¹ «Семейное воспитание», ч. II, стр. 221.

² «Руководство», ч. I, стр. 289.

³ Там же, стр. 289.

шей затрате труда, что возможно также при отвлеченных умственных занятиях».¹

В связи с тем, что Лесгафт придает большое значение правильному развитию чувствительности и дифференциации ощущений, которые должны развиваться постепенно и последовательно, он отрицательно оценивает «добавочные» раздражители и сильные возбуждения. Об упражнениях на аппаратах, которые связаны с большими напряжениями, Лесгафт пишет:

«Относительно психологического значения упражнений на аппаратах можно сказать, что они связаны с большим напряжением, следовательно, с сильными ощущениями»... «Следовательно,— говорит он далее,— они действуют таким же опьяняющим образом, как водка, карты, опиум, табак и т. п. средства»... «С психологической точки зрения такие упражнения не могут быть допущены в школе, потому что они связаны с сильными ощущениями».²

Итак, сильные ощущения, с точки зрения Лесгафта, являются вредными потому, что они притупляют чувствительность и снижают возможность дифференциации ощущений.

Лесгафт выдвигает большие требования к процессу преподавания и к подготовке преподавателя. Задача преподавателя в воспитании заключается не в простой передаче знаний обучающемуся; это более легкий путь, на который сбиваются многие учителя. Преподаватель всегда должен вскрыть способ, ведущий к пониманию и к умению применять полученные знания в своей деятельности. Задача преподавателя не только передавать знания, описывать факты и показывать определенные явления. Он должен научить занимающегося логическому мышлению, научить методам и способам понимания сущности явлений. Для этого преподаватель должен быть сам образованным человеком. Он должен владеть теорией своего предмета.

«Понятно,— говорит Лесгафт,— не легко усвоить какой-либо предмет теоретически. Для этого необходимо, чтобы предыдущим трудом у преподавателя была развита мыслительная способность, чтобы он был в состоянии мыслить образами».³

Объект должен быть продемонстрирован умело и продуманно.

Применение демонстрации требует опыта со стороны преподавателя. Для этого он должен тщательно и любовно накапливать материалы, полезные для наглядного обучения.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги высказываниям Лесгафта о роли наглядности в обучении, можно сделать следующие основные выводы.

1. Лесгафт признает необходимость применения наглядного метода и отводит ему определенное место в процессе обучения.

¹ «Руководство», ч. I, стр. 266.

² Там же, ч. II, стр. 396.

³ «О преподавании анатомии», стр. 93.

2. Вместе с тем он отрицает самостоятельное значение показа или демонстрации и пользу их применения в отрыве от словесного объяснения и теоретического познания. Он считает, что непосредственное восприятие должно быть связано с активной деятельностью мышления и произвольного внимания.

3. Лесгафт правильно указывает на переоценку роли наглядности в учении Песталоцци и на механический и формальный характер его способа обучения.

4. Он совершенно правильно предостерегает от возможности механического усвоения и подражания при применении демонстрации без соответствующей подготовки. Восприятие наглядного материала только тогда достигает своей цели наиболее точного, ясного и полного понимания объекта, когда оно заранее подготовлено.

5. Он психологически обосновывает то положение, что восприятие должно осуществляться при наличии произвольного внимания. Восприятию должна предшествовать активная интеллектуальная работа, обеспечивающая сознательность усвоения воспринимаемого наглядного материала. Оригинальна мысль Лесгафта о «внутреннем образе», который создается обучающимся мысленно, прежде чем он получает непосредственное впечатление о предмете.

6. Эта мысль Лесгафта связана с другим ценным положением, указывающим на необходимость привлечения предшествующего опыта при знакомстве с новым объектом и связи новых впечатлений с уже имеющимися знаниями.

7. Лесгафт дает ценное указание на необходимость целенаправленного восприятия при применении метода показа. Обучающийся заранее должен знать, на что и для чего ему надо смотреть. Он имеет возможность проверить, уточнить и пополнить свои знания, связывая новые впечатления с имевшимися ранее представлениями.

8. Большое воспитательное значение имеют требования инициативы и самостоятельности, выдвигаемые Лесгафтом как обязательные в процессе обучения, в частности, при применении наглядного метода.

9. Справедлива резкая критика, направленная Лесгафтом против формального применения наглядности без тщательной подготовки и продуманности показа в отношении выбора объектов, последовательности, своевременности, характера демонстрируемого материала и др. Справедливы также требования к подготовке преподавателя, к глубокому пониманию им своего предмета, к культуре и мастерству в применении наглядного метода обучения.

10. Наряду с указанными ценными положениями о применении наглядности в обучении, выдвинутыми Лесгафтом, он все же допускает некоторое сужение значения непосредственного восприятия в обучении.

В психологическом содержании восприятия он не усматривает мыслительного акта. Между тем дифференцированное восприятие по

самой своей сущности содержит элементы мышления: выделение и отвлечение, сравнение и обобщение явлений окружающей действительности составляют неотъемлемую часть восприятия отдельного объекта. Восприятие непосредственно связано с мышлением. Для Лесгафта же мышление, как совершенно особый процесс, лишь присоединяется к восприятию и наблюдению в процессе познания.

11. Отсюда следует и недооценка Лесгафтом в некоторых случаях наглядного метода обучения. Он отрицает его самостоятельность и сводит задачу его применения к проверке и уточнению уже имеющихся знаний.

12. Особенно следует подчеркнуть недооценку Лесгафтом роли показа движений при обучении физическим упражнениям. Здесь он на первое место ставит словесный метод, что не может быть признано правильным в практике обучения движениям. Правильно критикуя неподготовленный показ и требуя сознательного и активного овладения движениями, Лесгафт, увлеченный своей общей теорией о роли наглядности в образовании, совершенно неправильно отодвигает на второстепенное место демонстрацию движений при обучении физическим упражнениям.

ФИЗИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПО П. Ф. ЛЕСГАФТУ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ О ТОРМОЖЕНИИ

ТЕОРИИ физической культуры одной из актуальных проблем является правильное разрешение вопроса о физическом образовании. Всестороннее освещение этого вопроса с самых различных точек зрения должно способствовать и правильному определению самого понятия физического образования, и наметить наиболее рациональные пути к практическому разрешению стоящих перед ним задач.

С точки зрения современных требований к воспитанию советской молодежи анализ идей П. Ф. Лесгафта приобретает особый интерес и актуальность: Лесгафт был первым ученым биологом-педагогом, который самую идею физического образования выделил из общих задач физической культуры, подчеркнув тем самым, что цель занятий физическими упражнениями отнюдь не ограничивается физическим развитием.

По определению самого Лесгафта, задача физического образования состоит «в ограничении произвола в действиях молодого человека, чтобы в полной гармонии с умственным развитием приучить его сознательно относиться к своим действиям и производить свою работу с возможно меньшей тратой материала и сил».¹ В этой формулировке Лесгафта обращает на себя внимание основная идея физического образования — развитие самообладания и экономичность в работе. Практически решение этих задач достигалось по представлениям его учеников несколько своеобразными и оригинальными методами: выполнением физических упражнений по слову и выработкой у учеников навыков в подчинении и неукоснительном следовании правилам игры. Не останавливаясь на критическом разборе методики, предлагаемой для осуществления вышеуказанных задач, мы считаем необходимым остановиться на рассмотрении тех, главным образом, физиологических механизмов, которые, по нашему мнению, должны лежать в основе теоретических концепций Лесгафта о физическом образовании.

¹ «Руководство по физ. образованию детей школьного возраста», ч. II, стр. 384.

Идея самообладания и ограничения произвола в действиях, в широком смысле слова, включает в себе представление об ограничении именно действия как акта поведения, направленного на какую-то определенную, реально осознанную цель.

Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет не о тех действиях, которые являются привычными и легкими и которые порождаются у человека под влиянием первых же побуждений. Ограничение произвола в действиях мыслимо лишь в тех действиях более высокого уровня, которые реализуются в результате конфликтов различных тенденций и желаний и которые требуют какого-то выбора. Только при конфликтной ситуации и может возникнуть необходимость в ограничении одних реакций путем их торможения, с тем чтобы другие могли быть реализованы в действии.

В рамках более узкой постановки вопроса «ограничение произвола действий» и умение «производить свою работу с возможно меньшей тратой материала и сил» означает умение вырабатывать новые навыки и целесообразно ими пользоваться, т. е. способность находить при всяком представляющемся новом случае правильный путь.

С точки зрения физиологии движений под произволом в действиях, видимо, следует понимать так называемые сопутствующие движения, т. е. те движения, которые при выполнении какого-либо двигательного акта являются мешающими или просто излишними.

Таким образом, в психо-физиологическом аспекте проблема физического образования в формулировке Лесгафта с необходимостью вырисовывается как проблема торможения и в процессе целенаправленного поведения, и в процессе выполнения координированного действия, и даже в процессе изолированного движения в одном суставе.

Необходимо оговориться, что единой и бесспорной теории торможения, удовлетворительно охватывающей все его случаи, в настоящее время нет и что, повидимому, самый механизм торможения в различных случаях различен.

Как известно, первым, кто представил данные относительно участия тормозных процессов в деятельности нервной системы, был Сеченов. В дальнейшем Шеррингтон пришел к заключению о том, что торможение представляет собой процесс, обязательно участвующий в каждом акте центральной нервной системы. В частности, Шеррингтон в одном из опытов, раздражая определенные участки коры, управляющие движениями глаза, обнаружил, что при перерезанном отводящем нерве, когда наружная прямая мышца глаза оказывается парализованной и глаз вследствие этого повернут в сторону носа, можно тем не менее вызвать поворот глазного яблока к срединному положению, если раздражать ту часть коры головного мозга, которая должна была дать возбуждение отводящего нерва. Происходящее при этом интрацентральное подтормаживание

вание внутренней прямой мышцы глаза вызывало установку глазного яблока в нормальное положение. Систематически изучая уже готовые спинальные координационные взаимоотношения у животного, Шеррингтон установил явление так называемой реципрокной иннервации антагонистических мышц и тем самым внес известную ясность в представление о тормозных процессах.

Академик Л. А. Орбели в своей статье «О механизме возникновения спинномозговых координаций» пишет: «Можно думать, что так называемая реципрокная иннервация антагонистических мышц... есть явление выработанное, что когда-то раньше процесс возбуждения диффузно охватывал всю массу мозгового вещества без различия, и антагонистические мышцы, а может быть, и вся мускулатура сокращались одновременно, и только позднее, на основе выработки дифференцировок и условных тормозов (в возникновении которых, может быть, существенную роль сыграло простое механическое противодействие мышц друг другу и показания проприоцептивных афферентных волокон двигательного аппарата), установились реципрокные взаимоотношения антагонистических мышц».¹

Л. А. Орбели считает, что и сейчас нервная система работает как целостная диффузная система, но с различной степенью возбуждения и торможения в различных ее отделах. В доказательство этой точки зрения Орбели приводит наблюдения свои и Кунстман над собакой, у которой была произведена деафферентация задней конечности. У такой собаки одновременно с едой или актом вдоха наблюдались движения и деафферентированной конечности. Толковать эти факты, очевидно, следовало таким образом, что при наличии возбуждения какого-либо центра возбуждение рассеивается по всей спинномозговой оси и, следовательно, затекает в деафферентированную конечность, что и проявляется в ее движении. В норме же мускулатура этой конечности, очевидно, заторможена за счет тех афферентных импульсов, которые от этой конечности идут.

Можно предполагать, что в каждом случае, когда создается та или иная новая координация, процесс возбуждения, не имея готовых путей, будет также рассеиваться по всей нервной системе и вызывать, таким образом, сопутствующие движения, которые лишь при повторных упражнениях с течением времени будут в дальнейшем заторможены.

Врожденными координациями человек пользуется сравнительно мало. Основная масса его движений носит приобретенный характер. Отсюда в плане общего физического образования возникает вопрос: можно ли путем упражнений так подготовить организм, чтобы при попытке выполнить какую-либо новую координацию процесс возбуждения не вызывал ненужных сопутствующих

---

¹ Известия Петроградского научного института им. Лесгафта, 1923, т. VI, стр. 206.

движений, а протекал по тем немногим путям, которые необходимы для сокращения групп мышц, нужных лишь для данного движения.

Эта задача в системе Лесгафта поставлена и решается совокупностью упражнений всех четырех групп его классификаций. Однако верно ли решается? По нашему мнению,—нет, как не решаются рационально эти задачи и в других современных системах гимнастики. А если и решаются, то лишь эмпирически и в самом общем виде.

На основании современных представлений о протекании координированного двигательного акта, разработанных проф. Н. А. Бернштейном, мы считаем, что основная ошибка существующих систем в разрешении задач общей подготовки человека к более быстрому овладению любой новой координацией заключается в недоучете тех процессов и явлений, которые совершенно самостоятельно разыгрываются на периферии вне зависимости от посланных из двигательных центров импульсов. При выполнении сложных двигательных актов, послав определенный импульс из центра, мы не можем еще сказать, какую он вызовет реакцию со стороны периферического двигательного аппарата.

Не можем мы этого сделать по целому ряду причин:

во-первых, в силу чисто анатомических признаков, к которым следует отнести: отсутствие стойких антагонистов в многоосных суставах, разнообразие функций мышцы в зависимости от исходных расположений звеньев, разнообразие работы двусуставных мышц и т. д.;

во-вторых, благодаря механической сложности поведения многозвенной кинематической цепи, которая, будучи приведена в действие, вызывает огромное количество всевозможных реактивных сил;

в-третьих, вследствие известной избирательности и фильтрующего отношения последнего мотоневрона передних рогов спинного мозга и мионевральной передачи к прибывающим из центра эффекторным импульсам.

Однако, несмотря на такое обилие трудно поддающихся учету причин неопределенной реакции периферического аппарата, мы все же можем осуществлять очень тонкие и точные координации. Это, очевидно, возможно лишь в силу существования постоянной сигнализации с афферентационного поля и постоянного чуткого реагирования двигательных центров на то, что в каждое мгновение происходит на периферии.

В этой сложной и тонкой организации управления периферией и лежит, по мнению проф. Бернштейна, основная идея координации.

Пока мы не откажемся от привычки думать о поведении двигательной периферии как о точной проекции лишь интрацентральных взаимоотношений между процессами возбуждения и торможения, до тех пор мы и практически не сможем правильно подойти к тренировке нашей нервной системы с целью воспитания общей двигательной культуры.

Мнение о том, что под координированным движением следует понимать такое движение, которое осуществляется лишь за счет сокращения мышечных групп, непосредственно содействующих выполнению данного движения, является общеизвестным среди специалистов физической культуры.

Но дело заключается не только в том, чтобы путем центрального торможения выключить, расслабить ненужные для данного движения мышцы, но и в том, чтобы те бесплатные реактивные и внешние силы тяжести, которые возникают в результате этого торможения на периферии, были также использованы, и использованы максимально, до их полного исчерпания.

С этой точки зрения и Лесгафт, несомненно, впадает в ошибку, когда он, полемизируя с Вебером относительно траты мышечных сил при ходьбе, говорит: «Всякое движение отдельных частей живого организма может происходить только при посредстве мышечных сил; как скоро части сближаются между собою, то находящиеся между ними мышечные тела сокращаются, а лежащие с противоположной стороны антагонисты их растягиваются. Без такого участия мышц невозможно ни малейшее движение в живом теле».¹

В качестве примера, поясняющего высказанное положение, приведем гимнастическое упражнение с булавами.

Можно руку, вытянутую вверх с булавой, перевести в положение «руку в сторону», используя работу мышц; можно это сделать, но используя силу тяжести булавы и руки, т. е. дать им упасть, расслабляя мышцы; можно, наконец, используя инерцию падения и остановив руку, закончить это упражнение выполнением малого лицевого круга.

Совершенно очевидно преимущество именно последнего способа исполнения данного упражнения с точки зрения экономной траты как питательных материалов, так и нервной энергии.

Конечно, элементарные упражнения Лесгафта, классифицированные лишь по анатомическому признаку, хотя и воспитывают в известной мере умение сознательно дифференцировать движения, однако образовательных задач формирования движений они не могут решить.

Тем не менее основная мысль Лесгафта о том, что старые координации можно разбить до элементов, с тем чтобы затем облегчить возможность построения новых координационных отношений, является несомненно плодотворной.

В перспективе нам представляется возможным создание новой, вполне оригинальной советской системы гимнастики, с учетом всех современных данных науки о движении, богато представленной работами таких русских ученых, как Сеченов, Ухтомский, Орбели и Бернштейн.

Тренировка центральной нервной системы не может, конечно, ограничиваться работой лишь над элементами движений. В системе

¹ «Руководство», ч. I, 1888, стр. 319.

Лесгафта предусмотрен и второй путь — использование наших локомотивов в качестве фона для сознательного изменения и перераспределения процессов возбуждения и торможения.

Локомотивные движения представляют собой очень древние и высокоавтоматизированные двигательные акты, где процессы возбуждения и торможения строго фиксированы во всех деталях. Это обстоятельство дает преподавателю почти неограниченные возможности для решения образовательных задач. Ходьба и бег с различными движениями и положениями рук, остановки, повороты, разные виды шага, прыжков и т. п. — все это требует кортикального вмешательства в координационные отношения, обусловленные более низкими этажами центральной нервной системы.

Совершенно очевидно, что в зависимости от того, уровень каких координаций мы будем видоизменять, будет изменяться и образовательная ценность таких упражнений. Затормозить, например, шагательный рефлекс для того, чтобы остановиться, легче, чем видоизменить самый шаг; прыгнуть, согнув ноги, легче, чем прыгнуть лётом.

Предлагая то или иное упражнение, всегда приходится считаться и с эмоциональным состоянием людей, выполняющих тот или иной двигательный акт, и с теми количественными соотношениями в процессах возбуждения и торможения, которые определяют данное упражнение при его выполнении в определенной обстановке. Любую вяло настроенную группу можно вывести из этого состояния, предложив ей, например, прыжки на месте или прыжки в высоту. Труднее это сделать, применяя бег или прыжки, требующие работы над уточнением их формы.

Опыт и знание этих условий могут оказать подчас неоценимые услуги в руководстве и управлении целыми подразделениями, например в боевой обстановке. Мэк Керди в своей книге «Физическое воспитание» приводит следующий пример:

Подразделение майора Коулэна только что возвратилось из трехдневного боя изрядно потрепанным. Многие были ранены, а оставшиеся в строю были переутомлены непрерывной трехдневной работой при наивысшем напряжении нервной системы. Вернувшиеся люди были накормлены и уложены спать. Но и выспавшись, они еще оставались подавленными, неподвижными, и в их головах мелькали и кружились отрывки разрозненных воспоминаний о пережитых боях, об окопах и нарах, об убитых или пропавших без вести товарищах. Эти ощущения имели тенденцию затянуться на неопределенное время. Люди в таком состоянии находятся на краю гибели. Если подобное состояние продолжится долгое время, они никогда опять не станут нормальными людьми. Не предпринять чего-либо было нельзя. И вот майор Коулэн берет мяч и бросает его в толпу молча и безучастно стоявших людей, у которых словами ему не удалось вызвать ни малейшего интереса к окружающему. Мяч попал в ногу одного человека, который с гневным нетерпением отбросил его прочь. Мяч ударился в другого человека, но этот остался равнодушным, зато третий подхватил мяч и в свою очередь бросил его; не прошло и десяти минут, как вся толпа гонялась за мячом, и состояние морального упадка было рассеяно.

Нам представляется, что конечной задачей физического образования должно быть овладение тормозным процессом в двига-

тельных актах, особенно тогда, когда в зависимости от изменяющейся реальной обстановки требуется принять какое-то быстрое конкретное решение, изменяющее предыдущую доминантную установку на новую направленность действия соответственно вновь создавшейся ситуации. Надобность в торможении может возникнуть в том случае, если текущая направленность рабочего действия окажется неподходящей для решения возникших новых задач и когда, следовательно, господствующий в данный момент процесс возбуждения должен быть направлен по новым путям. Кстати, эти явления с физиологической точки зрения укладываются в понятие реципрокной иннервации в том более широком смысле, который придал ей Ухтомский, когда он в 1910 г. распространил этот принцип на всю область физиологического антагонизма, т. е. рабочей несовместимости в один и тот же промежуток времени различных отправлений.

В плане систематической тренировки нервной деятельности огромные возможности быстрой смены доминантных установок в связи с изменяющимися ситуациями раскрываются в спортивных играх и в таких видах спорта, в которых ярко выражен элемент борьбы. Необходимо отметить, что и в этом отношении в системе Лесгафта предусмотрены такие упражнения, как фехтование и игры. Основным фоном для тренировки тормозных процессов и быстроты переустановки при таких упражнениях является иррадиация возбуждения, легко проявляющаяся в моменты, связанные с эмоциональным подъемом.

Известно, что эмоциональное возбуждение, получая непосредственный доступ к моторике, может дезорганизовать нормальные пути ее регулирования. В таких случаях в моторную деятельность человека легко врываются произвольные реакции, а сознательное волевое действие может перейти в простую импульсивную реакцию.

Нет надобности доказывать, какие богатые педагогические возможности направить эмоциональное возбуждение в определенное русло, подчинив его волевым процессам, открываются для руководителя при проведении игр. Разумеется, в свете современных требований к физическому образованию молодежи нельзя ограничиваться только играми, фехтованием, борьбой или боксом; нужно всячески расширять, повышать требования к той деятельности человека, которая способствует развитию самообладания в смысле умения управлять собою и отдавать полный отчет в своих действиях в самых разнообразных ситуациях.

В заключение необходимо остановиться на вопросе, в каком направлении должна происходить тренировка нервной системы и, в частности, процессов торможения для подготовки человека к его наиболее ответственной — военной деятельности.

Весь опыт Отечественной войны говорит нам о том, что организм человека может в известных условиях проявить громадную дееспособность. Лозунг товарища Сталина об овладении боевой

техникой несомненно заключает в себе и требование — уметь полностью использовать все силы и возможности своего организма. Без предъявления к центральной нервной системе воина огромных требований трудно себе представить полное освоение им всей современной сложной военной техники.

В аспекте физического образования поднять дееспособность человека можно, тренируя следующие физиологические процессы:

во-первых, сдвигая ритмы и темпы работы на более высокие уровни в смысле их ускорения. Возможность перестройки деятельности человека на ускоренные темпы доказывается каждодневным опытом стахановцев на фронте труда и бойцов в боевой обстановке;

во-вторых, тренируя организм на единую концентрированную целенаправленность действия или позы, обеспечивающую создание господствующего очага возбуждения и исключаящую в данный момент путем торможения другие действия и позы.

Единство действия организма, может быть, нигде так выразительно не проявляется, как в том состоянии, которое названо Ухтомским оперативным покоем. Вспомним бдительно настроженную неподвижную позу фехтовальщика перед проведением задуманной им атаки, или позу бегуна на старте, или положение бойцов, прижавшихся к земле за складками местности перед началом активных действий на поле современного боя.

Значение единой целенаправленной установки организма заключается в повышенной его производительности, несмотря на, может быть, энергетически более дорогую стоимость торможения или конфликтов возбуждения по сравнению с самим возбуждением.

Наконец, третий путь повышения дееспособности человека заключается в том, чтобы не только уметь сохранять доминантные установки, но и чтобы быстро и с наибольшей целесообразностью сменять их соответственно изменившимся условиям.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. Н. Медынский. Памяти П. Ф. Лесгафта	5
Г. Г. Шахвердов. Жизнь и педагогическая деятельность Петра Францевича Лесгафта	15
М. Н. Слободзинская. П. Ф. Лесгафт в жизни	40
И. Д. Стрельников. Воспоминания о П. Ф. Лесгафте (1906—1909)	53
И. М. Саркизов-Серазини. Роль П. Ф. Лесгафта в развитии теории физического воспитания в России и на Западе	65
К. Х. Грантынь. Основные черты системы физического образования П. Ф. Лесгафта для детей школьного возраста	74
М. В. Лейкина. Игры в системе физического образования П. Ф. Лесгафта	89
О. А. Черникова. П. Ф. Лесгафт о наглядном методе обучения	102
С. В. Янанис. Физическое образование по П. Ф. Лесгафту в свете учения о торможении	118

Редактор **В. И. Корж.**
Техн. редактор **А. С. Плахова.**

Сдано в набор 15 июня 1946 г.
Подпис. к печ. 16 октября 1946 г.
Л 139254. Форм. п. б. 60×92¹/₁₆.
Объем 8 печатных листов,
8,2 авт. л., 8,84 учетно-изд. л.
Колич. знаков в п. л. 44 175.
Тираж 5 000 экз. Заказ 756.

Москва, типография
«Путь Октября»

